

МАЙКА
ФИНКЕЛЬ

Я ЕМ
ТИШИНУ
ЛОЖКАМИ

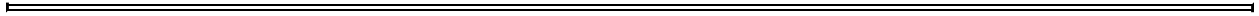
Annotation

Книга, которую вы держите в руках, – это реальная, никак не дополненная и не измененная история настоящего отшельника. Написанная с глубоким уважением к выбору человека, который создал свой собственный невероятный мир и был в нем по-настоящему счастлив.

- [Майкл Финкель](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)

Майкл Финкель

Я ем тишину ложками

THE STRANGER IN THE WOODS
The extraordinary story of the North Pond Hermit
by Michael Finkel

© Горяинова А.С., перевод на русский язык, 2017

© 2017 by Michael Finkel

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*«Сколько же есть вещей, без которых можно
жить»*

– Сократ,

400 год до Рождества Христова

Глава 1

Лагерь «Сосна»

Там, где живет отшельник, деревья тонки и переплетены над гигантскими валунами и буреломами, словно спутанные нити. Там нет троп. Попытка пробраться туда – суровое испытание, напоминающее порку ветвями-розгами, а в темноте и вовсе кажется, будто пройти там невозможно.

Темнота – то самое время, когда передвигается отшельник. Он ждет до полуночи, надевает свой рюкзак и сумку с инструментами для взлома и оставляет лагерь. Фонарик висит на цепочке, обвитой вокруг шеи, но сейчас он отшельнику ни к чему. Каждый шаг он помнит наизусть.

Он проходит сквозь лес уверенно и плавно, петляя и перешагивая препятствия, не сломав ни одной веточки. На земле еще лежат бугорки снега, подтаявшие и грязные, – весенняя пора, Центральный Мэн – но он обходит их все. Он перескакивает с камня на корень и снова на камень, не оставляя ни единого следа.

Отшельник боится, что один-единственный след может выдать его. Секретность – штука хрупкая, стоит лишь раз дать слабинку – и все, пиши пропало. Оставлять отпечаток подошвы, если вы относитесь к делу серьезно, не разрешается ни в коем случае. Слишком рискованно. Поэтому он тенью скользит между сосной, и кленом, и березой, и вязом до тех пор, пока не достигает скалистого берега замерзшего пруда.

У пруда есть название – Малый Северный пруд, хотя отшельник этого и не знает. Он раздел мир до самого важного и оставил себе только это, а имена собственные к самому важному не относятся. Он знает это время года, глубоко, каждую его грань. Он знает луну, она сегодня убывающая, осколок на небе уже меньше половины. Обычно он дожидался новолуния, – чем темнее, тем лучше, – но это путешествие должно случиться сейчас, иначе он может погибнуть. Он знает час, минуту, секунду. Он надел старые механические часы, чтобы быть уверенным, что успеет вернуться до рассвета. Он не знает, по крайней мере не подсчитав в уме, какой сейчас год или десятилетие.

Он хотел перейти пруд по льду, но быстро оставил эту затею. День выдался относительно теплый, чуть выше нуля – он знал эту погоду. И пока он сидел в своем лагере, солнце работало против него. Толстый лед –

подарок для того, кто не оставляет следов, но, когда он подплавлен солнцем, каждый отпечаток подошвы, наоборот, ложится на него рельефным оттиском.

Так что придется пойти долгим путем, снова сквозь деревья, прыгая по корням и камням. Он знает каждую клеточку этих «классиков» на мили вокруг, не раз и не два пройдены им все окрестности до самых дальних уголков Большого Северного пруда. За спиной остается дюжина летних домиков, скромных, из некрашеного дерева, накрепко запертых на зиму. Путь занимает почти час, и за все время – ни следа, ни сломанной ветки. На некоторые корни он наступает так часто, что они становятся гладкими. Даже зная об этом, ни один следопыт не смог бы его найти. Ходьба по лесу стала его искусством.

Он останавливается у цели – летнего лагеря «Сосна». Лагерь закрыт, но управляющие уже были здесь и, возможно, начали завозить продукты на кухню перед началом сезона. Из тени леса он внимательно осматривает территорию: домики для ночлега, мастерскую, зону отдыха, столовую. Никого. Пара машин на парковке – как обычно. И все же он ждет. Осторожность никогда не бывает лишней.

Наконец, он готов. Лампы с датчиками движения установлены по всему лагерю, в основном из-за него, но они не являются серьезным препятствием. Лучи статичны, их границы неизменны. Достаточно лишь знать, где они, и обходить стороной. Отшельник двигается зигзагами, останавливается у определенного камня, переворачивает его и забирает ключ, который спрятал там в прошлый раз. Затем поднимается на пригорок к парковке и пробует открыть двери машин. Пикап Ford оказывается открытым. Он включает фонарик и ныряет в кабину.

Конфеты! Всегда кстати. Десять рулончиков с шоколадными драже Smarties торчат из держателей для чашек. Он засовывает их в карман. Забирает новое непромокаемое пончо и серебристые часы Armitron. Это недорогие часы – если бы они выглядели ценными, отшельник бы не взял их. У него есть моральный кодекс. Но вторые часы нужны – когда живешь на природе, под дождем и снегом, поломки неизбежны.

Он обходит еще несколько ламп-ловушек по пути к задней двери столовой. Здесь он кладет на землю свою тканевую спортивную сумку и открывает молнию. Внутри – пара шпателей, инструмент для удаления краски, мультитул Leatherman, несколько длинных плоских отверток и три запасных фонаря. Он знает эту дверь, она уже слегка поцарапана и выщерблена благодаря его работе. Выбрав отвертку, он вставляет ее в щель между рамой и дверью, рядом с ручкой. Один правильный поворот – и

добро пожаловать. Он проскальзывает внутрь.

Включенный фонарик зажат во рту. Отшельник на большой кухне лагеря, луч света бежит по нержавеющей стали, отскакивает от спящих ковшей и поварешек, висящих под потолком. Поворот направо, пять шагов – кладовая. Он снимает рюкзак и осматривает полки. Хватает две пачки кофе и бросает их на дно рюкзака. Вслед за ними летят упаковки тортеллини и зефирок маршмэллоу, батончик мюсли, пачка картофельных чипсов Humpty Dumpty.

То, ради чего он пришел, находится на другом конце кухни, и он идет туда, достает ключ, который прятал под камнем, и вставляет его в замок холодильной камеры. На ключе висит брелок – четырехлистный клевер. Один листочек частично отломан. Трех-с-половиной-листный клевер, может быть, все еще приносит удачу. Замок поддается, он заходит внутрь и понимает – главная миссия этой ночи выполнена, все невероятные усилия наконец вознаграждены.

Он страшно голоден. Из еды в его палатке осталась лишь пара крекеров, немного молотого кофе и несколько упаковок сахарозаменителя. Все. Прожди он еще несколько дней, и, возможно, не смог бы двигаться из-за слабости. Этот набег был неизбежен. Фонарик выхватывает из темноты упаковки с булочками для гамбургеров, сыр, пакеты с колбасой и сосисками, бекон – настоящий «шведский стол». Его сердце колотится, желудок урчит от голода, и он начинает набивать продуктами рюкзак.

Глава 2

Долгожданная встреча

Жена Терри Хьюза будит его, толкая в бок, и он вскакивает с кровати, будто разжавшаяся пружина. Игра началась. Быстрый взгляд на монитор, затем прыжок вниз по лестнице, где все уже подготовлено – пистолет, фонарь, наручники, мобильный телефон, ботинки. Пояс дежурного. Где пояс дежурного? Нет времени, забудь о нем, прыгай в машину – и вперед.

Направо к Оак Риджу, затем, спустя милю, налево, газуя по длинной гравийной дороге – к летнему лагерю «Сосна». Фары выключены, но машина шумная, поэтому он бросает ее в парке, выпрыгивает из кабины. Дальше Хьюз идет уже пешком, так быстро, как это только возможно, хотя он сейчас и не столь проворен – на нем нет пояса, а значит, руки заняты снаряжением.

Лампы с датчиками движения ему не помеха – он провел две ночи, изучая их работу и совершенствуя навыки обхода. Не снижая скорости, он приближается к столовой, перепрыгивая валуны, уклоняясь от веток деревьев. Сердце колотится, как у колибри – еще бы, от кровати до этого окна всего за четыре минуты.

Хьюз переводит дыхание. Затем осторожно поднимает голову и заглядывает в окно кухни, напрягая зрение, силясь разглядеть что-нибудь в потемках. И он видит его: бледный луч света тянется из открытой двери холодильной камеры. Неужели это и вправду он? После стольких лет? Без сомнения. На Хьюзе пижама, и он гладит кобуру на поясе, чтобы убедиться – да, оружие на месте, маленький пистолет Glock калибра 357 SIG. Заряжен. Снят с предохранителя.

Луч становится ярче, Хьюз чувствует напряжение, из холодильной камеры выходит человек, волочит рюкзак. Он совсем не такой, каким его ожидал увидеть Хьюз. Этот мужчина крупнее – добрые шесть футов, думает он – и опрятнее, его лицо свежевыбрито. На нем большие «очки ботаника» и лыжная шерстяная шапка; он спокойно бродит по кухне и выбирает продукты, будто в супермаркете.

Хьюз не в силах сдержать довольную ухмылку. Подобные случаи редки в полицейской практике, о чем сержант Хьюз хорошо знает. Он – егерь в Мэне уже восемнадцатый год, до этого почти десять лет служил в ВМС США. Если бы за изматывающую рутину, тупиковые дела и

бесконечное заполнение бумаг давали докторскую степень, он давно бы отпраздновал ее получение. Но в один прекрасный день мудрость, обретенная в череде неудач, приносит свои плоды.

Несколько недель назад Хьюз решил положить конец эпохе отшельника. Он знал, что стандартные полицейские методы тут бессильны. Расследование велось уже четверть века, и испробовано было все: следопыты, вертолетные поиски, снятие отпечатков пальцев, проводимое четырьмя независимыми группами – шерифами двух округов, полицией штата и егерской службой. За это время никто даже имени отшельника не смог узнать. Хьюз решил действовать по-своему: опросил знакомых экспертов из служб технической разведки, провел мозговые штурмы с частными детективами, выслушал советы знакомых военных. Ничто не вызвало в нем особого интереса.

Тогда он позвонил приятелям-пограничникам, работающим в Рангелее, возле перехода Мэн-Квебек. Один из парней только что вернулся из тренировочного лагеря, где знакомился с новой охранной технологией – она создавалась для отлова тех, кто пытался нелегально пересечь границу. Засекреченная система, слишком сложная для повседневных задач егеря. Звучало идеально. Хьюз заверил, что все сохранит в тайне, и вскоре трое умельцев из погранвойск уже орудовали на кухне летнего лагеря.

Один сенсор был спрятан за машиной для льда, другой за соковыжималкой. Приемник установили у Хьюза дома, над лестницей, так, чтобы гудки сигнализации были слышны в каждой комнате. Он посвятил всего себя изучению работы системы – как читать показания монитора, как расшифровывать различные коды. Затем протестировал ее, потом еще раз и еще, пока не убедился, что управляется с прибором достаточно свободно.

Этого было недостаточно. В деле поимки отшельника не должно было остаться места даже для малейшей небрежности. Случайный звук, вспышка света – и план мог провалиться. Он запомнил, где расположены лампы-ловушки, выбрал лучшее место, чтобы оставить машину, и отрепетировал каждое движение по дороге от дома к лагерю, всякий раз стараясь проходить дистанцию за наименьшее количество секунд. Он взял привычку каждый вечер готовить снаряжение и раскладывать его у выхода из дома. То, что сегодня он забыл, где пояс дежурного, лишь доказывает, что он тоже человек.

А потом он ждал. Это заняло две недели. Гудки сигнализации – их первой услышала его жена Ким – начались после часа ночи.

Все это плюс немного удачи – ради идеального по своему исполнению задержания. Хьюз заглядывает в кухонное окно, где грабитель продолжает

наполнять свой рюкзак. Никакой серой зоны, никаких оправдывающих обстоятельств. Он поймал его на месте преступления. И не где-нибудь, а в лагере «Сосна». Вот почему Хьюз так хотел это сделать. «Сосна» – лагерь для детей с отклонениями в развитии, это некоммерческая организация, существующая на пожертвования. Он давно служит в ней волонтером. Часто ходит с этими детьми на рыбалку на Северный пруд, ловит окуней и коричневую форель. Ну вот кем надо быть, чтобы грабить лагерь для детей-инвалидов снова и снова?

Хьюз, пригнувшись, отходит от здания и тихо набирает номер на мобильном. В обязанности егерей не входит ловля грабителей, их дело – браконьеры и заблудившиеся туристы-походники. Этот случай был личной инициативой. Он просит диспетчерскую службу полиции штата Мэн вызвать сержанта Дайан Перкинс-Ванс, которая тоже охотится за отшельником. Хьюз и Дайан были коллегами целую вечность – в один год закончили академию и почти двадцать лет работали бок о бок. Он возвращается к окну и решает стеречь отшельника до приезда Перкинс-Ванс. Пусть она его арестовывает. И заполняет все эти бумаги. Его часть работы завершена.

Не тут-то было. Хьюз видит, как мужчина застегивает рюкзак и надевает его на плечи. Он выходит из кухни и пропадает из поля зрения, растворяясь в темноте огромной пустой столовой. Идет к выходу, решает Хьюз, к другому, не к тому, что он взломал. Доверившись интуиции, егерь обходит дом и замирает у двери, к которой, по идее, и направляется грабитель. Эта дверь, как и все остальные в столовой «Сосны», выкрашена в вишнево-красный цвет и замкнута в зеленую деревянную раму. Сержант здесь один, без помощников, на дворе ночь, а впереди – потенциально опасная встреча, которая состоится с минуты на минуту. Непредсказуемая ситуация, россыпь вариантов и сложных выборов.

К любому сценарию он готов настолько, насколько это вообще возможно – от рукопашной до стрельбы. Хьюз – тренер по борьбе в Академии уголовного правосудия штата Мэн; он умеет работать в одиночку. Ему сорок четыре года, но он силен, как молодой солдат, у него короткая армейская стрижка и квадратная челюсть. Нет, он, конечно, не отступится и не отпустит вора. Возможность положить конец преступлениям для него превышает всех беспокойных доводов разума.

Возможно, грабитель, думает Хьюз, армейский ветеран, стало быть, скорее всего, вооружен. Кто знает, может, и навыки рукопашной борьбы у этого парня так же хороши, как его умение скрываться в лесу. Он занимает позицию у вишневой двери: пистолет в правой руке, фонарь в левой, спина

прижата к стене. Он ждет, прогоняя все эти «а-что-если?» из своей головы. Наконец слышит легкий щелчок и видит, как поворачивается дверная ручка.

Преступник выходит из столовой, Хьюз включает фонарь, резко направляя луч ему в глаза, наводит прицел на переносицу, занимает стойку: рука с пистолетом на руке с фонарем, обе вытянуты перед собой. После отпрыгивает на несколько футов назад – он не хочет, чтобы отшельник успел его ударить, – яростно выкрикивая одну и ту же фразу: «Лечь на землю! Лечь на землю! Лечь на землю!»

Глава 3

Кристофер Томас

Дайан Перкинс-Ванс едет в темноте к лагерю «Сосна». Все, что ей на данный момент известно, – Хьюз находится в опасности, без прикрытия преследуя человека, обладающего невероятным талантом исчезать бесследно. Она почти уверена в том, что к моменту, когда она прибудет на место, парня и след простынет. Или хуже. У него может быть оружие, он может применить его. Вот почему на ней бронежилет. У Хьюза его нет.

Перкинс-Ванс проезжает мимо машины егерской службы цвета хаки, припаркованной на обочине подъездной дороги, и направляется напрямик к столовой. Вокруг ни души. Выходит, осторожно оглядываясь, и зовет: «Сержант Хьюз? Сержант Хьюз?»

«Я десять-сорок-шесть», – отвечает тот. Это код полиции штата Мэн, означающий взятие под стражу. Беспокойство Перкинс-Ванс быстро проходит. Завернув за угол здания, она видит разбросанную по земле еду и человека, лежащего на животе, руки за спиной. Столкнувшись с Хьюзом, изумленный вор рухнул на холодный цемент без всякого сопротивления. Вот только под стражу его никак не взять – рукава толстой зимней куртки не дают застегнуться наручникам Хьюза. Перкинс-Ванс достает еще одну пару, раздается щелчок – готово, теперь точно «десять-сорок-шесть».

Они помогают мужчине сесть, затем ставят на ноги. Вытряхивают из его карманов все, что там есть, – шоколадные драже Smarties, часы Armitron, ключи с брелоком-клевером – и проверяют рюкзак и спортивную сумку на предмет оружия. Он может оказаться кем угодно: террористом, убийцей; они понятия не имеют, с кем имеют дело. В итоге находится лишь мультитул Leatherman. На нем памятная гравировка: «Лагерь «Сосна», 2000 год». Тринадцать лет назад.

Мужчина послушно следует их приказам, но не отвечает ни на один вопрос и не называет свое имя. Он не смотрит в глаза и не хочет разговаривать. Во время обыска им так и не удается найти его документы. Только бумажник камуфляжной расцветки на липучке, внутри – немного наличных. Деньги явно очень старые, некоторые купюры покрыты плесенью.

Время позднее, два часа ночи, но Хьюз все же звонит менеджеру лагеря Харви Чесли – тот говорит, что уже выезжает. У Хьюза есть ключ от

главной двери столовой – Чесли отдал его ему, благословив напоследок; все, что угодно, лишь бы поймать отшельника. Он отпирает дверь, включает свет и вместе с Перкинс-Ванс ведет грабителя обратно, туда, где тот только что похозяйничал.

Пустая столовая напоминает огромную пещеру, где каждый звук отдается эхом. На полу нежно-голубой линолеум, сводчатый потолок поддерживают толстые еловые стропила. Сейчас не сезон, и вся мебель – столы и стулья – расставлена вдоль стен. Ряд окон расположен на стороне, выходящей к пруду, но в темноте сквозь них ничего не разглядеть. Полицейские вытаскивают на середину комнаты металлический стул с бордовым пластиковым сиденьем и сажают на него подозреваемого, за спиной у которого позвякивают наручники.

Они ставят напротив белый раздвижной столик, берут пару стульев, садятся. Мужчина все еще молчит. Лицо его непроницаемо и спокойно. Это начинает действовать на нервы; человек, только что пойманный на месте преступления, не должен быть молчалив и пассивен. Хьюз начинает думать, не псих ли тот часом?

На мужчине новые, на вид, джинсы, серый свитер с капюшоном и вполне приличная куртка Columbia, на ногах – крепкие рабочие ботинки. Честно говоря, выглядит он так, будто только что приоделся в торговом центре. Рюкзак у него тоже хороший, фирменный, L.L. Bean. Лишь очки в толстой и грубоватой пластиковой оправе выглядят давно вышедшими из моды. На нем ни капли грязи, подбородок покрыт легкой щетиной. От него не пахнет. Волосы, по большей части спрятанные под шерстяной шапкой, аккуратно подстрижены. Его кожа до странности бледна, на запястьях – несколько заживающих порезов. Он выше среднего роста и широк в плечах.

Перкинс-Ванс, как и многие полицейские, разыскивающие отшельника, всегда подозревала, что большая часть этой истории – миф. Теперь она почти уверена в этом. Не может этот парень жить в лесу. У него точно где-то есть дом или комната в отеле, и он просто время от времени грабит дома в округе.

Вскоре появляются Чесли, смотритель лагеря и еще один егерь. Чесли немедленно опознает часы, найденные в кармане грабителя. Они принадлежат его сыну Алексу, который оставил их в своем грузовичке на парковке «Сосны». Они недорогие, но ценные: Алексу их подарил дедушка. Тем временем старые механические часы на запястье пойманного мужчины опознаны смотрителем лагеря Стивом Тредвеллом – это подарок от компании Sappi Fine Paper Company в честь 25-летия работы Стива на

заводе.

Комната наполняется шумом и гамом, и спокойствие подозреваемого понемногу улетучивается. Он по-прежнему тихо сидит на стуле, но вскоре ему явно становится не по себе, руки начинают трястись. У Хьюза возникает идея. Их первая встреча вышла пугающей и травматичной, но, возможно, Перкинс-Ванс сможет создать более спокойную атмосферу. Хьюз выпроваживает всех мужчин сквозь вращающуюся дверь на кухню и оставляет ее с отшельником один на один.

Некоторое время она ждет, когда он придет в себя. Этот загадочный случай занял большую часть из ее восемнадцати лет в полиции. Она снимает с него наручники и вновь надевает их так, чтобы руки мужчины оказались перед ним, теперь он может сесть поудобнее. Хьюз возвращается с бутылкой воды и тарелкой печенья, затем вновь исчезает на кухне. Перкинс-Ванс опять снимает наручники, теперь уже насовсем. Мужчина делает глоток воды. Он был пленником более полутора часов. Возможно, он уже понял, что на этот раз улизнуть не удастся. Спокойным голосом, по пунктам, Перкинс-Ванс зачитывает его права. У него есть право хранить молчание. Она спрашивает его имя.

– Меня зовут Кристофер Томас Найт, – произносит отшельник.

Глава 4

Чистосердечное признание

- Дата рождения?
- 7 декабря 1965 года.

Звуки, вылетающие из его рта, заедают и скрипят, словно детали старого мотора, которые пытаются поворачиваться. Каждый слог требует усилий. Впрочем, кажется, его понимают – Перкинс-Ванс за ним записывает.

- Возраст?

Мужчина вновь затихает. Имя и дата рождения – крепкое барахло, надежно запрятанное в голове. Как бы ты этого ни хотел, ты не можешь забыть абсолютно все. А вот годы, как он понимает, имеют свойство меняться. И он начинает считать, загибая пальцы. О'кей, а какой год сейчас? Вместе с Перкинс-Ванс в конце концов они решают эту задачу. Сейчас 2013-й. Четверг, 4 апреля. Кристоферу Найту сорок семь лет.

- Адрес? – спрашивает Перкинс-Ванс.
- У меня его нет, – говорит Найт.
- Куда вам отправляют письма?
- Я не получаю писем.
- Какой адрес вы указываете в налоговой декларации?
- Я не плачу налоги.
- Куда приходит ваше пособие по инвалидности?
- Я не получаю пособия.
- Где ваша машина?
- У меня нет машины.
- С кем вы живете?
- Ни с кем.
- Где вы живете?
- В лесу.

Перкинс-Ванс понимает, что сейчас не лучший момент, чтобы подвергать сомнению сказанное. Лучше позволить ему продолжать.

- Сколько времени, – спрашивает она, – вы живете в лесу?
 - Долгие годы, – говорит он.
- Перкинс-Ванс предпочла бы более точную информацию:
- В каком году вы начали жить в лесу?

Опять эти года. Он принял решение рассказать о себе и теперь важно говорить только правду. Все остальное – бросание слов на ветер. Сосредоточенно глядя в окно, за которым все еще черным-черно, он что-то вспоминает.

– Когда случилась Чернобыльская катастрофа?

Он тут же пожалел, что ляпнул это. Полицейский сейчас решит, что он какой-нибудь сумасшедший защитник природы. На самом деле, это просто новость, которая ему вспомнилась. Но объяснить это будет сложно, у него нет сейчас сил для этого, и он расслабляется. Перкинс-Ванс ищет ответ в Сети: Чернобыль случился в 1986-м.

– Вот тогда я и ушел в лес, – говорит Найт. Двадцать семь лет назад. Тогда он был вчерашним выпускником, а сегодня – мужчина средних лет. Он говорит, что все это время жил в палатке.

– Где? – спрашивает Перкинс-Ванс.

– В лесу неподалеку, – отвечает Найт. Он никогда не знал названия пруда поблизости и не имел ни малейшего понятия, что соседний городок называется Рим, штат Мэн, а его население – тысяча десять человек.

– Где вы жили зимой?

Он продолжает настаивать, что все это время провел в маленькой нейлоновой палатке и ни разу за все зимы не развел костра. Дым мог бы выдать его лагерь. Каждую осень, по его словам, он запасал в лагере достаточно пищи, чтобы не покидать его в течение пяти или шести месяцев, пока растаявший снег вновь не даст ему возможности передвигаться по лесу, не оставляя следов.

Перкинс-Ванс нужно время, чтобы переварить эту информацию. Зимы в Мэне долгие и очень холодные; и не просто холодные, а влажные и ветреные. Провести неделю в зимнем лагере на природе – уже подвиг. А прожить так несколько месяцев – это вообще неслыханно! Извинившись перед Найтом, она уходит на кухню.

Мужчины пьют кофе, наблюдая за Найтом сквозь большое прямоугольное стекло в двери. Перкинс-Ванс пересказывает их разговор. Ни у кого нет уверенности, чему из этого можно верить. Хьюз замечает, что, пока Найт разговаривался, важно спросить его о краже.

Перкинс-Ванс возвращается обратно. Хьюз чуть приоткрывает дверь – ему любопытно, он хочет лучше слышать разговор. Ему хорошо известно, что все преступники, как правило, отрицают свою вину – они будут клясться и божиться, что не делали этого, даже если ты поймал их с поличным, когда они обчищали сейф.

– Не хотите рассказать мне, как вы попали в это здание?

– Я взломал дверь отверткой. Чтобы попасть в холодильник, воспользовался ключом, который украл несколько сезонов назад. – Найт показывает на ключ с брелоком-клевером, лежащий на столе среди других предметов.

– Откуда эти деньги? – спрашивает Перкинс-Ванс, указывая на пачку наличных – триста девяносто пять долларов, которые она извлекла из его бумажника.

– Я собирал их годами, – говорит Найт. – По несколько купюр тут и там, из разных мест, куда удавалось забраться.

Он делал это на случай, если придется пойти в город, чтобы что-то купить, но такого случая не представилось. Он говорит, что за время жизни в лесу не потратил ни цента.

Перкинс-Ванс просит Найта ответить, сколько всего домиков, коттеджей и лагерей он ограбил. По затянувшейся паузе можно предположить, что подсчет дается Найту с трудом.

– Это случалось раз сорок за год, – наконец произносит он. И так каждый год, двадцать семь лет подряд.

Теперь уже очередь Перкинс-Ванс складывать и умножать в уме. Получается больше тысячи случаев – тысяча восемьдесят, если быть точным. Каждый из них считается преступлением. Можно с уверенностью сказать, что это самое большое ограбление в истории штата Мэн. Возможно, по числу отдельных взломов, это самое крупное преступление в стране. Или вообще во всем мире.

Найт объясняет, что проникал в дома только по ночам, лишь наверняка убедившись, что в них никого нет. Он никогда не грабил жилые дома в городе – только летние загородные коттеджи и лагерь «Сосна». Иногда замки даже не были заперты, иногда он открывал ломом окна или взламывал двери. Одну только «Сосну» он грабил пятьдесят раз. Каждый раз он брал все, что мог унести, но, так как унести он мог немного, приходилось часто возвращаться.

Перкинс-Ванс объясняет, что все украденные вещи придется вернуть. Она спрашивает, что из найденного при обыске принадлежит ему.

– Все краденное, – говорит Найт. Рюкзак, ботинки, инструменты, снаряжение в его лагере, вся одежда на нем, вплоть до нижнего белья. – Единственная вещь, которая действительно моя – это очки.

Перкинс-Ванс спрашивает, есть ли у него семья в этом районе.

– Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос, – говорит он.

Но ей все же удается его разговорить. Найт не знает, живы ли его родители, – он ни с кем не общался все это время, – но даже если живы, он

бы не хотел, чтобы они узнали, что его нашли. Перкинс-Ванс спрашивает почему, и Найт отвечает, что его не воспитывали, как вора. Он говорит, что ему стыдно.

Найт вырос в Центральном Мэне. Никогда не служил в армии. Окончил среднюю школу Лоуренса, выпуск 1984 года. Чесли, как и Хьюз, слушавший этот разговор из кухни, вспомнил в этот момент, что его жена закончила ту же школу, только двумя годами позже. Возможно, у него дома даже сохранился альбом с фотографией 84-го. Хьюз просит Чесли съездить домой и попробовать найти его.

Перкинс-Ванс звонит диспетчеру и просит проверить Найта. Досье чистое – он ни разу не был арестован. Не числится среди пропавших. Срок действия водительского удостоверения закончился в день его рождения в 1987 году.

Чесли возвращается со школьным альбомом – на обложке цвета морской волны выгравированы большие серебряные цифры «84». С небольшой подписанной фотографии смотрит старшеклассник Крис Найт – мальчик с темными взъерошенными волосами, в очках с толстыми стеклами и в синей рубашке поло. Он стоит, слегка облокотившись на дерево, руки скрещены на груди. Он выглядит здоровым и сильным. На лице не улыбка, а какая-то кривоватая усмешка. На фотографиях школьных клубов или спортивных команд его нет.

Сложно найти сходство между этим мальчиком и мужчиной, сидящим сейчас в столовой «Сосны». Найт говорит, что годами не видел собственного лица, за исключением, возможно, размытого отражения в воде. В его лагере нет зеркал.

– Как же вы бреетесь? – спрашивает Перкинс-Ванс.

– Вслепую, – говорит он.

Найт совсем не представляет, как выглядит его лицо. Он искоса поглядывает на снимок. Очки сдвинулись на лоб, но он вернул их на место.

В этот момент и Хьюз, и Перкинс-Ванс неожиданно поняли, просто почувствовали глубоко внутри, что все услышанное сегодня вечером – правда. Хотя оправа и выцвела с годами, но сомнений почти не осталось – на мальчике с фотографии и мужчине, сидящем перед ними, одна и та же пара очков.

До рассвета осталось недолго, за окном уже светлело. Перкинс-Ванс знает, что Найт вскоре пропадет из виду, будет проглочен системой, и так свободно, как сейчас, с ним будет уже не поговорить. Она хочет понять, зачем было уходить жить в лес, но Найт говорит, что не может назвать определенных причин. Она указывает на заживающие шрамы у него на

запястье.

– Как вы лечились?

– Я не принимал никаких лекарств и никогда не ходил к врачу. С возрастом порезы и шрамы заживают медленнее, но мне повезло – у меня не было серьезных травм.

– Вам случалось заболеть?

– Нет. Чтобы заболеть, нужно контактировать с другими людьми.

– Когда в последний раз вы контактировали с другим человеком?

После ухода в лес он ни разу ни с кем не имел физического контакта. Но однажды, в 1990-х, он встретил туриста, идущего по лесу.

– Что вы ему сказали?

– Я сказал ему: «Привет!»

Кроме этого случая он не сталкивался и не говорил с другим человеком на протяжении двадцати семи лет.

Глава 5

«Мистер Обыкновенный»

Фонарь – такая вещь, пропажа которой из загородного дома бросается в глаза в первую очередь. Или запасной газовый баллон. Или книги с прикроватной тумбочки, или стратегический запас стейков, оставленный в морозилке. В одном из домиков заметили пропажу тефлоновой сковороды, ножа и кофейника. Каждый раз исчезали батарейки – часто все, что имелись в доме.

Это было не слишком смешно для шутки, но и не слишком серьезно для преступления. Так, нечто среднее. Может, фонарь утащили дети? А ты точно клал эти стейки в морозилку? В конце концов, телевизор на месте, так же как и компьютер, и камера, и украшения. Ни двери, ни окна не сломаны. Вы будете вызывать полицию, потому что из дома пропали все батарейки и роман Стивена Кинга? Да нет, конечно!

Но вот вы приезжаете в коттедж следующей весной и обнаруживаете, что дверь приоткрыта. Или что засов не заперт. Или, к примеру, на кухне ломается кран, и вентиль для горячей воды остается у вас в руке. Это очень странно, ведь его установили совсем недавно – и вы начинаете осматривать раковину, затем окно над раковиной и вдруг замечаете несколько маленьких металлических стружек. Наконец вы понимаете, что металлический замок на окне был открыт, а рама вокруг него слегка поцарапана.

Черт побери, кто-то сюда влез и, вероятно, наступил на смеситель, когда забирался в дом, а потом поправил все так, чтобы поломка не была заметна. Ничего ценного снова не пропало, но на этот раз вы уже вызываете полицейских.

Полиция говорит, что они уже знают об отшельнике и надеются, что этот случай скоро расследуют. Все лето на дружеских пикниках вы слышите десятки подобных историй. Газовые баллоны, батарейки и книги – обычное дело, но вот у кого-то уже увели наружный термометр, садовый шланг, скребок для снега и упаковку пива Heineken.

Одна пара, открыв свой летний домик впервые за сезон, обнаружила, что пропал матрац с двухъярусной кровати. Это было уже совсем удивительно. Невозможно вынести матрац через окно. Однако входная дверь была закрыта на засов и висячий замок. Когда они приехали, замки были нетронуты, а на двери не было повреждений. Единственное

предположение, имеющее хоть какой-то смысл, звучало так: вор влез в окно, снял дверь с петель, вытолкнул матрац в щель, прикрутил дверь на место и вышел через окно.

Главной мишенью грабителя, как все уже знали, был летний лагерь «Сосна». Это был его персональный Costco. После каждой кражи повреждения были минимальными – стекла не разбиты, ничего не перевернуто вверх дном. Он был вором, не вандалом. Если снимал дверь с петель, всегда вешал ее на место. Дорогие вещи его не интересовали. Или ее. Или их. Никто точно не знал, о ком идет речь.

Одна семья прозвала его Горным Человеком, но это имя пугало их детей, так что вскоре он стал Голодным Человеком. Большинство людей, включая полицейских, называли грабителя просто отшельником или Отшельником Северного пруда. Некоторые полицейские отчеты упоминали «легенду об отшельнике», в других, где требовалось полное имя подозреваемого, он был записан как Отшельник.

Многие жители окрестностей Северного пруда были убеждены, что легендарный отшельник – кто-то из соседей. Северный и Малый Северный пруды расположены в Центральном Мэне, вдали от популярного в летнее время побережья с его богатыми поселениями. Дороги, которые вьются вдоль их берегов, в большинстве своем немощенные и ухабистые. Вокруг прудов в радиусе двадцати миль разбросаны около трех сотен домиков, большинство из которых обитаемы лишь в теплую погоду. Почти все здесь знают друг друга. Некоторые семьи владеют одним участком многие десятилетия.

Звучало предположение, что кражи – проделки группы подростков, какой-нибудь местной банды. Или, как думали некоторые жители, это дело рук какого-нибудь опустившегося ветерана Вьетнама. Строились догадки, что грабитель имеет отношение к лагерю «Сосна». Периодически появлялись подозрительные охотники на оленей из другого штата. А еще грабителем легко мог оказаться один из угонщиков самолета, бывших в бегах с 1970-х. Возможно, здесь орудовал серийный убийца. А вообще, как насчет того парня, который всегда ходит на рыбалку один и в домике которого никто не бывал? Может, вы найдете свой матрац там?

Следующим летом у одной семьи появилась идея. Они написали записку и приклеили ее скотчем к входной двери: «Пожалуйста, не влезайте к нам в дом. Сообщите, что вам необходимо, и мы оставим это для вас снаружи». Пример стал заразительным, и вскоре на дверях полдюжины домиков появились подобные послания. Некоторые решили действовать на опережение и вешали на двери пакеты с консервированными продуктами и

книгами.

Ответа на записки не последовало. Пакеты с продуктами остались нетронутыми. Взломы домов и кражи продолжились – вскоре «ушли» спальный мешок, зимний термокостюм, годовая подборка журналов National Geographic. Следом – огромное количество батареек, включая большие аккумуляторы от машин и лодок. У той же пары, которая лишилась матраца, был украден рюкзак. Это вызвало панику – в рюкзаке хранились паспорта их детей. Позже паспорта были найдены – грабитель вынул их и положил на комод, прежде чем уйти.

После этого многие семьи решили оборудовать свои домики защитными системами. Они установили сигнализации, датчики движения, усилили окна и двери. Некоторые потратили на это тысячи долларов. В местном лексиконе появилось новое слово – «отшельникозащитный», и между соседями стал витать неведомый здесь ранее дух взаимного недоверия. Те, кто никогда не закрывал дверей, стали запирать их на замок. Два брата, владевшие соседними домами, сильно поссорились, обвиняя друг друга в краже пропана. Несколько человек, считавших, что они сами забыли, куда положили вещи, всерьез обеспокоились, не начался ли у них старческий маразм. Один мужчина даже стал подозревать в кражах собственного сына.

Пара, у которой увели матрац и рюкзак, стала всякий раз накрепко запирать окна и двери, оставляя дом даже на час, – их не беспокоило, что воздух внутри становился слишком спертым. В конце лета один парень вернулся из строительного магазина с пятьюдесятью листами фанеры и шуруповертом с помощью тысячи шурупов он полностью зашил дом на зиму.

Тысяча шурупов от грабителя спасла – больше не помогло ничего. Из остальных домиков были украдены подушки и одеяла, туалетная бумага и фильтры для кофе, пластиковые кулеры и переносные приставки для видеоигр. Некоторые дома грабили так часто – почти каждые две недели, – что их владельцы уже выучили вкусы отшельника: например, он предпочитал арахисовое масло консервированному тунцу, пиво Bud пил классическое, а не светлое, носил плавки, а не боксеры. Он оказался сладкоежкой – у одного из детей пропали все сладости для Хеллоуина; лагерь «Сосна» лишился восьмифунтовой кастрюли горячей «помадки».

Кражи, как правило, начинались в самом начале летнего сезона, перед Днем поминовения. Следующая волна взломов приходилась на сентябрь, после Дня труда. Обычно ограбления происходили посреди недели, в дождливую ночь. Никто из владельцев ни разу не пострадал.

Примечательно, что отшельник никогда не трогал продукты в открытой упаковке. Одна семья шутила, что «отшельник никогда бы не стал встречаться со стройняшкой» – коктейль с таким названием оставался нетронутым всякий раз, сколько бы набегов на их домашний бар он ни совершал.

Прошло десять лет. Ничего не изменилось: остановить отшельника не удавалось никому и ничему, полиция так и не вышла на его след. Судя по всему, он скрывался в лесу. Люди уезжали в город за покупками и по возвращении обнаруживали вскрытые дома. Должно быть, он ждал в лесу, когда они уедут, следил за ними. Он рылся в комодах и выворачивал ящики шкафов. Каждый выход на природу заставлял жителей округи покрываться мурашками при одной только мысли, что кто-то прямо сейчас мог прятаться за деревом. Все ночные шумы, казалось, сигнализировали о приближении грабителя. Несколько человек украдкой обсуждали идею подсыпать в еду крысиный яд и спрятать в листьях медвежьих капканы, но никто на это так и не отважился.

Кто-то утверждал, что отшельник безвреден – ну и пусть себе забирает всякую мелочь. Он приносил едва ли не меньше проблем, чем сезонные насекомые. Мэн всегда был странноватым местом, населенным людьми с приветом. Ничего удивительного в том, что в районе Северного пруда теперь есть своя сказка об отшельнике. Некоторые дети даже посвящали ему школьные сочинения.

Но затем отшельник перешел все границы. Кражи из «Сосны» участились – стало пропадать куда больше вещей и продуктов. Одна семья перед праздником заполнила холодильник замороженными цыплятами и в один прекрасный день обнаружила, что все они исчезли. На встрече домовладельцев Северного пруда в 2002 году, после пятнадцати лет загадочных ограблений, прозвучал вопрос, кто пострадал от взломов. Из ста присутствующих семьдесят пять подняли руки.

Однажды в полицейском расследовании случился долгожданный прорыв. С уменьшением размеров и цен охранных камер с датчиками движения выросла их популярность – несколько семей установили их в своих домах. И вот в одном из них, где камера была спрятана в детекторе дыма, ей удалось заснять отшельника, застывшего перед раскрытым холодильником. Эти кадры всех удивили. Лицо было размыто, но изображение все же позволило рассмотреть, что это опрятный, хорошо одетый человек в очках, который не казался ни истощенным, ни одичавшим; совсем не верилось, что он живет в чаще леса. Он не выглядел ни слишком ловким, ни сильным, ни даже одетым в походную одежду.

Складывалось ощущение, будто он только что покинул номер отеля. «Мистер Обыкновенный» – так назвал его один из жильцов. Все сошлись во мнении, что, скорее всего, так называемый отшельник все это время обитал где-то поблизости.

Впрочем, неважно. Получив эти и другие фотографии, полиция уверилась, что скорая поимка отшельника неизбежна. Его фотороботы висели в магазинах, почтовых отделениях, ратушах. Несколько полицейских обошли все дома в округе, однако никто не смог опознать его, и ограбления, ко всеобщему раздражению, продолжились.

Пролетело еще десять лет. К этому моменту, четверть века спустя после первого взлома, вся ситуация выглядела довольно абсурдно. Отшельник Северного пруда встал в один ряд с лох-несским чудовищем и Гималайским снежным человеком. Один из жителей, отчаявшись дожидаться помощи от полиции, провел четырнадцать ночей в своем домике, прячась в темноте и поджидая отшельника с «магнумом» 357-го калибра. Безуспешно.

Все пришли к заключению, что легендарный вор ушел на покой или умер, а последние взломы – это попытки работать в его стиле. Может быть, дома вскрывает уже второе, если не третье, поколение подростковых банд? Большинство жителей смирилось с тем, что это – часть здешней жизни: в начале каждого сезона ты просто привозишь новые аккумуляторы, газовый баллон и отдыхаешь себе спокойно. У пары, которая лишилась матраца и рюкзака, теперь украли новые мужские джинсы с коричневым кожаным ремнем.

Развязка истории вышла невероятной. Лох-несское чудовище не всплыло со дна озера. Снежный человек не спустился с гор к людям. И даже знаменитые Зеленые человечки не прилетели с Марса устанавливать контакт с землянами. А вот Отшельник Северного пруда оказался самым что ни на есть настоящим. Когда сержант Хьюз задержал его, на нем оказались те самые краденые джинсы марки Lands' End с коричневым кожаным ремнем.

Глава 6

Повышенное внимание

Кристофера Найта арестовали, предъявили обвинения во взломе и краже и отвезли в Кеннебекскую окружную тюрьму в Огасте, столице штата. Впервые за десять тысяч ночей он спал в помещении.

Историю об отшельнике напечатал «Кеннебек Джорнал», и статья вызвала бурную и неоднозначную реакцию. На тюрьму обрушился шквал писем, телефонных звонков и посетителей. «Цирк», – лаконично прокомментировал это главный шериф Райан Реардон. Плотник из Джорджии вызвался бесплатно отремонтировать домики, которые повредил Найт. Какая-то женщина предложила отшельнику вступить с ним в брак. Один землевладелец готов был бесплатно выделить ему участок земли, чтобы он мог на ней поселиться; еще один вызвался отдать ему комнату в своем доме.

Люди слали чеки и наличные. Один поэт пытался разузнать подробности биографии отшельника. Некий господин из Нью-Йорка желал внести за него залог. Двое мужчин, не имеющих отношения к господину из Нью-Йорка, привезли в тюрьму пять тысяч долларов наличными – полная сумма залога за Найта. Пришлось даже созвать экстренное заседание суда, на котором Найт не присутствовал, зато зал наводнили телевизионщики. В итоге Найт был признан человеком, которого опасно освобождать под залог из-за высокого риска побега. Сумму подняли до двухсот пятидесяти тысяч долларов, без возможности взятия залоговых обязательств.

Ему посвятили сразу несколько песен: «Мы не знаем Отшельника Северного пруда», «Отшельник Северного пруда», «С Северного пруда Отшельник», «Голос Отшельника». В меню культового ресторана штата Мэн Big G's Deli появился сэндвич «Отшельник» – с жареной говядиной, вяленым мясом и луковыми кольцами. Реклама гласила: «Все ингредиенты украдены с местных ферм». Голландский художник создал серию картин маслом, основанных на истории Найта, и выставил их в галерее в Германии.

Сотни журналистов, американских и иностранных, пытались выйти с отшельником на связь. Газета New York Times сравнила его с Бу Рэдди, затворником из романа «Убить пересмешника». Телевизионные ток-шоу настойчиво приглашали Найта в эфир. В город прибыла даже команда

документалистов, желающая снять о нем фильм.

Казалось, об отшельнике спорили в каждом баре и кофейне. Во многих культурах такие люди считались мудрецами, исследователями великих тайн жизни. Другие полагали, что в них вселился дьявол. Что Найт хотел нам сообщить? Что за тайны ему открылись? Может быть, он просто сумасшедший? Что за наказание он получит, если его будут судить? Как он выживал в лесу? Правдива ли его история? И если да, то почему он ушел от людей? Меган Малони, окружной прокурор Кеннебека, сказала, что Найт, желавший прожить жизнь в неизвестности, стал «самым известным гражданином Мэна».

Сам Найт, ставший предметом столь бурных обсуждений, хранил молчание. Он не произнес ни единого слова публично, не принял ни одного предложения – ни залога, ни женитьбы, ни роли в поэме, ни наличных. Около тысячи долларов, присланных ему, были отправлены в фонд возмещения убытков жертвам ограблений. До того как отшельника арестовали, он был абсолютно необъяснимым явлением. Но оказалось, его появление лишь умножило количество вопросов. Правда выглядела более невероятной, чем легенда.

Глава 7

Ваш Майк

Я узнал о Кристофере Найте как-то утром, листая новости в телефоне, окруженный разлитым апельсиновым соком и гвалтом, устроенным моими детьми. Эта история полностью захватила меня. Я провел сотни ночей в лесу под открытым небом, большинство из них – до знакомства с женой. А теперь у меня трое детей-погодков – это радостный опыт, хоть он и связан с определенными ограничениями. Например, я уже не могу позволить себе такую тихую ночь в лесу. Не могу сказать, что я прямо уж завидовал Найту, – все-таки правило не разводить костер в лагере ни при каких условиях слишком уж сурово, – но я испытывал к нему уважение и восхищение.

К тому же я люблю побыть один. Профессия писателя не предполагает частых контактов с людьми, а мое самое любимое упражнение для поддержания формы – долгие пробежки в одиночестве. Когда жизнь становится невыносимой, моя первая мысль, моя фантазия – убежать в лес. Мой дом – просто памятник обществу потребления, но на самом деле больше всего на свете мне хочется простоты и свободы. Однажды, когда дети были еще совсем маленькими, бессонница и окружающий хаос напрочь отравили мне жизнь, и я взял паузу, хоть и на короткое время, и не совсем по-настоящему, и к большому неудовольствию моей супруги. Я сбежал в Индию на десятидневный ретрит медитации молчания.

Ретрит должен был быть рассчитан на новичков, но Випассана показалась мне таким тяжелым занятием, что на десятый день я чувствовал себя совершенно измотанным. Условия оказались приближенными к жизни буддийских монахов, мы были практически отшельниками. В центре находилось несколько сотен других медитирующих, но нам нельзя было даже обмениваться жестами или взглядами, не то что разговаривать друг с другом. А поговорить с кем-нибудь хотелось – просто так сидеть в неподвижности долгое время оказалось очень тяжело. Это причиняло физические страдания. Тем не менее определенные открытия я все же совершил. Я будто впервые заглянул через край глубокого колодца своей души. Молчание может быть мистическим, и тому, кто осмелится уйти в него без оглядки, оно способно показать сверкающие вершины и черные пугающие глубины сознания.

Мне не хватило духу зайти так далеко. Посвятить себя этому процессу без остатка требовало мужества и сил, которыми я не обладал. Да и мой образ жизни не предполагал того количества свободного времени, которое было необходимо для подобных исследований.

Интерес к отшельнику возник еще и из-за книг. Найт явно любил читать. Если верить журналистам, он похитил огромное количество научной фантастики, бестселлеров, книг о шпионах и даже женских романов – то есть все, что попало ему под руку в домиках вокруг Северного пруда. Кто-то даже недосчитался литературы по бухгалтерскому учету, научного исследования, посвященного Второй мировой войне, и «Улисса» Джойса. После ареста Найт упомянул, что восхищается Робинзоном Крузо. Тот жил на своем острове почти столько же, сколько Найт в лесу, правда, у него все же был компаньон – Пятница. К тому же история Крузо была выдумкой. Прокурор Меган Малони рассказала, что в тюрьме Найт с увлечением читает «Путешествия Гулливера».

В моем представлении два самых больших удовольствия в жизни – чтение и отдых на природе; идеально, конечно, если удастся их совмещать. Похоже, отшельнику нравилось то же самое, только гораздо, гораздо сильнее. Я думал о Найте, когда в очередной раз пылесосил квартиру после завтрака и когда оплачивал счета в офисе. Я боялся, что тот, у кого нет ни физического, ни психологического иммунитета к нашему «нормальному» образу жизни, внезапно столкнется со всеми вирусами цивилизации. И больше всего на свете меня тревожил вопрос: что же ему в этот момент откроется?

Как выяснилось – ничего. Со временем репортеры потеряли интерес к этой истории и занялись другими делами, а киношники собрали оборудование и уехали домой. Я же никак не мог выбросить отшельника из головы. Через два месяца после его ареста, когда жена и дети уснули, и дом наконец погрузился в тишину, я сел за стол, собрался с мыслями, взял лист желтой почтовой бумаги и ручку, которой мне писалось особенно легко.

«Дорогой мистер Найт! – начал я. – Я пишу вам из западной Монтаны, где прожил почти двадцать пять лет. Я прочитал несколько репортажей о вас в газетах, и мне очень захотелось написать вам письмо».

Все, что мне удалось узнать, продолжил я, вызвало еще больше вопросов. Я добавил, что, как и он, являюсь ярким поклонником жизни на природе и что мы примерно одного возраста – среднего. Мне было сорок четыре, то есть я был на три года моложе Найта. Еще я рассказал, что работаю журналистом, и приложил копии нескольких последних статей, в том числе о племени в Восточной Африке, жившем охотой и

собираательством, отрезанном от остального мира. Мне показалось, что она должна ему понравиться. Я упомянул о любви к книгам и назвал Хемингуэя любимым автором.

«Надеюсь, вы хорошо справляетесь с жизнью в новых для вас условиях, – написал я в самом конце трехстраничного письма. – А еще желаю, чтобы ваши сложности с законом разрешились наилучшим, из всех возможных, образом». И поставил подпись: «Ваш Майк».

Глава 8

Письма без подписи

Две недели спустя я обнаружил в почтовом ящике белый конверт с размытым адресом. Отправитель – «Крис Найт». На обороте – штамп-предупреждение: «Эта корреспонденция отправлена из окружной тюрьмы Кеннебека. Содержание не было оценено».

В конверте лежал один лист бумаги, сложенный втрое. Развернув его, я увидел, что это была часть статьи, которую я отправил отшельнику – о танзанийском племени, известном как хадза. Репортаж о них был опубликован в National Geographic, и я приложил цветные копии страниц с фотографиями к своему письму.

Найт вернул мне одну из фотографий – портрет старейшины хадза по имени Онвас. В статье говорилось, что Онвасу было около шестидесяти лет, и он всю жизнь прожил в лагере в буше, вместе со своей постоянно растущей семьей из двух десятков человек. Онвас не вел счет годам, лишь временам года и лунам. Он почти ничем не владел, жил как ему вздумалось и был очень близок к тому, что можно назвать изначальной человеческой природой.

Человечеству два с половиной миллиона лет, и большую часть этого времени люди жили, как Онвас – маленькими группами охотников-собирателей. Пускай эти группы могли быть тесно связаны и члены их жили бок о бок, каждый из них проводил большую часть времени в одиночестве, отыскивая съедобные растения и выслеживая добычу. Вот какова наша природа, вот каковы мы на самом деле.

Аграрная революция началась двенадцать тысяч лет назад на плодородных землях Ближнего Востока, возникли деревни, города и нации, и вскоре человек почти перестал бывать наедине с собой. Появились люди, не желавшие с этим мириться. Их было немного, но они были всегда. И они сбегали. Письменная фиксация истории началась около пяти тысяч лет назад, и, с тех пор как мы научились писать, мы все время пишем об отшельниках. Они – наша любимая загадка. Клинописные тексты, выцарапанные на костяных и глиняных табличках, рассказывают «Эпос о Гильгамеше», месопотамскую поэму, написанную за многие века до нашей эры. Уже в ней упоминаются шаманы или дикие люди, живущие в лесу в одиночестве.

Одиночки жили во все времена, в любых культурах, где-то считаясь воплощением духовной традиции, где-то – изгоями; для одних они были великими мудрецами, для других – одержимыми дьяволом. Конфуций славил отшельников – некоторые из них, считал он, были идеальными примерами человеческих добродетелей. В III–IV веках около десяти тысяч отшельников, верующих христиан, известных как пустынники и пустынницы, отправились жить в известняковые пещеры по обоим берегам Нила в Египте. XIX век породил Генри Дэвида Торо. XX – Унабомбера.

Лишь немногие оставались в отрыве от общества так долго, как Найт. Часто у них были ассистенты, или они собирались в группы, как было в случае с египтянами. Были, а может, есть и сейчас, отшельники, которые так хорошо прятались от людей, что о них никто ничего не знал. Поймать Найта было все равно что обнаружить в рыболовной сети гигантского кальмара. Его изоляция была неполной, он воровал еду, но, так или иначе, прожил без посторонней помощи и контакта с человеком двадцать семь лет, произнеся за это время лишь одно слово. Пожалуй, Кристофер Найт стал самым знаменитым одиночкой в истории человечества.

Казалось, отправляя мне фото Онваса, Найт выражал свое восхищение другим человеком, проводившим жизнь вдали от цивилизации. Хотя технологии теперь на каждом шагу – с территории племени хадза, например, можно позвонить по мобильному. И из лагеря Найта тоже. Возвращенная мне фотография была намеком, выраженным почти без единого слова.

Я перевернул картинку и увидел, что Найт написал что-то на обороте. Ответ был коротким – три абзаца, двести семьдесят три слова, строчки жались друг к другу, будто пытаюсь согреться. И все же это были первые слова, которыми Найт пожелал поделиться с миром.

«Я получил ваше письмо, что очевидно», – начинал он без всякого приветствия. То, как он использовал слово «очевидно» – в шутливо-покровительственной манере, – не могло не вызвать улыбку. «Я отвечаю вам, – пояснял он, – потому что написание писем в некоторой степени снимает стресс и скуку в нынешней ситуации». Ему было некомфортно разговаривать: «Мои речевые навыки заржавели, стали очень медленными». Он также извинился за свой корявый почерк; стандартная ручка могла использоваться как оружие, и в тюрьме ему разрешали пользоваться только специальной, в мягком резиновом корпусе.

Найта, казалось, приводило в смущение все, кроме литературной критики. К Хемингуэю он относился, по его словам, «с умеренной теплотой». Ему нравились биографии и книги по истории, хотя сейчас стал

интересен Киплинг, его «наименее известные сочинения». Следом он добавил, будто объясняя, почему украл так много беллетристики, что он готов читать все, что угодно, если под рукой больше ничего нет.

Найт знал, какая суeta поднялась после его ареста – все письма, которые отправлялись ему, исправно доставлялись в тюремную камеру. Большинство из них были «безумными, дурацкими, просто откровенно странными». Он решил ответить на мое, потому что оно было не таким дурацким и ему понравились слова, которые я использовал. Но, словно останавливая себя в порыве излишнего дружелюбия, он тут же отметил, что не хотел бы продолжать разговор на эту тему.

Затем, правда, он будто забеспокоился, что был слишком резок: «Я понимаю возможную грубость этого ответа, однако предпочитаю вежливости честность. Хотел было написать «ничего личного», но написанные от руки слова всегда личные, каким бы ни был их смысл». Заканчивалась записка так: «Вы очень добры, что написали мне. Спасибо». Он не подписался.

Я немедленно написал ему ответ и заказал для него по почте пару книг Киплинга – «Человек, который хотел быть королем» и «Отважные капитаны». В своем письме Найт сообщил, что, поскольку мы незнакомы, он будет писать только «на нейтральные темы». Это показалось мне приглашением к дружбе, и следующие пять страниц я заполнил смешными историями о моей семье и рассказом о недавнем коротком «побеге в дикие леса». Когда летнее солнцестояние пришлось на один день с так называемым суперлунием и полная луна подошла ближе всего к Земле, я наблюдал это удивительное явление вместе с другом в горах Монтаны; мы сбежали туда на одну ночь.

Вместе с письмом я отправил Найту мою предыдущую книгу, сюжет которой – смесь реальной истории преступления и фактов из моей биографии. Книга была посвящена человеку, обвиняемому в убийстве своей семьи. Но еще в ней говорилось – и мне показалось важным рассказать это Найту – об одном случае, произошедшем много лет назад во время моей работы в The New York Times. Я тогда написал статью о незаконном использовании детского труда и объединил несколько интервью в одно ради создания колоритного персонажа – прием, в журналистике запрещенный. Когда об этом узнали, меня уволили из газеты, несмотря на прошлые заслуги. После этого какое-то время я чувствовал себя очень одиноко и изолированно в профессиональном плане.

Возможно, признание в том, что я – «бракованный журналист», грешник внутри профессии, и то, что Найт – вор, неспособный жить в

затворничестве на самообеспечении, породило бы некое чувство общности. Мы оба попытались и не смогли воплотить в жизнь свои возвышенные идеалы.

Я очень обрадовался, обнаружив ответ на мое послание в почтовом ящике. Впечатление на Найта произвела не книга, а рассказ о вылазке на природу. Письмо на трех страницах начиналось с описаний его попыток заговорить. Он пытался сблизиться и наладить контакт с каждым из своих собратьев по несчастью, большинство из которых были молоды и простоваты. Выбранной темой для разговора стала приятная синхронность, с которой раз в году случается солнцестояние и следующее за ним суперлуние. «Я думал, это будет им, по крайней мере, интересно, – писал Найт. – Оказывается, нет. Вы бы видели их пустые глаза...»

Многие из тех, с кем он пытался заговорить, просто кивали и улыбались в ответ, «будто я слабоумный или сумасшедший». Или просто пялились на него, как на странный выставочный экспонат. В моем письме, по счастливому совпадению, я говорил о схожих ощущениях. Он писал, что чувствует себя «в каком-то оцепенении», и с этого момента его письма больше не были нейтральными. Скорее, они напоминали страницы личного дневника.

Он совсем измучился в тюрьме, запертый в тесной камере с другим заключенным. «Вы спрашиваете, как я сплю. Мало и плохо. Я почти всегда уставший и нервный. Но, – добавил он в своем поэтическом стиле, – я заслужил тюрьму. Я крал. Я вором был. Я воровал из года в год. Я знал, так дело не пойдет. Знал, чувствовал вину, ночей не спал – но красть не перестал».

В своем следующем письме он рассказывал, что чувствует «облегчение и успокоение», представляя себе лес за бетонными стенами тюрьмы. Он вспоминал лесные цветы: ромашки, Венерин башмачок, гвоздику, даже одуванчики (хотя и находил, что «мертвые они куда интереснее»). Он почти слышал, «как поют на раскаленной сковороде расплавленный жир и соль», что грелись на походной плитке в его лагере. Больше всего он мечтал о тишине: «Я унес бы ее, сколько смог, ел бы ее ложками, смаковал по чуть-чуть, наслаждался вкусом. Я бы ее праздновал». Тюрьма явно не шла ему на пользу: вместо того чтобы социализироваться, он стал сдавать позиции. Пока он жил в лесу, рассказывал Найт, он тщательно следил за растительностью на лице. Но сейчас перестал бриться. «Борода в тюрьме заменяет мне календарь», – писал он.

Отшельник еще несколько раз пробовал заговорить с другими заключенными. После этих неуклюжих, застенчивых попыток он

окончательно убедился, что большинство общих тем – музыка, кино, телевидение – ему уже недоступны, равно как и девяносто процентов современного сленга. Он лишь изредка использовал междометия и никогда – бранные слова. «Ты разговариваешь, как книга», – дразнил его один из заключенных. Охрана и тюремные чиновники, писал Найт, удостаивали его лишь «жалостью и подобием улыбки». И все кругом донимали его вопросом, знает ли он, кто сейчас президент страны. Он знал. В лесу он регулярно слушал новости по радио. «Это они меня так проверяют. Всегда хочется сказать на это какую-нибудь чушь. Очень хочется, но не говорю...»

Вскоре он вовсе перестал разговаривать с окружающими. «Я прячусь за молчанием, оно – моя защита», – писал он. Он пользовался несколькими словами, по необходимости, общаясь с охраной: да, нет, пожалуйста, спасибо. «Удивительно, как меня вдруг начали уважать. Видимо, молчание придает мне загадочности. Для меня молчать – нормально, это комфортное состояние». Позже он добавил: «Я замечаю, что испытываю некоторую неприязнь к людям, которые не могут соблюдать тишину».

Он лишь вскользь упоминал о времени, проведенном в лесу, но эти истории были невероятными. Иногда, говорил Найт, он едва мог выжить зимой. В особо трудные времена он пытался медитировать. «Я не медитировал ежедневно. Лишь в те моменты, когда смерть была рядом. Она приходила ко мне в виде голода или слишком суровых и долгих холодов... Что же, медитация работает, – заключил он. – Я жив и в здравом уме. По крайней мере, думаю, что в здравом». Он никогда не прощался и не подписывался. Его письма просто заканчивались, иногда посреди предложения.

К теме безумия он вернулся в следующем письме: «После того как я покинул лес, на меня повесили ярлык отшельника. Странно это все. Никогда не думал о себе в таком ключе. Признаться, я испытывал беспокойство – отшельников обычно считают сумасшедшими. Вот такая вышла скверная шуточка...»

Хуже того, Найт стал опасаться, что в тюрьме действительно сойдет с ума. Разбирательства по его делу тянулись бесконечно, и, проведя четыре месяца в застенках, он все еще не знал, какой срок его ждет. Может быть, лет десять, а то и больше. «Я очень, очень волнуюсь, – писал он. – Скажите мне уже цифру! Сколько? Месяцы? Годы? Сколько мне быть в тюрьме? Скажите же уже худшее. Как долго?»

Неопределенность давила на него. Тюремные условия – наручники, шум, грязь, мерзкая еда, скопление народа – будто пилой резали по его

тонко настроенным лесной жизнью органам чувств. Тюрьма в Центральном Мэне – одна из лучших в Штатах, но для Найта она была сущим адом. «Сумасшедший дом» – так он ее называл. В тюрьме никогда не бывало темно. В одиннадцать вечера лампы чуть приглушали. «Подозреваю, – заметил он, – что моему психическому здоровью больше навредили несколько месяцев в тюрьме, чем три десятка лет в лесу».

Однажды он решил, что не может больше даже писать. «Некоторое время переписка облегчала мой стресс. Но больше нет». Он прислал последнее, пятое письмо, и в нем угадывались признаки близкого нервного срыва. «Я устал. Очень устал. Совсем устал. Устал до тошноты. Устал бесконечно».

И это было все. Он перестал писать. Я слал ему по письму в неделю в течение следующего месяца, взволнованно спрашивая: «Как вы?» Но в мой почтовый ящик больше не падали белые конверты со слегка размытым адресом. Я перечитывал его последнее послание, надеясь отыскать скрытый смысл между строк. Мне это не удалось, но мое внимание приковали заключительные слова. Единственный раз за всю историю нашей переписки он подписал письмо. Несмотря на явное измождение и напряжение, в последней строчке читалась самоирония: «Дружественный вашему округу Отшельник Кристофер Найт».

Глава 9

Комната для посетителей

Огаста, штат Мэн – городок живописный, но довольно тоскливый. Центральные улицы пустынные, а от фабрик, когда-то производивших ручки для швабр, надгробия и ботинки, остались одни огромные кирпичные скелеты вдоль реки. Тюрьма была построена в 1858 году. Историческое здание – маленький гранитный форт – занимали офисы департамента шерифа. Найт содержался в современной пристройке – трехэтажном нагромождении бледно-серых цементных блоков.

Посещать заключенных можно было вечером, начиная с 6:45. Я приехал раньше и прошел, минуя зеленую металлическую дверь на первом этаже, в комнату для ожидания. Стоя у низкой стойки, за которой находилось окно из зеркального стекла, я гадал, нужно ли нажимать кнопку, чтобы привлечь внимание сотрудника. Рядом висел огромный диспенсер с антибактериальным гелем для рук. Памятка у него гласила, что всем посетителям, перед тем как войти, необходимо выдавить немного геля себе на ладони.

– Вы к кому? – спросил искаженный динамиком голос по ту сторону стекла.

– К Кристоферу Найту.

– Кем вы ему приходитесь?

– Другом, – ответил я неуверенно.

Он не знал, что я здесь, и у меня были сомнения в том, что он согласится на встречу. Его письма были проникнуты большим страданием и великой силой духа, в них было даже что-то еще, более глубокое. И когда стало ясно, что он больше не напишет, я рискнул и отправился на восток, из Монтаны в Мэн.

Выдвинулся железный ящик, и тот же голос потребовал мои документы. Я положил внутрь водительские права, и ящик с лязгом захлопнулся. Когда права вернули, я сел на скамейку в комнате ожидания, прислушиваясь к гулу и хлопкам, отражающимся от грязно-белых стен.

Следом за мной разрешение на посещение получила престарелая пара, за ними – мужчина, на вопрос об отношениях с заключенным ответивший: «Я его отец». Он сел и вцепился в пакет с нижним бельем, словно в спасательный круг. Нижнее белье, в закрытой заводской упаковке, было

одним из немногих предметов, которые можно было передать заключенному Кеннебекской окружной тюрьмы. Затем вошла женщина с двумя девочками в одинаковых розовых платьях. Девчушки выглядели так, будто у них ветрянка, но их мать объяснила, ни к кому в сущности не обращаясь, что их просто покусали комары. «Мы живем далеко от города, в лесу», – добавила она. Это напомнило мне о желании спросить Найта, если я вообще его сегодня увижу, как он боролся с насекомыми, которые в северных лесах могут быть особенно невыносимы. Даже Генри Дэвид Торо, не слывший жалобщиком, писал, что в Мэнских лесах «ему серьезно докучали насекомые».

Появился офицер с ручным металлодетектором. Лицо у него было какое-то детское. Он назвал фамилию, и пожилая пара встала со скамьи. Офицер несколько раз взмахнул детектором, открыл бордовую дверь с надписью: «Комната для посетителей № 1» и захлопнул ее за их спинами. В комнату для посетителей № 2 он отправил мужчину с пакетом нижнего белья.

Всего таких комнат было три, и когда прозвучала третья фамилия, и поднялась женщина с детьми, я пришел в смятение. Но вскоре офицер снова открыл вторую комнату, выпустил мужчину без пакета и объявил: «Найт».

Я бродил взад-вперед, довольный, что у меня не отобрали маленький блокнот и ручку, спрятанные в кармане. Знак на двери предупреждал, что, если вы покинули комнату по какой-либо причине, возвращаться обратно вам запрещено. Я вошел внутрь, дверь за моей спиной захлопнулась, и меня пробила нервная дрожь. Когда глаза привыкли к приглушенному свету, я увидел там, в глубине маленькой камеры, за панелью из толстого пластика, сидящего на стуле Кристофера Найта.

Пожалуй, никогда в своей жизни еще я не встречал человека, который был бы настолько не рад меня видеть. Он даже глаз не поднял. Я сел напротив, на стул с черным деревянным сиденьем, и положил блокнот на жестяной столик, привинченный к стене под пластиковой панелью. Найт будто и не заметил моего присутствия. Он неподвижно смотрел куда-то мне за плечо. Застиранный зеленый тюремный костюм явно был ему велик.

На стене висела черная телефонная трубка, и я снял ее. Он взял такую же со своей стороны – первое движение, сделанное при мне. Сначала в трубке прозвучало записанное предупреждение о том, что разговор может прослушиваться, затем линия открылась.

Я заговорил первым:

– Приятно познакомиться, Крис.

Он не отвечал. Просто сидел с каменным лицом, лысеющая голова светилась, подобно снежной вершине, под флуоресцентными лампами, а борода – его «тюремный календарь» возрастом сто сорок дней – вилась во все стороны, отливая бронзовым и рыжим. Местами виднелась седина. На нем были другие очки, в металлической оправе – не те, что он носил в лесу. Широкий лоб и борода делали лицо треугольным, придавая ему сходство с предупреждающим дорожным знаком. Кристофер Найт был худым, немного похожим на Льва Толстого.

Единственное фото Найта, которое я видел прежде, – его тюремный снимок. На нем он чисто выбрит и слегка нахмурен, в старых громоздких очках, глаза за которыми – прикрыты и грустны, в них прячется пережитая усталость и травма ареста. Человек, сидящий передо мной, не был приветлив, но в нем чувствовались энергия и живость. Возможно, он и не смотрел на меня, но точно наблюдал за происходящим. Я понятия не имел, скажет ли он вообще что-нибудь.

В письмах Найт часто повторял, что молчание – самое комфортное для него состояние. Я наблюдал за тем, как он избегает смотреть в мою сторону. У него была очень бледная кожа, напоминавшая по цвету вареный картофель. Пониженные плечи, согнутая спина – вся поза говорила о готовности защищаться. Прошло около минуты.

Дольше я не выдержал:

– Постоянный стук и гул здесь, должно быть, почти невыносимы после леса?

Он быстро взглянул на меня – маленькая победа! – и снова отвел взгляд. Его маленькие глаза были светло-орехового цвета. Бровей почти не было. Мой вопрос повис в воздухе.

Затем Найт заговорил – по крайней мере, я увидел, как движутся его губы. Он держал трубку слишком низко, под подбородком. Последний раз он пользовался телефоном так давно, что уже забыл, как это делается. Я жестом показал ему, что трубку нужно держать выше. Он поднял ее ко рту и повторил:

– Это же тюрьма.

И снова погрузился в молчание.

У меня было столько вопросов к нему, но все они вдруг оказались не к месту – слишком наглые, слишком личные. Я задал самый нейтральный из них:

– В какое время года вам больше всего нравилось жить в лесу?

Найт выдержал паузу, явно стараясь сформулировать ответ.

– Я принимаю каждое время года таким, какое оно есть, – сказал он

наконец. Его голос был глухим, каждое слово давалось с трудом – он говорил слишком аккуратно, неестественно растягивая слова, которые часто сливались между собой. Просто ряд звуков без ударений и долгие гласные, выдающие акцент восточного побережья Новой Англии.

Я задал более личный вопрос:

– Вы с кем-нибудь подружились в тюрьме?

– Нет.

Не следовало мне приезжать. Он явно не хотел со мной общаться, и мне стало некомфортно находиться в этом месте. Но на посещение отводился целый час, и я решил остаться. Устроился на стуле поудобнее, ощущая каждый свой жест, выражение лица, дыхание. Лампы в комнате мигали, часть штукатурки на потолке отсутствовала. Сквозь поцарапанное окно я заметил, как правая нога Найта быстро покачивалась. Пол комнаты со стороны посетителя был покрыт красным ковролином, со стороны заключенного – синим.

В одном из писем он говорил, что общение с людьми «вызывает у него мурашки», и он действительно стал потирать предплечья. На его правом запястье, усыпанном морщинами, была большая расплывчатая родинка. Несколько одиноких волосинок на макушке покачивались, словно танцующие змеи. На одной из стен я заметил надпись, сделанную черной ручкой: «Выпустите меня!» – и нацарапанные на двери цифры 187 – полицейский код, означающий убийство.

Мое терпение было вознаграждено. Для начала Найт перестал дрыгать ногой. Потом перестал потирать руки. Похоже, он привык к новой обстановке и начал понемногу оживать.

– Некоторые ждут от меня тепла и дружелюбия, – сказал он. – Этакой мудрости отшельника. Советов, как жить, от доброго дядюшки из леса.

Речь была ясной, хоть и очень тихой. Чтобы слышать его, мне пришлось зажать пальцем второе ухо. Он почти не жестикулировал, но говорил образно и забавно. И довольно ядовито.

– От доброго дядюшки-бродяги? – спросил я, пытаюсь ему подыграть.

– От дядюшки-тролля, – ответил он, прикрыв глаза.

Я рассмеялся, и уголки его губ тоже приподнялись, обозначая подобие улыбки. Нам удалось установить контакт или как минимум смягчить неловкость начала знакомства. Мы даже начали что-то вроде нормального, хоть и вялотекущего, разговора. Казалось, Найт взвешивает каждое слово осторожно и тщательно, будто поэт или писатель. Даже его письма проходили как минимум одну редактуру, чтобы избавиться от всех ненужных резкостей. Оставались только нужные.

Он объяснил мне, почему предпочитает не смотреть в глаза.

– Я не привык видеть людские лица. На них слишком много информации. Разве вы не замечали этого? – Подобно ему, я стал смотреть собеседнику через плечо. Мы соблюдали это молчаливое соглашение большую часть времени. – Я не люблю, когда люди прикасаются ко мне, – добавил он. Все, что он был способен выносить – случайные прикосновения охранников. – Вы же не любитель обниматься, правда?

Я ответил, что иногда мне хочется обнять близкого человека.

– Я рад, что между нами эта штука, – сказал он, постучав по пластиковому окну. – Были бы здесь шторы, я бы их закрыл. – Тюремщики предложили ему, чтобы встреча прошла без разделяющего окна, но Найт отказался. – Я предпочитаю встречу умов, а не тел. Мне нравится именно такая дистанция.

Казалось, Найт говорил то, что думает, правдиво и ясно, не пропуская свою речь через фильтры принятой в обществе вежливости. В нем не было этой «маленькой сладкой лжи» – той, что благодарит за вкусный обед, даже если еда никуда не годилась, и что смазывает скрипучий механизм человеческого общения. «Мне наплевать, грубо сказано или нет – важно быстро и ясно донести смысл».

Вот как он, к примеру, отозвался в одном из писем о фотографии автора, помещенной на обороте моей книги: «Вы здесь совсем ботаник. В следующий раз доверьте выбор фото вашей жене». В другой раз, когда я упомянул, что моего сына зовут Беккет, он обронил: «Ух, какой кошмар. За что вы его так? Он же вас возненавидит, когда вырастет».

Он сказал, что, узнав о моем предстоящем визите, сперва хотел отказаться от встречи. Но передумал – мы уже состояли в переписке, и мое личное присутствие могло помочь ему вспомнить, как разговаривать с людьми – навык, который никак не давался ему в тюрьме. Сыграло свою роль и то, что я действительно приехал – не уверен, что это сделал кто-то еще, кроме, возможно, тех двоих, что хотели внести за Найта залог. Он знал, что я живу далеко, и чувствовал, что было бы грубо проигнорировать мой приезд. Так что он предпочел грубить мне в лицо.

Найт мог показаться колючим, – таким он в сущности и был – однако после ареста вдруг обнаружилось, что в некоторые, весьма неожиданные, моменты он становился чересчур эмоциональным. «Меня может довести до слез рекламный ролик по телевизору. Нехорошо, когда в тюрьме видят, как ты плачешь».

Ему было интересно, каким его изображают СМИ. «Наверное, под конец передачи, когда приходит время самых странных новостей? Самая

большая тыква выросла там-то, а в штате Мэн объявился человек, проживший двадцать семь лет в лесу, так?» Он спросил, правда ли, что все зовут его отшельником, и выяснил, что это так. Все местные газеты – «Кеннебек Джорнал», «Утренний страж», «Портленд Пресс Геральд» – предпочитали писать «отшельник», а не называть его по имени. «Мне не нравится это слово, но в чем-то я их понимаю, – сказал Найт. – В нем есть точность. «Отшельник» подходит под образ. В любом случае непохоже, чтобы я мог как-то на это повлиять».

Он обнаружил плюсы в этой ситуации. СМИ хотели увидеть в нем настоящего живого отшельника, и Найт, отрастив бороду, невольно им подыграл. Растительность на его лице была и календарем, и маской, отвлекающей на себя любопытствующие взгляды и предоставляющей ему некоторую свободу и личное пространство. «Я могу за ней спрятаться, могу играть на стереотипах и концепциях. Одно из преимуществ называться отшельником – мне теперь позволено вести себя странно».

Он должен был подготовиться «снова выйти в люди», как сам это называл, и его беспокоило, что эти самые люди будут смотреть на него, как на сумасшедшего. Понимая, что его поведение странно, надеясь изменить его, он искал помощи – и я попросил его смотреть мне в лицо. Его глаза продолжали бегать, а лицо оставалось бесстрастным – никакой вовлеченности в разговор. Даже бровью не повел. Это было бы нормально для младенца, но, конечно, не для Найта.

Когда мне наконец удалось поймать его взгляд, я задал вопрос, томивший меня последний час:

– Что вы делали, когда вас донимали комары?

– Брызгался антимоскитным спреем, – сказал он и отвернулся.

Мое присутствие тяготило его. Казалось, все, чего Найту сейчас хотелось, – остаться в одиночестве. И все же, когда время посещения подошло к концу, я спросил, можно ли мне прийти снова.

Его ответ был неожиданным.

– Да.

Глава 10

В глубине «Джерси»

Большую часть своего отшельничества Найт провел на одном и том же месте, на удивление удачно расположенном. Сам по себе Мэн, словно вишенка на торте, украшает скопление маленьких северо-восточных штатов. Его обширные дикие леса – по большей части собственность лесозаготавливающих компаний. Найт выбрал отличный способ исчезнуть с глаз долой, оставшись в границах цивилизации. Его лагерь окружали маленькие городки и дороги. При желании он мог послушать разговоры гребцов каноэ, проплывавших по Северному пруду. Он, конечно, ушел от людей, но не очень-то далеко. От ближайшего домика до его лагеря идти было минуты три. Разумеется, если знать, куда.

Верную дорогу знал только Найт. В ночь ареста, прежде чем отправиться в тюрьму, он рассекретил свое убежище и отвел туда арестовавших его Хьюза и Перкинс-Ванс. Оказалось, что лагерь находился на частной земле, и ее владелец не желал, чтобы место стало туристической достопримечательностью. Однако информация о его расположении все же стала достоянием общественности.

Местный разнорабочий Кэрол Бувар нашел лагерь Найта по следам на снегу, оставленными полицейскими. Он объяснил мне маршрут, и я поехал на север от Огасты, в сердце штата Мэн, по дороге, рекой извивавшейся среди покрытых лесом склонов. Это был край лошадей и коров, где, спрятавшиеся между полей, изредка попадались городки с одной улицей.

В допотопных магазинчиках на полках холодильников пластиковые стаканы с червями для наживки соседствовали с молоком. На почтовых ящиках – сплошь французские фамилии: Пулен, Тибодо, Леклер; судя по всему, потомки французских колонистов, поселившихся в Новом Свете в XVII–XVIII вв. В летописи штата, относящейся к 1664 году, говорится, что английский король Карл II передал правление над территорией, обозначенной как «Земля Мейн в Новой Англии», своему брату, герцогу Йоркскому. Вполне вероятно, название штата пошло именно оттуда.

Узкая размытая дорога пересекает подъездную аллею лагеря «Сосна» и приводит к запертым воротам. Всего несколько минут ходьбы – и вот уже на солнце серебрится вода. Здесь расположены два пруда. Малый Северный, словно ребенок, жметя к Большому. Они соединены узкой

тропинкой. Три с небольшим мили воды, чистой и холодной. Большинство домиков спрятаны за деревьями и почти не видны.

Была середина недели, конец лета, вокруг царила тишина. Прибрежные загородные дома здесь, за несколькими исключениями, очень простые, без изысков, как внутри, так и снаружи. С некоторых уже облезла краска. Единственное украшение большинства гостиных – оленья голова на стене.

Повсюду большие уличные мангалы, плавающие причалы, сложенные каяки и каноэ. На дереве висит «ловец ветра», сделанный из пустых пивных банок. По ту сторону ручья – маленькая постройка с металлической крышей, обшитая сосновыми досками. От этого места до лагеря Найта рукой подать.

Глинистая колея служит одной из естественных границ леса Найта. Хотя, конечно, это не его лес. Это частная собственность, и каждая ночь, проведенная им здесь, являлась нарушением ее неприкосновенности. Я ее тоже сейчас нарушал, а потому старался вести себя как можно тише. Лагерь Найта стоял где-то на огромной территории, неподалеку от хозяйского коттеджа, откуда отшельник никогда ничего не брал. В районе Северного пруда кого только не встретишь: отряды походников и охотников, лыжников и участников ежегодного лодочного парада, фанатов соревнований по подледной ловле и подсчета численности гагар. При таком скоплении народу вокруг казалось невероятным, что Найт сохранил свое убежище в тайне. Возможно, тому было простое объяснение.

Если сойти с наезженной колеи в лес, то сразу попадаешь в непроходимые дебри, да еще и туман от земли поднимается такой, что мгновенно запотевают очки. Лес Криса Найта представлял собой заросли старых спутанных деревьев разного вида, над которыми, словно два небоскреба, возвышались две гигантские канадские ели, а под ногами стелились папоротники и изредка сверкали красными шляпками грибы. Тут и там были разбросаны огромные валуны, некоторые размером с машину – дары последнего ледникового периода. Покрытые мхами и лишайниками, они и были объяснением неуловимости отшельника. Во время вылазок ему нужно было за что-то держаться, и камни подходили идеально – ни следов, ни звуков, – тогда как ветки и сучья трещали, будто автомобильная сигнализация.

В Соединенных Штатах очень много мест, помимо Центрального Мэна, где мог бы жить отшельник вроде Найта. Однако мэнские леса идеально густые – в отличие от западной части страны и Аляски, где гораздо больше открытых пространств. Да и плотность населения там

идеальная – не большая и не маленькая. Соответственно, становится сложнее вычислить вора, если такой вдруг сюда забредет. К тому же люди в Мэне живут по принципу «каждый сам по себе», так что если и заметят чужака, то, скорее всего, просто проигнорируют. Один из владельцев домиков у Северного пруда родом из Техаса – штата, известного своей нетерпимостью к подобным вещам. Он сказал, что там история Найта просто не могла бы произойти.

Письменные инструкции от проводника-разнорабочего были загадочны: «Поднимайтесь на холм так, чтобы послеполуденное солнце светило вам в лицо». Ладно, но здесь оказалось с десятков маленьких холмов, да и двигаться по прямой линии было невозможно из-за валунов. Никаких тебе тропинок, лишь стаи комаров, ядовитый плющ и колючки. Сосновые иглы липли к потной коже, и, чтобы хоть как-то защититься от гнуса, пришлось опустить рукава. Дальше вытянутой руки невозможно было ничего разглядеть. Наметилась клаустрофобия и дезориентация. Местные называли эту часть леса, где терялись охотники и не таял снег, «Джерси» – в честь одноименной немощной дороги, прорезавшей ее насквозь.

Я впервые заблудился в лесу так скоро. В итоге я сдался, добрался обратно до колеи и присел на камень передохнуть и выпить воды. Вторая попытка покорить Джерси была немногим успешнее. Затем я попытался прикинуть свое положение относительно солнца – а было уже и вправду далеко за полдень – и вновь отправился бродить в этот бурелом. Третий заход выдался еще хуже. Мох, покрывавший валуны, был сырым и скользким как лед – нога моя соскользнула, а рюкзак, набитый едой и походным снаряжением, лишь придал ускорения моему падению. Упал я лицом вперед – ударился лбом о камень так сильно, что тут же вскочила шишка. Один ботинок порвался – они явно не годились для таких прогулок. А Найт ходил здесь постоянно. Бесшумно. Без травм. Как это вообще возможно?

Днем ранее, в офисе в казармах Скохеган я слушал рассказ сержанта Хьюза, в своей зеленой егерской форме и армейских ботинках выглядевшего как картинка, о том, как они шли по лесу вслед за Найтом. Большую часть своего времени, рабочего и свободного, Хьюз проводил в лесах Мэна. Он охотился на ондатр и лис, зарабатывая несколько лишних долларов продажей их шкур. Во время поисков пропавших людей он был способен читать лес, как открытую книгу, будто ясновидец. Никому не удавалось пройти по лесу у Северного пруда так, чтобы Хьюз этого не узнал. Все оставляют следы. За одним-единственным исключением.

Когда Хьюз рассказывал об их прогулке с Найтом, его взгляд туманился. Человек закона, не привыкший использовать красивые обороты, он шел за преступником, только что обвиненном в тысяче ограблений, и восхищался им.

«Я никогда не испытывал ничего подобного», – сказал он. На его глазах рождалось искусство. – Каждый шаг, каждое движение были просчитаны. Было видно, что он делал одни и те же шаги год за годом, десятилетие за десятилетием». Хьюз вспоминал, что Найт всю дорогу находился в каком-то особом состоянии – «словно в трансе». Он даже не реагировал, когда Хьюз задавал ему вопросы. «И я просто оставил его в покое. Этот парень никогда бы не ступил там, где мог остаться след. Он не сломал ни единой веточки, не помял папоротника, не сбил шляпки гриба. Он обошел все места, где лежал снег. Даже если бы мне очень хотелось, я не смог бы идти за ним шаг в шаг. Я был в шоке. Завяжи ему глаза, он прошел бы тот же самый путь, ни разу не оступившись. Двигается как кот».

Чем сложнее становилась эта задача – найти лагерь Найта, – тем сильнее мне хотелось ее решить. Солнце опустилось, и несколько его лучей, словно лазеры, прорезали листву. Один из лазеров осветил шишку на моем лбу – я доверился этому лучу и медленно двинулся вперед, тщательно осматривая каждую поляну с булыжниками, будто пытаюсь найти иголку в стоге сена.

В уме я отмечал камни необычной формы и приметные скопления деревьев, рисуя собственную карту местности. В какой-то момент я стал по-настоящему видеть лес. В одном месте мне встретился валун размером со слона, глядя на который под определенным углом, можно было заметить, что в действительности это два огромных камня, разделенных неприметным проломом. Этакая оптическая иллюзия, проделка леса. Пролом был достаточно большим, чтобы я мог протиснуться в него и проскользнуть насквозь. Через мгновение у меня остановилось дыхание – я оказался в сказочном мире. Я нашел его.

Глава 11

Дом отшельника

О, мой бог. Найт создал здесь, буквально из ничего, полностью скрытое от глаз убежище, защищенное природным Стоунхенджем из булыжников и изгородью из сосен. Ветки деревьев сплелись в решетчатый полог, маскирующий лагерь так, что его нельзя было разглядеть даже с воздуха. Вот почему у Найта такая бледная кожа – он жил в постоянной тени. «Я человек леса, а не поля» – так он объяснял свою бледность. Убежище было просторным, его пол – идеально плоским, очищенным от камней. Оно находилось под небольшим уклоном – достаточным, чтобы ветер выдувал отсюда комаров и чтобы дом Найта не слишком продувало зимой. Казалось, кусок леса отсюда просто испарился.

«Не покажи он это место сам, мы бы никогда его не нашли, – сказал Хьюз. – Он просто просочился между этих двух камней, и я еще подумал, какого черта он делает? И тут на тебе – такое открытие». Были и другие входы-выходы, но их преграждали наклоненные деревья и груды булыжников. Слоноподобный валун был единственной и, конечно, наиболее эффектной возможностью попасть в лагерь отшельника. «Мы зашли туда, – рассказывала Перкинс-Ванс, – и у меня просто челюсть отвалилась. Господи, бывает же такое».

Полиция увезла большую часть вещей Найта, заполнивших два грузовичка, сорвала тент и разобрала палатку, которая теперь валялась на земле печальным клубком, из которого, словно спицы, торчали каркасные дуги. Разумеется, перед этим лагерь был сфотографирован в первозданном виде.

«Он ставил палатку так, как учат в армии и на курсах выживания, – говорил Хьюз, одобрительно покачивая головой. – Это было неслучайно – его лагерь не на холме и не в долине, он где-то между. Найт все делал так, как описывал Сунь Цзы в «Искусстве войны». И это удивительно, ведь он закончил лишь среднюю школу в маленьком городке, у него нет армейского опыта».

Найт всегда держал лагерь в чистоте, убирая листья и снег – это было особенно заметно сейчас, спустя четыре месяца после его ареста, когда все покрылось сосновыми иголками и палой листвой. Хьюз предложил снять небольшой слой земли в одном из углов поляны, и полицейские увидели

размытую и размокшую обложку журнала «National Geographic». Можно было даже разглядеть заголовок: «Река Заир» и дату – ноябрь 1991-го.

Под ним оказался еще один журнал («Florida Watershed», июль 1990-го), следом – еще и еще. Журналы были смотаны изолентой в связки, которые Найт называл «кирпичи». По всему лагерю были найдены захоронения «People», «Vanity Fair», «Glamour» и «Playboy». Найт находил применение прочитанным материалам, превращая их в дополнительный слой, который помогал выровнять уровень пола и прекрасно работал как дренаж.

Поверх журналов он постелил ковер, служивший покрытием для внешней части жилой зоны. Стены были сделаны из пластиковых чехлов для машин, коричневых и зеленых, и нескольких больших черных мусорных мешков. Мешки были растянуты наподобие скатов крыши, концы их, прикрепленные к веткам и автомобильным аккумуляторам при помощи растяжек, формировали А-образную конструкцию – десять футов в высоту, пятнадцать в длину, – открытую с обоих концов как туннель. Это было очень изящное сооружение, внешне напоминающее церковный купол, окрашенный в цвета леса. Сложно было себе представить нечто более симпатичное, сооруженное из одних автомобильных деталей и мусорных мешков.

Рядом со входом на поляну находилась кухня Найта, состоявшая из двухконфорочной походной плиты, поставленной на ящик из-под молочных бутылок, и зеленого пятилитрового ведра, заменявшего табуретку. Садовый шланг, приспособленный под газовую трубу, был одним концом прикреплен к плите, другим – к баллону пропана. Дым от печи выводился через щели в навесе. Кухонная утварь висела на веревках вдоль стен: сковорода, кружка, рулон бумажных полотенец, лопаточка, дуршлаг, чайник. Каждый предмет был аккуратно подвешен на отдельный крючок. На полу притаилась пара мышеловок, бутылка дезинфицирующей жидкости для рук стояла возле импровизированного рукомойника. Кладовой служил пластиковый контейнер с защитой от грызунов.

За кухней, на другом конце укрытия, разместилась спальня Найта. Палатка была установлена под крышей из полиэтиленовых мешков – для лучшей маскировки и защиты от дождя. Одежда хранилась внутри в нескольких пластиковых ведрах. Найт говорил Хьюзу и Перкинс-Ванс, что стесняется показывать им свой лагерь – и не потому, что тот был наполнен краденными вещами, а потому, что в нем было недостаточно чисто. За долгие годы на стенах палатки выросла плесень. «Это как если бы кто-нибудь зашел домой к вашей матери прежде, чем она успела убраться», –

говорил Найт. Он уже где-то достал новую палатку, но не успел ее поставить. Как любой ответственный хозяин, Найт вечно придумывал, что бы такого еще исправить и улучшить. Если бы его не арестовали, он бы засыпал пол гравием – для лучшего дренажа.

Перед входом в палатку лежал коврик для ног из искусственной травы. Найт жил как последний бродяга, зато спал по-королевски. Его кровать была составлена из двуспального матраца и металлической рамы с пружинами, каждая ножка которой была подперта куском дерева, чтобы не повредить дна палатки. У него были подходящие по размеру простыни, настоящие подушки – между прочим, Tommy Hilfiger – и еще несколько спальных мешков.

Ящики из-под молочных бутылок заменяли ночные столики и были завалены книгами и журналами. У него были десятки наручных часов, фонарей и переносных радиоприемников, сменные ботинки, спальные мешки и куртки. «Я люблю, чтобы всему была замена и запасной вариант», – пояснял Найт. Он даже умудрился соорудить метеостанцию – цифровой приемник, подключенный проводом к внешнему градуснику; он мог узнать, как холодно снаружи, не вставая с постели. Вся конструкция была так хорошо продумана, что палатка никогда не промокала.

Снаружи, за входом на кухню, лежал низкий, плоский камень, служивший Найту душевой и прачечной. Здесь он хранил стиральный порошок и мыло, шампунь и бритвы. Зеркала он не имел. Ему нравилось воровать дезодорант Ахе. За двадцать семь лет он ни разу не принимал горячий душ, зато спокойно выливал себе на голову ведра ледяной воды.

Рядом с душевой он приспособил пластиковый автомобильный тент, прислонив его к деревьям под определенным углом – для сбора дождевой воды, которую Найт набирал в тридцатигаллонные пластиковые баки. Обычно он хранил 60–90 галлонов, что помогало переживать особо засушливые летние периоды. Несколько раз, когда небо месяцами было скупно на дождь, он ходил на озеро и носил воду оттуда – она была достаточно чиста для питья. Порой вода в его баках покрывалась природным мусором – личинками гусениц или опавшими листьями, Найт называл их «перхотью деревьев». Тогда он пропускал ее через кофейный фильтр, прежде чем пить. Временами, когда вода начинала «цвести» и покрываться ряской, Найт использовал ее для мытья или стирки или кипятил и заваривал чай.

Уборная – яма, обрамленная двумя бревнами, – располагалась на самом дальнем от входа участке лагеря. Растительность в этом месте отсутствовала. Найт следил за тем, чтобы туалетной бумаги и

антибактериального геля всегда было с запасом. Костры он не жег – в лагере не нашлось ни единого уголька.

Самые большие деревья служили для хранения разнообразных вещей. Найт обернул с десятков сосновых стволов толстыми веревками и воткнул в них что было под рукой: куски проволоки, ржавые пружины от кроватей, пластиковые пакеты, ножницы, тубик суперклея, рабочие перчатки, погнутый ключ. «Его можно использовать как крючок или рычаг – что-нибудь подцеплять. Или как замену отвертке. Не знаю. Не могу заставить себя ничего выкинуть. Я люблю все хранить и всему находить новое применение». На веревках, протянутых между деревьями, сушилась одежда: камуфляжные куртки, спортивные брюки, фланелевые рубашки.

Ботинки висели отдельно, на природной сушилке – сухих отломанных сучьях. С одного дерева свисали грабли и скребки для снега, с другого – оливкового цвета бейсболка и мягкая серая рыбацкая шляпа. Некоторые вещи находились здесь так давно, что вокруг них вырос лес. Молоток-гвоздодер был практически съеден стволом дерева – его невозможно было вытащить. Хьюз отметил, что этот выросший гвоздодер помог ему осознать, как же долго Найт здесь прожил.

Найт понимал: всегда есть шанс, что мимо пройдет турист или его начнут искать с воздуха. Поэтому он пытался накрывать любые предметы, которые могли бликовать на солнце, или хранить их внутри укрытия. Он покрасил в камуфляжный цвет пластиковые контейнеры, металлические баки для мусора и даже внешнюю сторону кастрюли для спагетти. Он закрывал лезвие скребка для снега, когда не пользовался им, черной пленкой, а ручку обернул черной изолентой. Пропановые баллоны он хранил в мешках для мусора. В паре мест, после схода листвы, чей-нибудь зоркий глаз мог разглядеть его лагерь – Крис завесил их зелеными автомобильными чехлами. Он покрасил даже прищепки.

На небольшом возвышении стояло зеленое алюминиевое садовое кресло, ножки которого были обернуты изолентой – чтобы не проваливались в мягкую почву. Это кресло, как и вся обстановка в его лагере, казалось идеально гармоничным, дарило чувство покоя и умиротворения. Полицейские обратили на это внимание, и Найт усмехнулся: «Ну что, у меня здесь все по фен-шую, да?»

По веткам носились бурундуки. Желуди падали, стуча по листьям, словно шарики для пинг-понга. Порыв ветра гнул верхушки высоких деревьев, но внизу, в лагере, не шелохнулся ни единый лист.

Ночь опустилась быстро. Лягушки прочистили горло. Цикады завизжали, как электрические пилы. Застучал дятел. Раздался зов гагар –

главная тема в мелодии Северных лесов, напоминающая плач или смех, в зависимости от настроения слушателя. По дороге прошумела машина, залаяла собака. Некоторое время откуда-то доносились обрывки разговоров, но слов было не разобрать.

Найт жил так близко к людям, что даже чихнуть громко не мог. Слышимость в лагере была, будто в филиале диспетчерской мобильной связи. Ему нужно было жить бесшумно. Цивилизация – горячий душ и комфортная постель – была практически за углом, всего в двух шагах.

Скоро совсем стемнело, и стало, в общем-то, без разницы, закрыты глаза или открыты – все равно ничего не видно. В лесу что-то задвигалось. Прошумел какой-то зверь – возможно, это был кролик, но топал он как бегемот. Сквозь спутанные ветви над головой виднелись сверкающие звезды и щербатая улыбка полумесяца. Раздалась короткая птичья трель. И все стихло.

Это была та тишина, от которой звенит в ушах. Ни ветерка. Я подумал про Найта – наверняка он сходил с ума от бесконечного шума и гвалта тюрьмы. И я почувствовал, что совершенно бесправно нарушил границы – но не чьей-то частной собственности, а дома отшельника. Устроившись поудобнее в палатке, я выключил мобильный и с головой завернулся в спальный мешок.

Разбудил меня птичий гомон. Я расстегнул палатку. Верхушки деревьев скрылись в дымке. Капельки росы светились и переливались на паутине. Лениво падали листья. Наступала осень, воздух был густой и вкусный, как сок. Я включил телефон, посмотрел на часы и понял, что проспал двенадцать часов – так долго я не спал уже много лет.

Глава 12

Семья Найт

Прежде чем на четверть века переселиться в лес, Кристофер Найт не провел ни единой ночи в палатке. Он вырос в часе езды на восток от своего лагеря, в деревушке Альбион, где на две тысячи жителей приходилось четыре тысячи коров. Крис был пятым ребенком в семье и пятым по счету сыном Джойс и Шелдона Найтов. Кроме старших братьев – Дэниэла, Джозла, Джонатана и Тимоти – у него была младшая сестра, Сюзанна, с синдромом Дауна. Джойс занималась воспитанием детей, а Шелдон, ветеран военно-морских сил, служивший в Корее, работал на маслобойне – мыл грузовые цистерны. Жили они в обычном двухэтажном доме с застекленной верандой. Дом стоял на большом участке, покрытом лесом, яблонями и малиновыми кустами. Чего у них не было, так это коров.

Детей в их семье воспитывали по старинке. «Мы были простыми деревенскими людьми», – рассказывал Крис. Они рубили дрова для домашней печи, собирали ягоды для варенья и желе, которые делала Джойс, и ухаживали за садом и огородом, который вспахивали трактором.

Отец учил Криса и братьев работать руками: чинить все, что ломается, и строить все, что им хочется. Одним из семейных проектов была хижина, придуманная Шелдоном и построенная среди кедров на их участке. Выполнена она была прекрасно, как с практической, так и с эстетической точки зрения. Стены были каменные, каждый булыжник был аккуратно отобран одним из мальчиков, тщательно уложен и зацементирован. Печь собрали из 55-галонной бочки из-под масла, к которой была приделана самодельная труба. Домик служил идеальным укрытием во время охоты на оленей.

Вечера в доме Найтов обычно проходили за чтением, родители устраивались в креслах-качалках, каждый с книжкой в руке. Друг семьи Керри Виг сказал, что внутри их дом напоминал библиотеку. Они выписывали журналы «Натуральное садоводство» и «Новости Матери Земли». На полках стояли целые серии книг, посвященные пчеловодству. Крис говорил, что ребенком проглатывал тонны рассказов и исторических книг, доступных в школьной библиотеке.

Джойс и Шелдон надеялись на отличную успеваемость сыновей, и те оправдали их ожидания. Бывшие учителя и одноклассники вспоминали, что

парни из семьи Найт всегда были самыми толковыми. Кто-то даже прозвал их «семья умников». Правда, родители больше ценили не оценки в школе, а «мудрость янки» – умение применить знания на практике. «Лучше быть упорным, чем упертым, и мудрым, чем набитым знаниями, – пересказывал Крис семейные поговорки. – Я таким и был – упорным и мудрым».

Семья постоянно экспериментировала с новыми видами семян, чтобы увеличить урожай. «Они были очень погружены в это, – говорил Виг. – Прямо знатоками были». Найты выращивали картофель, бобы, тыквы и кукурузу. «Простая еда, способная насытить требовательные животы мальчишек», – рассказывал Крис.

Помимо всего прочего, Найты изучали термодинамику. Они построили небольшую теплицу и зарыли там сотни бутылок из-под молока, заполненных водой, для создания так называемого парникового эффекта. Благодаря природе электромагнитных связей между молекулами воды – химики называют эти молекулы «липкими» – вода может сохранять в четыре раза больше тепла, чем почва. В дневное время вода в закопанных бутылках собирала тепло, а после заката медленно отдавала накопленную энергию. Используя эту систему, семья выращивала овощи зимой и ни цента не платила за электричество. «У нас дома ценилось самообразование и желание развиваться».

С деньгами было туго. Когда Шелдон приходил домой, он вытряхивал мелочь из кармана в жестянку из-под кофе, и Джойс раздавала монеты детям – на школьный буфет. Найты никогда не выбрасывали покореженный металл или старые штаны.

Крис описывал семью как «одержимую своей закрытостью». Он умолял, чтобы с ними не связывались и не беспокоили их, по крайней мере, пока он в тюрьме. Найты были затворниками и общались лишь с небольшой группой друзей и родственников. Склонность к одиночеству, как выяснили биологи, частично заложена в генах. Если у человека низкий уровень гормона окситоцина, который иногда зовут главным химическим элементом, ответственным за общение, и при этом высокий уровень вазопрессина, снижающего эмоциональность, то у него не очень-то велика потребность в межличностной коммуникации.

«Каждый из нас наследует от родителей определенный уровень потребности в социализации», – написал в своей книге «Одиночество» Джон Качиоппо, директор Центра когнитивной и социальной психологии университета Чикаго. По его словам, «у каждого есть генетический измеритель способности к общению». Способность Криса Найта стремилась к абсолютному нулю.

Шелдон умер в 2001-м. Крис не знал об этом до самого ареста. Но Джойс, которой было уже за восемьдесят, все еще жила в том же доме, с дочерью, о которой она заботилась. Дэниэл, на десять лет старше Криса, жил в переносном мобильном доме. Джон Бойвин, ближайший сосед Найтов, рассказал, что за 14 лет соседства так ни разу и не заговорил ни с кем из них. Иногда он видел, как Джойс забирала газеты из ящика. Сюзанна годами не появлялась на людях.

Крис не уставал повторять, что у него было отличное детство. «Никаких претензий – у меня были хорошие родители». Никто из его семьи не имел проблем с законом. Старшие братья Джоэл и Тимоти навещали его в тюрьме – единственные родственники, которые это делали. Крис не сразу узнал их. Лишь в смехе Джоэла слышались знакомые нотки. Они думали, он давно умер, но никогда не делились этим с мамой. Братьям всегда хотелось поддерживать ее надежду на то, что он еще жив. Казалось, это ее успокаивало. Может, он уехал в Техас, говорили они. Или в Скалистые горы. Или вообще в Нью-Йорк.

Семья не стала заявлять в полицию об исчезновении Криса. «Они подумали, что я решил пойти своим путем, – сказал Крис. – Отправился на поиски приключений. Мы, янки, видим мир по-другому». Сержант Хьюз этому совсем не удивился. «Это типичная мэнская деревенская семья. Люди, живущие сами по себе».

Мальчишкой, Крис рвал сирень по весне и дарил букеты маме. «Мне нравился их аромат и цвет и то, что это были первые весенние цветы. Помню, я был уверен, что до меня никто до такого не додумался». Других проявлений любви семья почти не знала. «Мы не чувствуем потребности все постоянно обсуждать. Мы не очень привыкли выражать свои эмоции, часто прикасаться друг к другу. В моей семье мужчинам не полагалось выставлять чувства напоказ. Мы знали, что поймем друг друга без лишних слов. Вот так у нас было принято».

Те, кто знал Криса ребенком, вспоминали его как «тихоню», «застенчивого», «ботаника», но ничего более серьезного никто не отмечал. «За ним не водилось каких-то особенных странностей, – сказал Джефф Янг, одноклассник Криса, часто ездивший с ним в школьном автобусе. – Он был острым на язык и умным парнем, с отличным чувством юмора». Став старше, Крис творил вполне обычные подростковые глупости. Янг вспомнил, как они вместе учились водить машину, и однажды Крис специально поехал близко к обочине, практически притерев правый бок машины к кустам. Недавно прошел дождь, и инструктор, сидевший с открытым окном, оказался весь облит водой.

В семье Криса никогда не ездили на лыжные курорты и не пробовали лобстера. «Это не соответствовало нашей социально-экономической модели», – говорил Крис. Они ходили на снегоступах – «на таких длинных, деревянных, с привязным креплением» – и удили рыбу на живца в местных реках. Зимой семья выезжала в лес – в охотничий лагерь, принадлежавший их родне, – и мальчишки до ночи катались на снегоходах.

Однажды Крис и Джоэл отправились прыгать с парашютом. Прослушав инструкции, они взлетели на маленьком самолете, а затем выпрыгнули из него. Это был единственный полет в жизни Криса. «Получается, я взлетал на самолете, но никогда на нем не приземлялся. Забавно».

Как младшему брату, Крису, конечно, доставалось от старших. Они дали ему кличку Фадд, возможно, в честь непутевого охотника Элмера Фадда – персонажа мультика про Багза Банни. Крис ненавидел это прозвище. Родители были довольно строги – ложиться надо было рано, делать все уроки, никакого фастфуда. Один из двоюродных братьев, Кевин Нельсон, говорил, что иногда приезжал к Найтам на велосипеде и привозил карамель для мальчиков. «Они свешивали веревку из окна спальни и поднимали вверх пакет со сладостями, – говорил он. – Я бы в жизни не поверил, если бы родители разрешили им есть конфеты».

Охота была страстью отца Криса. Его некролог в газете «Утренний страж» содержал пять слов: «Он любил охоту на оленей». На полу спальни лежала шкура бурого медведя, собственноручно добытая Шелдоном. Иногда он брал на охоту Криса. «Во время этих поездок я пару раз спал в кузове пикапа, – вспоминал отшельник, – но никогда не ночевал в палатке. Во все остальное время я засыпал в своей кровати, и мои родители всегда точно знали, где я».

Однажды Крис выиграл в лотерею разрешение на лосиную охоту – вот уж повезло так повезло. Ему было шестнадцать, и они с отцом отправились в леса возле канадской границы. Отец дал ему охотничий карабин, и Крис застрелил лосиху весом 750 фунтов, после чего самостоятельно разделал тушу. «Я был очень горд. Мое разрешение, мой выстрел. В тот год мы всегда были сыты».

Крис в средней школе Лоуренса был «невидимкой». Он не посещал общественные мероприятия, не занимался спортом, не вступал в клубы. Никогда не бывал на футболе и пропустил выпускной. Хотя, по его словам, у него была «пара-тройка» друзей. Его одноклассник Ларри Стюарт рассказывал, как они вместе с Найтом выбирались на прогулки. «Один вечер я помню очень хорошо. Мы гоняли на чьей-то машине, Крис сидел

сзади. Мы делали то же, что обычно делают подростки в Мэне. Нет, мы не задавили корову, ничего такого. Может, хлебнули немного пива, и болтались по округе, слушая в кассетнике Foreigner и Aerosmith, зашли в «Макдоналдс» или что-то типа того. Крис был умный и приятный парень. Я никогда не замечал за ним странностей, но, кто знает, что там у него в голове было? Мы здесь, в Мэне, привыкли жить каждый по-своему, не выносить сор из избы».

Однажды Крис и Джефф Янг решили прогулять школу и пойти на рыбалку. «Мы все спланировали накануне, – рассказывал Джефф, – и взяли удочки в школу. Решили, что уйдем только вдвоем. Думаю, ему не нравилось находиться в большой компании, и я его не виню. Мы прошли две или три мили, направляясь к старому железному мосту. Но мы так и не дошли». Шелдон, должно быть, почуял неладное, и в какой-то момент на дороге перед мальчиками вырос его пикап. Крис не сказал ни слова, просто залез в машину, и они уехали.

Найт, как и большинство учащихся мэнских школ, посещал курс по безопасности на охоте и навыкам походов. Там его научили ориентироваться по компасу и строить временные укрытия. «Мне не дает покоя один момент, – рассказал его учитель, Брюс Хиллман. – Я объяснил детям, что, если вы находитесь в экстремальной ситуации, на грани жизни и смерти, и вы видите чей-то лагерь, нет ничего страшного в том, чтобы залезть в него. В Мэне это совершенно нормально. У меня тоже есть небольшой шалаш в лесу, и я всегда оставляю там сухие непортящиеся продукты на случай, если они кому-нибудь понадобятся. Но ты никогда не знаешь, как повлияют твои слова на ученика. Я, вообще-то, имел в виду экстремальную ситуацию, длящуюся два-три дня, а не двадцать с лишним лет».

Любимыми уроками Найта были литература и информатика. В самом начале 1980-х появилось первое поколение персональных компьютеров, и они его околдовали. Можно было ожидать, что Найт станет технофобом, однако, напротив – он был одним из самых активных пользователей. В ежегодном выпускном классном альбоме Крис написал, что хотел бы стать «компьютерным техником».

«Я всем сердцем ненавидел физкультуру и физруков, – говорил он. – Это же Вуди Аллен сказал: «Те, кто не может делать, учат. А те, кто не может учить, учат физкультуре»? Единственным спасением от нее было сидеть в библиотеке, и таким образом в старших классах я освободил себя от четырех лет в спортзале. Я в хорошей форме, выше среднего роста. Ну не хотел я играть в команде. Эти уроки заставляли меня чувствовать себя

персонажем «Повелителя мух». Нет, ну серьезно, вы можете представить меня играющим в волейбол?»

Закончив школу, Найт девять месяцев учился на электрика в Технической школе в Уолтхеме, штат Массачусетс. Курс включал и обучение ремонту компьютеров. Двое его братьев проходили этот курс вместе с ним. После его завершения Крис остался в Уолтхеме и устроился работать установщиком охранных систем в домах и автомобилях – полученные навыки и знания очень пригодятся ему в будущем. Он снял комнату и купил в кредит новую машину, белый Subaru BRAT 1985 года выпуска. Джоэл выступил поручителем. «Он сделал такое доброе дело для меня, а я его подвел. Я перед ним в большом долгу».

Он проработал где-то с год, а затем, даже не предупредив своего босса, исчез, прихватив с собой рабочие инструменты. Как рассказал друг семьи Керри Виг, Найт их так и не вернул. В итоге обиженный работодатель позвонил семье Криса и потребовал несколько сотен долларов в качестве компенсации, пригрозив заявить в полицию в случае отказа. По словам Вига, деньги в итоге заплатили.

Крис тем временем обналичил свой последний зарплатный чек и уехал из города. Он никому не сказал, куда направляется. «Да мне и некому было рассказывать. Друзей там у меня не было, с коллегами я не общался». Он выжал педаль и взял направление на юг. Найту было двадцать лет. Он питался в забегаловках, спал в мотелях – «самых дешевых, что мог найти», – и ехал целыми днями, в одиночестве, пока не добрался до Флориды. Он не останавливался у туристических достопримечательностей, не заглядывал в музеи или на пляжи. Он лишь смотрел на мир через лобовое стекло своей машины. «Мне просто нравилось ехать». В какой-то момент он развернулся и поехал на север. В дороге слушал радио. Президентом был Рональд Рейган. Только что случился Чернобыль.

Что-то изменилось в нем в этой поездке – первом и последнем путешествии за рулем в его жизни. По дороге на север, когда за окном мелькали огни Джорджии, Каролины и Виргинии, когда он вдыхал свободу пустой дороги и чувствовал, что в жизни возможно все, в его голову неожиданно пришла идея, позже воплотившаяся в жизнь.

Ему всегда было хорошо одному. Общение с другими людьми часто огорчало и утомляло его. Каждая встреча была болезненным столкновением.

Он поехал назад, в Мэн. В центре штата не так-то уж много дорог, и он выбрал ту, что проходила как раз возле его дома. Это было неслучайно. «Думаю, я хотел напоследок взглянуть на них и молча попрощаться». Крис

не остановился. В последний раз он видел родных сквозь окно своего Subaru BRAT.

Он продолжал ехать «вперед, и вперед, и вперед». Вскоре достиг берега Мусхед, самого большого озера в штате. Здесь начинались действительно глухие места. «Я ехал и ехал, пока почти не кончился бензин. Свернул на маленькую дорогу. Потом на дорогу поменьше. С нее съехал практически на тропинку». Крис пробирался в самую глубь леса, пока не понял, что дальше проехать уже не получится.

Он заглушил двигатель и положил ключи на приборную панель. У него была палатка и рюкзак, но не было ни карты, ни компаса. Понятия не имея, куда направляется, он вошел под своды деревьев и скрылся в чаще.

Глава 13

Типология протестов

Но почему? Почему двадцатилетний парень с работой, машиной и головой на плечах вдруг решился на такой шаг? Это было похоже на самоубийство, с той лишь разницей, что он остался жив. «Но для мира меня не стало», – сказал Найт. Его семья была безутешна. Они не знали, что с ним могло случиться, и не хотели думать о его смерти. Пятнадцать лет спустя, когда умер его отец, Найт все еще числился в пропавших без вести, но живых.

Последние мгновения его прежней жизни – «я просто бросил ключи на панель» – казались особенно странными. Найта учили с уважением относиться к деньгам, а эта машина – самая дорогая вещь, которая у него когда-либо была. Ей было меньше года, а он ее просто выкинул! Почему было не забрать ключи, не подстраховаться? А вдруг ему не понравилось бы в лесу?

«От этой машины мне больше не было пользы. Бак был пуст, а до ближайшей заправки было много миль». Кстати, этот Subaru BRAT все еще там, наполовину проглочен лесом, и где-то внутри его – ключи. Эта машина уже часть природы, а не человеческой цивилизации, впрочем, как и сам Найт.

Он не смог толком объяснить, почему ушел в лес. Много раз задавая себе этот вопрос, он так и не пришел к окончательному ответу. «Это загадка», – говорил он. Не было на то никакой видимой причины – ни детской травмы, ни сексуального насилия. Дома у него не пили, жили мирно. Ему нечего было скрывать или стыдиться, он не совершал преступления. Да и не уходят из-за этого люди жить в лес.

Какие только имена ни дают отшельникам: искатели уединения, монахи, мизантропы, аскеты, анахореты, святые, учителя – все они ничего не объясняют и не выделяют главной причины, кроме желания жить в одиночестве.

Есть отшельники-протестующие, главная причина бегства которых – ненависть к тому, во что превратился мир. Они отказываются наворачивать круги вместе с остальным человечеством. Одни отрицают мир, в котором есть войны, другие – разрушение окружающей среды, преступность, потребительство, бедность или богатство. Эти люди возмущены и

поражены тем, как мир может быть так слеп, как может не замечать, какие ужасные вещи мы делаем сами с собой.

«Я становлюсь одиночкой, – писал в XVIII веке Жан-Жак Руссо, – потому что полнейшее одиночество кажется мне предпочтительнее общества озлобленных людей, которое ценит лишь травлю и ненависть».

На протяжении большей части истории Китая традиционный протест против коррумпированного императора и его двора выражался в том, чтобы оставить общество и уйти жить в горы. Люди, совершавшие подобное, часто принадлежали к высшему свету и были прекрасно образованы. Эти протестующие отшельники так ценились в Китае, что, когда новый император желал отыскать честного помощника, он, часто минуя членов собственного рода, обращался к такому горному мудрецу. Большинство беглецов отклоняли предложение, не желая нарушать обретенное спокойствие. Слова одного из них – «У меня нет нужды в государстве» – поэты и ученые цитируют и по сей день, через четыре тысячи лет после того, как они были произнесены.

Первое по-настоящему великое литературное произведение об одиночестве, «Дао дэ цзин», было написано в V веке до н. э. древнекитайским философом Лао-цзы. Трактат, состоящий из 81 стиха, описывает радости ухода от общества и жизни в гармонии с временами года. В «Дао дэ цзин» сказано, что, лишь остановившись, но не продолжая поиск, и через недеяние, но не через действие, способны мы достичь мудрости.

Лао-цзы пишет:

Много обрел – больше потеряешь.

Крепче бережешь – легче растратишь.

Кто знает меру – не знает разочарований.

Кто ведает предел – не знает поражений.

Этот трактат был манифестом отшельников две с половиной тысячи лет.

В наши дни в Японии насчитывается ни много ни мало миллион протестующих отшельников. Их называют хикикомори – «закрывшиеся вовнутрь». Большинство из них мужского пола, от учеников последних классов до взрослых мужчин. Хикикомори протестуют против японской культуры – конформистской, построенной на постоянном соревновании и давлении. Они запираются в своих комнатах в родительских домах и почти не покидают их, часто – годами. Дни напролет они проводят за чтением или компьютерными играми. Родители оставляют им еду под дверью, а психологи предлагают консультации онлайн. Японские СМИ прозвали их

«потерянное поколение» и «исчезнувший миллион».

Пилигримы – религиозные отшельники – составляют куда более многочисленную группу. Связь между одиночеством и духовным пробуждением очевидна. Перед тем как призвать апостолов, Иисус из Назарета на сорок дней уединился в пустыне. Сиддхартха Гаутама, медитируя, просидел сорок девять дней под деревом Бодхи, прежде чем стать Буддой. Пророк Мухаммед удалился в пещеру возле Мекки, где ангел передал ему первые божественные откровения.

Согласно индийской философии, отшельник – это идеал и венец духовного развития. Становясь садху, отринувшим личные и материальные привязанности, и занимаясь ритуальными служениями, человек входит в четвертую, заключительную стадию своего земного существования. Некоторые садху делают официальные заявления о собственной смерти, так как их жизнь с этого момента считается завершённой, и они по индийскому законодательству мертвы для общества. Сегодня в Индии насчитывается около четырех миллионов садху.

В Средние века, когда египетские пустынники и пустынницы уже стали историей, появилась новая форма христианского отшельничества, на сей раз в Европе. Последователей нового течения называли древнегреческим словом анахореты, обозначающим тех, «кто решил удалиться от мира». Они жили в уединении в темных кельях при монастырях. Часто церемония посвящения в анахореты включала Последний Ритуал, когда дверь кельи закладывалась кирпичами. Предполагалось, что анахорет остаётся там на всю жизнь – иногда они проводили так сорок лет и более. Подобное уединение, верили они, позволяет установить глубинную связь с Богом, прийти к спасению. Слуги приносили им еду и опорожняли ночные горшки, забирая их через маленькое отверстие в стене.

Обычно анахорет имелся в любом крупном городе Франции, Италии, Испании, Германии, Англии и Греции. Во многих странах среди них преобладали женщины. Жизнь средневековых женщин была загнана в жесткие рамки, и путь отшельницы, отринувшей общественные и семейные связи, мог дать удивительную моральную свободу. Ученые называют этих отшельниц предвестницами феминизма.

«Люди думают, что наша жизнь – страдание, но на самом деле в каждом нашем дне больше радости и настоящего счастья, чем случается за всю жизнь у тех, кто ищет этого в мирских благах». Это строки из первой книги, опубликованной на английском языке, автором которой была женщина. Она называлась «Откровение Божественной любви» и была

написана в 1395 году Джулиан из Норвича после ее ухода из мира.

Искатели – самый современный тип отшельников. Вместо того чтобы убегать от общества, как протестующие, или вверить себя высшим силам, как паломники, искатели ищут одиночества ради творческой свободы, научных откровений или более глубокого понимания себя. Торо отправился в Уолден, чтобы совершить внутреннее путешествие, исследовать «свое собственное море, внутреннюю Атлантику и Тихий океан».

Бесчисленные писатели, художники, философы и ученые были известны отшельническим образом жизни – в их число входили Чарльз Дарвин, Томас Эдисон, Эмили Бронте и Винсент Ван Гог. Герман Мелвилл, автор «Моби Дика», не показывался на публике более тридцати лет. «Все глубокие вещи, – писал он, – создаются и воспринимаются в тишине». Фланнери О'Коннор редко покидала свою ферму в Джорджии. Альберт Эйнштейн говорил о себе, как об «одиночке в повседневной жизни».

Американский эссеист Уильям Дерезиевич писал, что «никакое настоящее совершенство, личное или общественное, артистическое, философское, научное или моральное, недостижимо без одиночества». Историк Эдуард Гиббон сказал, что «одиночество – школа гениев». Платон, Аристотель, Декарт, Кант, Кьеркегор и Кафка были известными поклонниками уединения. «Каждое совершенное человеческое существо, – сказал Ницше, – будет инстинктивно искать секретную цитадель, где он или она будут свободны от толпы, от многих, от большинства». Лорд Байрон, Уильям Вордсворт, Ральф Эллисон всячески высказывали свое желание одиночества. «До тех пор, пока мы не отпустим мир, – писал Торо, – мы не сможем обрести себя».

«Торо, – сказал Крис Найт, поджав губы после того, как его сравнили с великим трансценденталистом, – был дилетантом».

Может, и был. Торо провел в своей хижине на Уолденском пруду в Массачусетсе два года и два месяца, начиная с 1845-го. Он имел контакты с цивилизацией – раз в неделю обедал с матерью в городке под названием Конкорд. «Пока я жил в лесу, принял больше посетителей, чем за всю свою жизнь», – писал он. Однажды на ужин в его хижине собрались два десятка гостей.

Во время жизни в лесу Найт не считал себя отшельником – он вообще не вешал на себя никаких ярлыков, – но, когда речь заходила о Торо, он называл его вполне определенным образом. Найт говорил, что Торо – «фальшивый отшельник».

Величайший грех Торо заключался в публикации книги о его затворничестве в Уолдене. Найт сказал, что настоящий отшельник не стал

бы превращать свои размышления в коммерческий продукт. Он также не устроил бы вечеринку в своей хижине и не шатался бы постоянно в город. Эти действия направлены вовне, к обществу. Они определенным образом кричат: «Вот он я!»

Практически любой отшельник каким-то образом взаимодействует с внешним миром. Подражая «Дао дэ цзин», многие протестующие отшельники Китая тоже писали поэмы: «Холодная гора», «Подъем», «Большой щит», «Каменный дом». У этого жанра появилось название – шань-шуй.

Святой Антоний был одним из первых пустынных отшельников и вдохновил тысячи христиан последовать своему примеру. Антоний перебрался в пустой склеп, жил там в одиночестве тринадцать лет, потом переехал в заброшенное военное укрепление, где прожил еще двадцать, питаясь лишь хлебом, солью и водой, доставляемой последователями, спал на голой земле, никогда не мылся и посвятил свою жизнь интенсивным, зачастую агонистическим молитвам и благочестивым деяниям.

По словам его биографа, Афанасия Александрийского, который встречался со святым лично, Антоний окончил свои дни с чистой душой и отправился в рай. Но большую часть того времени, что он прожил в пустыне, Антония одолевали последователи, ищущие совета и благословения. «Эти толпы, – сетовал Антоний, – не дают мне побыть в одиночестве».

Даже анахореты, запершиеся в кельях, не были совсем отделены от средневекового общества. Их кельи часто находились в городах, и в них были окна, сквозь которые монахи благословляли посетителей. Люди поняли, что беседа с живым сострадательным анахоретом может принести больше облегчения, чем вознесение молитв далекому и абстрактному Господу Богу. За анахоретами закрепилась слава мудрецов, и несколько столетий большая часть населения Европы обсуждала свои самые важные проблемы с ними.

Найт не сделал в лесу ни единой фотографии, не приглашал гостей на ужин и не написал ни строчки. Он полностью развернулся к миру спиной и не подходил ни к одной категории отшельников. Что-то, чему не было определения, тянуло его в сторону от общества с настойчивостью гравитации. Он был одним из самых постоянных и страстных в своем стремлении к чистому одиночеству отшельников в истории. Да, он был настоящим отшельником.

«Я не могу дать объяснения своим действиям в тот момент, – сказал он. – Не было никакого плана, ни о чем я не думал. Просто сделал и все».

Глава 14

Сделка с совестью

Хоть у Найта и не было плана, но у него была цель. Он хотел потеряться. И не потерять просто связь с миром, но и себя самого. У него было лишь примитивное походное снаряжение, кое-что из одежды, немного еды. «У меня было то, что было, – рассказывал он. – И ничего больше». Он оставил ключи в машине и растворился в лесу.

Потеряться во всех смыслах было нелегко. Любой человек с базовыми навыками лесных походов автоматически знает, куда он идет. Достаточно видеть, что солнце светит с западной стороны, и становится уже легко понять, где другие направления. Найт знал, что движется на юг. Он говорил, что это не было сознательным решением, просто его потянуло туда, будто домашнего голубя к голубятне. «Не было какой-то глубокой идеи, все происходило, скорее, на уровне инстинктов. У животных есть инстинкт возвращаться на свою домашнюю территорию, а мой дом, где я родился и вырос, был в той стороне».

Мэн разделен на долины, вытянутые с севера на юг так, будто их процарапало когтями гигантское божество, хотя кто-то и утверждает, что это работа тающих ледников. Долины разделены цепочками гор, сейчас уже выветренными и облысевшими, словно старики, но всего каких-то пару миллионов лет назад Аппалачи были мощнее, чем Скалистые горы. Низины в это время года хлюпали под ногами своими болотами и мокрыми берегами озер.

«Я по большей части держался хребтов, – рассказывал Найт, – иногда переходил топи, идущие от одного хребта к другому». Он пробирался по сыпучим склонам и по глинистым равнинам. «Вскоре я потерял ориентиры и больше не понимал, где нахожусь. Мне было все равно». На самом деле у каждой более-менее заметной природной достопримечательности Мэна, будь то озеро или гора, было собственное имя, но Найт считал эти названия искусственными, навязанными человеком и предпочитал их не запоминать. Он охранял чистоту своего уединения всеми способами. «Не было знаков, сообщающих: «Вы находитесь здесь». Вокруг была или сухая, или мокрая земля. Я знал и одновременно не знал, где я. Ух ты, сейчас меня, кажется, занесло в метафизику, нет?»

Сюда не могло дотянуться общество со своими правилами, здесь он

был королем своих собственных джунглей, один посреди незнакомого леса – мечта и кошмар одновременно. Но ситуация больше нравилась Найту, чем пугала его. Он ставил лагерь на неделю, а затем двигался дальше на юг. «Я продолжал идти. Я был доволен сделанным выбором».

Доволен всем, за исключением одного: еды. Он постоянно был голоден и понятия не имел, как себя прокормить. Он совершенно не продумал свое бегство, что, в общем-то, нормально, когда тебе двадцать. Как будто он пошел в поход на выходные и не возвращался двадцать пять лет. Он был неплохим охотником и рыбаком, но у него не было с собой ни ружья, ни удочки. Впрочем, желания умереть у него тоже не было. По крайней мере, тогда.

Сначала он думал прожить «на подножном корму». Дикие просторы Мэна были необъятны, но не сказать, чтобы очень щедры. Здесь нет фруктовых деревьев. Ягоды быстро сходят. Без охоты, или рыбалки, или капканов можно пропасть с голоду. Найт шел на юг, пока не появились мощные дороги, и ел очень мало. Он нашел и съел сбитую машиной куропатку. Эта еда была несвежей, невкусной и к тому же грозила заболеваниями.

Мимо тянулись садовые участки. Найт был горд и воспитан в строгих правилах. Каждый сам решает для себя. Никто не будет контролировать и ловить за руку. Ты просто знаешь, что правильно, а что нет, и разделительная линия обычно довольно четкая.

Но попробуйте не поесть десять дней – да у любого из нас моральные силы будут на исходе. На голод сложно не обращать внимания. Борьба с совестью заняла некоторое время, признался Найт. Как только совесть была побеждена, он сорвал несколько початков кукурузы, накопал картошки и съел еще каких-то найденных в поле овощей.

Однажды, в первые недели своего отшельничества, он даже спал в пустом летнем домике. Это был нехороший опыт: «Я испытал большой стресс, почти не сомкнул глаз от мысли – а вдруг меня поймают. Это навсегда отбило желание поступать так снова». После этого он ни разу не спал в помещении, неважно, был ли на улице холод, дождь или даже снег.

Он шел на юг, промышляя в садах и огородах, и в итоге достиг места со знакомыми деревьями, птицами, насекомыми и погодой, которая, как он чувствовал, ему подходила. Дальше на север – слишком холодно. Крис не был до конца уверен, где именно находится, но знал, что это домашняя территория. Выяснилось, что он был менее, чем в двадцати милях от дома своих родителей.

Он обнаружил пару озер, одно большое и одно маленькое, берега

которых были сплошь усеяны летними домиками и маленькими садами, в которых можно было легко воровать фрукты и овощи. Найту захотелось остаться, но казалось, здесь не найти хорошего места для лагеря, где можно устроиться одновременно с комфортом и в уединении.

В первые дни его побега каждый приобретенный опыт давался ему ценой поломок и неудач. Он очень надеялся, что какая-нибудь роковая ошибка не положит конец его уединению. Найту досталась хорошая голова – он мог успешно решать сложные проблемы. Все его навыки – от установки охотничьих ловушек до фильтрации дождевой воды и умения ходить по лесу – становились все более профессиональными, но так никогда и не были признаны им совершенными. Совершенствование себя стало его хобби.

Некоторое время он пытался жить на берегу реки. Берег был высокий и крутой, и звук реки ему нравился. Найт прорыл в глинистой почве тоннель, усилил его стены и потолок древесным буреломом. Получилось подобие старинной шахты. Вот только жить там оказалось невозможно. Получилась нора, холодная и сырая, где с трудом можно было сесть. Она была хорошо замаскирована, но лес вокруг был слишком проходимым. И действительно, укрытие было обнаружено охотниками на оленей, но уже после того, как Найт забросил его. Эта пещера стала местом паломничества для местных, искавших разгадку тайны отшельника. Хотя никто в то время и не был уверен, что она построена именно им. Впрочем, как и в том, что отшельник существовал на самом деле.

Найт пытался обосноваться как минимум еще в шести местах, но все безуспешно. Внезапно он забрел в район непроходимых лесов, которые совсем не привлекали походников. Он обнаружил Джерси и очень ему обрадовался. Затем он нашел и слоноподобный валун с секретной поляной. «Я понял, что это идеальное место. И поселился здесь».

Он все еще очень плохо ел. Хотелось чего-то более существенного, чем овощи. Даже если бы он ограничился только садами-огородами, лето в Мэне, как знает всякий местный, это очень редкий и желанный гость, который никогда не задерживается. Когда оно подошло к концу, Найт понял, что следующие восемь месяцев питаться на кукурузных полях и в садах уже не получится.

Найт осознал то, что рано или поздно осознает любой отшельник – ты не можешь все время жить сам по себе. Тебе нужна помощь. Отшельники часто уходили в пустыни, горы или дикие леса, то есть туда, где почти невозможно самостоятельно выращивать пищу.

Чтобы прокормиться, многие пустынники плели корзины, которые

затем продавали их помощники, и на вырученные деньги покупали пищу. В древнем Китае отшельники были шаманами, травниками и прорицателями. В Англии они работали сборщиками податей, пчеловодами, резчиками по дереву, переплетчиками. Многие просили милостыню. Босой бродячий отшельник Джонни Эпплсид (Appleseed (*англ.*) – яблочное зернышко. – *Прим. пер.*) был известен тем, что на самом деле посадил тысячи деревьев в Огайо и Пенсильвании в начале XIX века.

В Англии XVIII века высшее общество захлестнула мода на отшельников. Несколько аристократов решили, что их поместью необходим свой анахорет. Они разместили объявления в газетах о поиске «декоративного отшельника», который был бы не очень ухожен внешне и готов спать в пещере. Эта работа хорошо оплачивалась, и сотни отшельников были наняты на условиях семилетнего контракта, в который была включена одна порция пищи в день. Некоторые из них присутствовали на званых ужинах и общались с гостями. Высшее общество викторианской Англии верило, что отшельники излучают доброту и глубокомыслие, и мода продержалась пару десятилетий.

Конечно, Найт чувствовал, что чья-либо помощь испортила бы все дело. Или ты прячешься, или нет – промежуточного варианта быть не может. Найт мечтал об абсолютном одиночестве, полной независимости. Он отправил себя на остров, созданный его воображением, где обитало затерянное племя, состоящее из одного человека. Даже один звонок, сообщающий его родителям, что он в порядке, создал бы связь с миром.

Найт заметил, что домики вокруг озер почти не охраняются. Часто хозяева, уходя, оставляли окна открытыми. Лес давал надежное укрытие, а поселок должен был вскоре опустеть в связи с окончанием сезона. А еще рядом находился юношеский летний лагерь с большой кладовой. Самый легкий способ стать охотником-собирателем в этих условиях был очевиден.

И Найт понял, что выход у него один: воровать.

Глава 15

«Нетипичная аккуратность»

Чтобы совершить тысячу краж, прежде чем тебя поймут, нужно обладать недюжинной сноровкой, терпением, наглостью и удачливостью. А еще – хорошо разбираться в людях. «Я изучал их привычки, – рассказал Найт. – У всех ведь есть привычки». Он прятался на краю леса и наблюдал за жизнью семей Северного пруда, за их тихими завтраками и вечеринками, гостями и хозяевами, приезжавшими и уезжавшими машинами. Ничто из того, что он видел, не вызвало у него желания вернуться в общество.

Он настаивал на том, что не был вуайеристом. Его наблюдения имели информационную, статистическую задачу, сродни наблюдениям врача. Ему нужно было осознать миграционные привычки местного населения: в какое время они ездили за покупками, когда уезжали надолго и хижины стояли пустые. Он наблюдал за человеческими передвижениями и вскоре точно знал, в какое время безопаснее всего влезать в дома.

В конце концов, рассказывал он, все в его жизни стало подчинено четкому расписанию и контролю времени. Идеальным моментом для взлома была глубокая ночь в середине недели, лучше всего, если небо было затянуто, совсем хорошо – чтобы шел дождь. В идеале – сильный ливень. Люди не выезжали на природу в плохую погоду, а Найт старался всячески избегать любых встреч. На всякий случай он не выходил на дороги и тропы и никогда не совершал ограблений в выходные дни.

Постоянной проблемой была луна. Одно время он старался делать вылазки в полнолуние, когда не нужно было пользоваться фонарем. Позже, когда стал подозревать, что его активно разыскивает полиция, Найт выбирал безлунные ночи, надеясь, что темнота защитит его. Он любил менять свои методы и менял даже частоту этих изменений. Он избегал формирования собственных привычек. Правда, Крис неизменно отправлялся на дело свежевыбритым или с аккуратно подстриженной бородой и в чистой одежде, чтобы при случайной встрече с кем-либо не вызвать подозрений.

В послужном списке Найта значилась примерно сотня домов, – «это как минимум» – в нагрузку к ним шла кухня лагеря «Сосна». Домики он грабил одни и те же, с разной очередностью. Идеалом было место с большим запасом пищи и разных хозяйственных мелочей, хозяева которого

приезжали только по выходным. Зачастую он знал точное количество шагов от своего лагеря до определенного домика и пролетал по лесу, словно Тарзан. «Я был Мастером леса», – элегантно описал себя Найт.

Иногда, когда ему нужен был газ или новый матрац, – его старый периодически покрывался плесенью – было проще использовать каноэ. Лодку тяжело спрятать, и, если ты ее украдешь, хозяин точно вызовет полицию. Мудрее было позаимствовать и вернуть – лодок на озере было множество, часть из них давно болталась на привязи, да и плавали на них явно редко. Никто не будет вызывать полицейских при подозрении, что их лодку брали покататься, а затем вернули без повреждений.

Таким образом, от Найта в районе пруда было не спрятаться, для него здесь просто не было недоступных уголков. «Мне не трудно было прогребсти четыре-пять часов в одну сторону, если было нужно». Если вода была беспокойна, он клал несколько камней в нос лодки, чтобы она шла гладко. Обычно он плыл вдоль берегов, чтобы деревья и тени укрывали его от возможных случайных взглядов. Только однажды, в дождливую ночь, он выгреб на середину озера, один в темноте, омываемый потоками льющейся с небес воды.

Когда он приближался к домику, который выбрал на этот раз, то сразу проверял, нет ли на горизонте машин или других признаков того, что внутри кто-то есть – очевидные меры предосторожности. Но этого было недостаточно. Ограбление – опасное мероприятие, преступление, и права на ошибку у тебя нет. Если тебя поймают, обратно уже не выпустят. И он выжидал, прячась во тьме.

Два, три, четыре часа. Иногда больше. Чтобы на сто процентов быть уверенным, что никого нет поблизости, никто его не увидит и не вызовет полицию. Ожидание не тяготило Криса, терпение было одной из его сильных сторон. «Мне нравится темнота. Скрытность – часть моей натуры. Мои любимые цвета – всегда те, что помогают смешаться с окружающей средой. Темно-зеленый – один из самых любимых». Найт никогда не пытался грабить дома, где жили круглый год, – слишком рискованно – и всегда носил часы, чтобы следить за временем. Словно вампир, Найт не хотел, чтобы рассвет застал его вне укрытия.

Некоторые домики, особенно в первые годы жизни Криса в лесу, часто оказывались незапертыми. В них попасть было легче всего – хотя вскоре и все остальные коттеджи, так же как и холодильная камера «Сосны», стали ему легкодоступны. У него появились ключи от всех замков – он находил их внутри во время ограблений и забирал. Чтобы не обременять себя огромной связкой, он прятал эти ключи на территории вокруг дома, под

каким-нибудь знаковым камнем. Таких тайников у Найта было несколько десятков, и он никогда не забывал, где они находились.

Он прочитал объявления на дверях некоторых домиков, хозяева которых предлагали ему оставить список необходимых вещей, и видел сумки с продуктами, оставленные ему на дверных ручках. Но он опасался ловушки и боялся вступать в контакт, пусть от него и требовалось лишь написать этот список. Потому он и оставил все нетронутым, и порыв жителей вскоре угас.

В большинстве случаев Найт вскрывал замок на двери или окне. При себе у него всегда был набор домушника: отвертки, долото, канцелярские ножи. Обладая навыком и умением, этими нехитрыми приборами можно было вскрыть все, что угодно, кроме, разве что совсем уж сложных замков, для которых надо было индивидуально подбирать специальный инструмент.

Если ему попадался такой сложный дверной замок, Найт влезал в окно. Мысль разбить стекло или высадить дверь претила ему – это было варварством. Закончив визит, Найт часто запирает окно, чинил замок, если тот был поврежден, и покидал домик через дверь, заперев ее за собой. Не стоило оставлять пространство для маневра другим вора.

Когда местные жители стали устанавливать защитные системы, Найт легко адаптировался к ним. Он знал многое о способах охраны со времен прежней работы и с успехом использовал эти знания для продолжения краж. Иногда он выводил систему из строя или вынимал карты памяти из камер, до того, как они стали меньше, технологичнее и лучше спрятаны.

Множество раз он избегал облав, устроенных полицией и владельцами домов. Однажды сержант Хьюз был водителем в такой операции, проведенной офицерами полиции штата и департаментом шерифа. Все ее участники набились во внедорожник Хьюза и поехали по лесным тропам, останавливаясь в поисках хоть каких-нибудь следов. «Поиски шли много часов, но мы так и не нашли ни отшельника, ни его лагеря», – сказал Хьюз.

Места преступлений отшельник оставлял в такой чистоте и порядке, что заслужил невольное уважение преследователей. «Уровень дисциплины, который он проявлял во время взломов, его манера не оставлять следов, талант открывания замков, его способность появляться и исчезать незаметно – все было невероятно. Никто из нас такого прежде не видел», – признал Хьюз. В отчете, написанном одним из полицейских, упоминается «нетипичная аккуратность». Отшельник, по мнению многих, был профессиональным вором. Его манера вскрывать замки и забирать совсем немного напоминала своего рода странную игру.

Найт говорил, что в тот момент, когда открывал замок и проникал в дом, он испытывал жгучее чувство стыда. «Каждый раз я очень четко осознавал, что поступаю неправильно. Удовольствия я в этом не находил никакого».

Попав внутрь домика, он двигался уверенно: вначале всегда проверял кухню, затем быстро проходил по всему дому, разыскивая батарейки и полезные мелочи, которые ему были нужны всегда. Свет никогда не включал, используя лишь маленький фонарик, висевший на цепочке на шее. Он светил им только под ноги, оставляя лицо в тени. Налобные фонари Найт терпеть не мог – они светили на всю округу, как барная вывеска.

Во время ограбления не было ни минуты, чтобы расслабиться. «Мои адреналин и пульс зашкаливали, давление поднималось. Мне всегда было очень страшно и хотелось закончить побыстрее». Единственное, что могло заставить его задержаться, это необходимость что-нибудь разморозить. Если мясо было заморожено, он закидывал его в микроволновку.

Покончив с делами внутри домика, Найт проверял газовый гриль на предмет наполненности баллона. Если баллон был полным, а рядом имелась пустая замена, Крис менял баллоны, оставляя сам гриль нетронутым. Он был уверен, что хозяину дома лучше не оставлять однозначных доказательств, что его дом был ограблен. Затем он грузил все в лодку, если это была «лодочная прогулка», и греб, прижимаясь к берегу, до ближайшей к своему лагерю точки, где выгружал все на берег. После этого возвращал лодку туда, откуда ее взял, присыпав дно еловыми иглами, чтобы скрыть следы своего присутствия. Наконец, беззвучно, как мотылек, пролетал по Джерси к слоновьему валуну и сквозь скрытый вход проскальзывал в убежище.

К этому моменту обычно начинало светать. Некоторые вылазки длились более десяти часов, большинство из них были страшно волнительными. Он мог позволить себе расслабиться лишь после того, как последняя вещь была занесена в лагерь. «И мне предстоял долгий период мира... Хотя нет, не мира. Мир – слишком патетичное слово. Скажем лучше – долгий период спокойствия». Запасов хватало недели на две. В этот период он мог спокойно жить в своем лесном царстве. «Я так радовался, закончив очередной набег. Снова дома, снова в безопасности. Успех».

Глава 16

Книжный червь

Найт жил в грязи, но был чище, чем мы с вами. Намного чище. Сосновые иглы и глина делают нас грязными лишь внешне. А вот бактерии, вирусы, передающиеся через кашель, чихание, рукопожатия и поцелуи, – другое дело. Иногда за жизнь в социуме приходится расплачиваться своим здоровьем. В этом плане Найт устроил себе карантин и счастливо избежал нашей человеческой заразы. Он все время был здоров. Хотя временами он глубоко страдал, но ему никогда не требовалась медицинская помощь, он ни разу не получил серьезной травмы и даже не простудился.

Летом, особенно в первые годы, он был в отличной форме, сильный и проворный. «Видели бы вы меня в двадцать лет – я управлял землей, по которой ступал, она была моей, – говорил Найт, и за его рассказом вдруг мелькала гордость. – Почему бы мне и не считать ее своей? Там не было ни единой души. Я был за нее в ответе. Я контролировал столько территории, сколько хотел. Я был Богом этого леса».

В этом районе растет ядовитый плющ. Это растение у многих отбило желание искать здесь лагерь отшельника. Найт придумал присказку – «листья-листья есть, как есть я». Напевая ее, он запомнил места, где находятся заросли, так что даже в темноте удачно избегал их. Ни разу плющ не навредил отшельнику.

Болезнь Лайма, бактериальная инфекция, передаваемая через укусы насекомых, которая может вызвать частичный паралич, одно из частых заболеваний в Центральном Мэне. Но и оно обошло Найта стороной. Одно время он беспокоился на этот счет, а потом его осенило: «Я понял – раз уж я не смогу ничего с этим поделать, какой смысл об этом думать?»

Жить в лесу, среди дикой природы, и быть зависимым от нее – это и способ достичь полной независимости от внешнего мира, и возможность понять, что на самом деле ты мало что можешь контролировать. Поначалу Найт беспокоился обо всем: что его может завалить снегом, или обнаружат походники, или поймает полиция. Постепенно и методично он стал отпускать все свои волнения.

Но, разумеется, не до конца. Чересчур расслабляться тоже опасно. Беспокойство в правильной дозировке было полезным, возможно,

жизненно важным. «Я использовал беспокойство, чтобы думать. Волнение может стать прекрасным стимулом для выживания и планирования жизни. А мне нужно было много планировать».

Завершение каждой вылазки знаменовало собой временный конец беспокойства. Порядок, в котором он потреблял пищу, зависел от срока годности, начиная с говядины и заканчивая вафлями. Когда у него из всех продуктов оставалась лишь мука и какие-то крохи, он смешивал все и пек печенье. Он никогда не брал еду домашнего приготовления или без упаковки – боялся, что в эти продукты могли подсыпать яд. Поэтому все, что он крал, было запечатано в картон или банку. Он не оставлял ни крошки, выскребая все до чистоты. Затем складывал обертки и упаковки в мусорную яму, расположенную между валунами у границ лагеря.

Яма не пахла. Найт закидывал ее листьями и землей, чтобы создать компост, и они поглощали любой запах. Но большинство упаковок было сделано из проволочного картона или пластика, которые очень медленно разлагаются. Во время обыска в лагере оказалось, что многие этикетки даже не выцвели. Из-под земли извлекли образцы древнего дизайна и типографских работ. Практически мусорный аналог гробницы Тутанхамона.

Эти археологические раскопки его мусора объяснили, почему единственной проблемой со здоровьем у Найта были плохие зубы. Он регулярно их чистил, крал зубную пасту, но, конечно, не посещал дантиста, и зубы постепенно начали гнить. Проблема крылась в его кулинарных предпочтениях, так и оставшихся на уровне подростковых: много сахара и консервированная еда. «Назвать готовкой то, чем я здесь занимался, было бы слишком великодушно», – заметил Найт.

Основной его пищей были макароны с сыром. Десятки упаковок того и другого были похоронены у валунов вместе с пустыми бутылками из-под соусов и специй: черный перец, чесночный порошок, острая и соевая заправки. Часто, обнаружив в доме хороший набор специй, Найт уносил его, чтобы продегустировать с макаронами.

Крекеры, маршмэллоу, жевательные конфеты, печеные бобы, сыр в нарезке, хот-доги, кленовый сироп, шоколадные плитки, печенье, чипсы, куриные крылышки. Газировка. Буррито и пицца.

Все это извлекли из одной маленькой дыры, выкопанной руками, под пение малиновок. Найт сбежал от мира только ради того, чтобы питаться самой вредной его пищей. На самом деле, пояснил отшельник, эта еда не была его выбором – ее ведь покупали владельцы летних домиков, которые он навещал. Он воровал и деньги, понемногу – долларов по 20 в год –

«система страхования», как он их называл, и жил в часе ходьбы от большого супермаркета и магазина деликатесов, но никогда не мог заставить себя зайти туда. В последний раз он ел за столом в забегаловке во время его автомобильной поездки.

Попадались ему и замороженная лазанья, и консервированные равиоли, и соус «Тысяча островов». Можно было копать в этом мусоросборнике до бесконечности, погрузив руки по локоть, и он все никак не заканчивался. Кукурузные чипсы, сардельки, пудинги, маринованные огурцы. Этим всем можно было армию прокормить.

Найт не был гурманом. Ему было все равно, чем питаться. «Мне было не до разборчивости. Если это еда, то уже хорошо». Он не тратил на приготовление пищи больше нескольких минут. Часто он не покидал лагерь между ограблениями. Здесь всегда было чем заняться: домашние дела вроде мелкого ремонта, улучшений и уборки, и развлечения, главным из которых было чтение.

Перед тем как покинуть ограбленный дом, он осматривал книжные шкафы и ночные столики. Жизнь внутри книги всегда казалась Найту привлекательной. Она ничего от него не требовала, тогда как мир реальных человеческих отношений был таким сложным. Разговор может напоминать партию в теннис, быть таким же быстрым и непредсказуемым. Эти постоянные полускрытые визуальные и вербальные намеки, недомолвки, сарказм, язык тела, тон. Все так или иначе страдают от обид, становятся жертвами социальной неуклюжести. Это часть того, что называется «быть человеком».

Для Найта все это было невыносимым. Книги стали его самыми близкими и доверенными собеседниками. В свободные от ограблений дни, когда ему ничто не мешало, он погружался в чтение, полностью растворяясь в нем.

Выбор литературы в домах был небогат, и в основном она была довольно-таки низкопробной. Найт же предпочитал Шекспира – в особенности «Юлия Цезаря», эту летопись горя и насилия. «Лучшая компания – одиночество», – писал Бард в «Двенадцатой ночи». Найту также нравилась поэзия Эмили Дикинсон, он чувствовал с нею духовное родство. Последние семнадцать лет жизни Дикинсон не покидала свой дом в Массачусетсе и разговаривала с посетителями сквозь приоткрытую дверь. «Молчание, – писала она, – иногда способно сказать все».

Найт хотел бы украсть больше книг поэтессы Эдны Сент-Винсент Миллей, его землячки из Мэна, родившейся в деревне Роклэнд в 1892 году. Он цитировал ее лучшие строки: «Моя свеча горит с обоих концов. Она не

продержится эту ночь» – и прибавлял: «Я пытался пользоваться свечами в лагере. Они не стоят того, чтобы их воровать».

Если бы его попросили назвать любимую книгу, он бы сказал, что это «Восход и падение Третьего рейха» Уильяма Ширера. «Она сжатая и читается, как роман». Он забирал все книги по военной истории, что находил, и в последние несколько лет своего затворничества проявлял особый интерес к войнам в Конго и геноциду в Руанде – темам, достаточно ужасным для того, чтобы захотеть спрятаться в лесу и никогда больше из него не выходить.

Он как-то прихватил экземпляр «Улисса», но тот, возможно, был единственной книгой, которую Найт не смог дочитать. «В чем там вообще смысл? Я так подозреваю, что Джойс просто пошутил. Он держал рот на замке, а люди вычитывали в ней то, чего он отродясь не писал. Псевдоинтеллектуалы очень любят походя обронить, что «Улисс» – де их любимое произведение. У меня мозг взорвется, если я ее дочитаю».

Нелюбовь Найта к Торо была безграничной – «у него не было глубокого понимания природы». Но Ральфа Уолдо Эмерсона отшельник считал вполне приемлемым. «Людей стоит принимать лишь в малых дозах, – писал Эмерсон. – Ничто не способно дать вам покой, кроме вас самих». Когда Найт прочел «Дао дэ цзин», то почувствовал глубокую внутреннюю связь с этим произведением. Он часто цитировал его: «Хорошая походка не оставляет следов».

Роберт Фрост был одобрен без вопросов. А по поводу Джона Гришэма Найт высказался, что бумага, на которой печатают его романы, хорошо идет в качестве туалетной. Он говорил также, что не любит Джека Керуака, но это было не совсем правдой. «Я не его самого не люблю, а его поклонников», – объяснял Крис. «Та же история с Джоном Ленноном, – говорил он, перескакивая с литературы на музыку, но продолжая жаловаться на фанатов. – Поколение беби-бумеров сделало из него идола. Они его переоценили. Я не могу любить Джона Леннона из-за его фанатов. Это, как бы, типа печально». Иногда Найт разговаривал как школьник, и в этот момент выглядел довольно странно. Его навыки общения застряли где-то на уровне последних классов средней школы, впрочем, они и тогда были не очень продвинутыми.

Найт выносил из домов портативные радиоприемники и ежедневно слушал передачи. Они для него были почти что голосами с другой планеты. Некоторое время он даже любил это занятие. Крис упоминал, что слушал Раша Лимбо: «Я не говорю, что он мне нравился. Я говорю, что слушал его». Собственные политические взгляды Найта были «консервативными,

но не республиканскими».

Потом он подсел на классическую музыку: Брамс и Чайковский – да, Бах – нет. «Бах слишком безупречен». Он обожал «Пиковую даму» Чайковского. Но его настоящей страстью был классический рок: The Who, AC/DC, Judas Priest, Led Zeppelin, Deep Purple, и больше всех – Lynyrd Skynyrd. «Их песни будут играть и через тысячу лет», – говорил он.

Однажды он унес черно-белый телевизор Panasonic с 5-дюймовым экраном. Вот зачем ему постоянно были нужны лодочные и автомобильные аккумуляторы – чтобы заряжать этот телевизор. Найт разбирался в электрических цепях – он мастерски соединял батареи вместе, последовательно и параллельно. Еще он обзавелся антенной и спрятал ее в кронах деревьев.

Он говорил, что большинство программ «созданы для либеральных беби-бумеров с дипломами колледжей», но все же ему нравилась одна передача – документальный фильм о Гражданской войне в США, снятый Кеном Бернсом. «Я до сих пор помню письмо Салливана Баллу к жене. Оно заставило меня прослезиться». Баллу, майор союзнической армии, написал своей жене Саре 14 июля 1861 года и был убит в сражении прежде, чем письмо было доставлено. В нем говорилось о «безграничной любви» к детям и о том, что к жене его сердце «привязано столь сильными узами, которые никакая сила не сможет разорвать». Над таким проявлением человеческой близости Найт плакал, но сам даже и не думал искать подобное.

Найт был в курсе мировых новостей и политики, но почти никак на это не реагировал. Все это казалось очень далеко. После 11 сентября 2001 года он перестал смотреть ТВ. «Автомобильные аккумуляторы – тяжелые, и их неудобно таскать в любом случае», – сказал он. Те, что у него были, он использовал в качестве грузов для полотна из полиэтиленовых мешков, заменявшего ему крышу. Найт переключился на радио. «Театр ума» – так он называл его.

«У меня есть чувство юмора, – говорил Крис. – Я просто не люблю шутки. Фрейд говорил, что шутка – это проявление тайной враждебности». Его любимыми комиками были братья Маркс и Джордж Карлины. Последним фильмом, на который он ходил в кино, был «Охотники за привидениями» 1984 года.

Он никогда не слушал спортивные передачи – любой спорт был ему скучен. Новости в основном были те, что передавала местная радиостанция в начале каждого часа. Иногда он ловил франкоязычные передачи из Квебека. Найт не говорил по-французски, но хорошо понимал язык.

Ему нравились ручные приставки для видеоигр. У него было правило: красть те из них, что уже совсем устарели и вот-вот полетят в мусорную корзину. Он не хотел отнимать у ребенка новую игрушку. В любом случае через пару лет она оказалась бы у него. Ему нравились Покемоны, Тетрис и Диг Даг. «Люблю игры, где нужно думать и составлять стратегию. Никаких стрелялок и бродилок. Не люблю бездумные повторяющиеся действия». Электронные sudoku шли на ура, так же как и кроссворды в журналах, однако он ни разу не забрал колоду карт или шахматную доску – «слишком двухмерная и ограниченная игра».

Найту никогда не приходило в голову заняться искусством: «Не такой я человек» – или провести ночь вне лагеря: «Я не путешествую. Вместо этого я читаю». Он ни разу не заглянул на знаменитое мэньское побережье. И настаивал на том, что никогда не разговаривал сам с собой: «Что, как нормальный отшельник, да? Нет, не было такого».

Крис не вел дневник. Он бы в жизни никому не позволил узнать его сокровенные мысли, а потому не рисковал их записывать. «Я заберу их с собой в могилу. Да и в любом случае, не все ли дневники врут? В них либо слишком много правды, скрывающей большую ложь, либо слишком много лжи, прячущей единственную правдивую мысль».

Ядовитость Найта порой впечатляла. Хотя под полом в его укрытии было зарыто множество номеров National Geographic, он очень критично отзывался об этом издании. «Мне даже не нравилось их красть, – признался он. – Я их просматривал, только если уж совсем больше нечего было. Единственное, на что они годятся – закапывать их в глину. Эта глянцевая бумага долго держится».

В старших классах Найту попался номер этого журнала с фотографией перуанского мальчика-пастуха, который стоял на обочине дороги и плакал. За его спиной лежали несколько мертвых овец. Их сбила машина, когда мальчик пытался перевести стадо через дорогу. Эта фотография позже была напечатана в сборнике лучших фоторабот National Geographic.

Это взбесило Найта. «Они растражили унижение этого мальчика. Он опозорил семью, которая доверила ему стадо. Это ужасно, что теперь неудачу этого малыша увидел весь мир». Найт все еще злился на то фото тридцатилетней давности. Он был очень чувствителен к стыду. Совершил ли он сам что-либо постыдное, прежде чем сбежал в лес? Крис утверждал, что нет.

Журнал The New Yorker не угодил Найту своей претенциозностью. «Слишком много его авторов пытаются оправдать свой диплом литературного института», – заявил он. По его словам, Крис не был

поклонником больших городов, населенных беспомощными интеллектуалами, которые даже масло в машине не могут сами поменять. Однако, добавлял он, сельские районы – тоже не Вальхалла. «Деревню не за что славить», – процитировал он строчку из брошюры Владимира Ленина «К деревенской бедноте».

Он довольно откровенно сообщил, что несколько домиков интересовали его исключительно из-за подшивки Playboy. Ему было любопытно. «Да, я девственник». Ему было всего двадцать, когда он исчез, и он ни разу не был на свидании. Найту представлялось, что поиски любви сродни рыбалке. «Пока я жил в лесу и ни с кем не общался, для меня не нашлось крючка с наживкой. И теперь я – большая непойманная рыба».

Одну книгу Найт никогда не выбрасывал и держал ее в палатке под боком. Она называлась «Очень особенные люди» – собрание кратких биографий людей с различными отклонениями. Среди ее героев были Человек-слон, Мальчик с лицом собаки и еще сотни похожих примеров. Крис чувствовал себя кем-то подобным – странным персонажем, по крайней мере внутренне.

«Если вы родились с отклонениями, – говорилось во вступительной главе, – то каждый день на протяжении всей жизни вам будут давать понять, что вы не похожи на других. И чем старше вы будете становиться, тем все хуже и хуже будет ситуация. Вы можете спрятаться от мира, – продолжал автор, – чтобы избежать наказания, которое общество всегда применяет к тем, кто отличается от остальных своим умом или телом».

Но лишь один роман, рассказал Найт, зародил в нем то редкое чувство, будто автор преодолел границы пространства и времени и говорит напрямую с ним. Это была книга Достоевского «Записки из подполья». «Я узнаю себя в главном герое», – сказал Найт о злобном и склонном к мизантропии персонаже, который жил в одиночестве двадцать лет. Книга начинается словами: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек».

Найт тоже не испытывал недостатка в нелюбви к себе. Но она была следствием неумной гордости, в его ненависти к себе ощущался намек на превосходство над другими. В этом было еще одно его сходство с безымянным рассказчиком из романа Достоевского. Книга заканчивается тем, что герой отбрасывает смущение и говорит то, что чувствует: «Что же, собственно, до меня касается, то ведь я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие и тем утешались, обманывая сами себя. Так что я, пожалуй, еще «живее» вас выхожу».

Глава 17

Музыка леса

Однако не книги и не радио занимали все свободное время Найта. Большую часть времени в своем лагере он не делал ничего. Просто сидел на перевернутом ведре или в садовом кресле, предаваясь тихому созерцанию. Не молился, не читал мантры, не сидел в позе «лотоса». Он называл это состояние – сны наяву. «Или медитация – как я ее себе представляю. Размышления. Обо всем, что приходило в голову, о чем хотелось подумать».

Ему никогда не бывало скучно. Он говорил, что даже не был уверен, понимает ли, что имеется в виду под словом «скука». Это чувство одолевало лишь людей, уверенных в том, что им постоянно следует чем-то заниматься. Такими были большинство из тех, за кем он наблюдал. Отшельники Древнего Китая понимали, что «ву-вэй» – «неделание» – было важной частью жизни. А вот в современном мире людям это практически неведомо. В этом Найт был уверен.

Ничего неделание по Найту имело свой смысл. «Наблюдать природу, хоть это и звучит довольно по-детски, как в диснеевских мультиках. Природа на самом деле сурова. Слабый не выживает, так же как и сильный. Жизнь – это бесконечная битва, в которой все – проигравшие».

В лесу Найт больше полагался на слух, чем на зрение. И со временем его слух стал очень острым. Жизнь проходила под сезонный саундтрек. Весна – это дикие индюшки – их выдавало куриное кудахтанье и своеобразное бормотание. Им подпевали лягушки. «Этих иногда можно принять за сверчков, но потом понимаешь: нет, все-таки лягушки». Лето наполнялось хором поющих птиц, дающим ежеутренние и ежевечерние представления. Озеро звенело моторами лодок – Найт воспринимал это как человеческий вклад в общую мелодию.

Осень звучала током тетеревов. Они распускали перья, чтобы согреться. Олени, проходя по лесу, давили сухие листья – хруп-хруп, – будто кукурузные хлопья. Зимой звук трескающегося на озере льда прокатывался по лесу, будто шар по дорожке для боулинга.

Сильный шторм глушил все. Если он продолжался несколько дней подряд, Найт привыкал к гулу ветра. А когда ветер стихал, воцарялась тишина, странная, будто внезапно возникший на пороге незнакомец. Дождь

мог лить стеной, грозы были суровыми, а молнии порой били практически под ноги. Грозы пугали Найта: «Я люблю влажную погоду, но во мне все еще жив маленький мальчик, который боится грозы».

В иные годы он видел много оленей, а бывало, они почти не появлялись. Временами Найту встречался лось. Однажды невдалеке мелькнул силуэт горного льва. Медведей Крис не встречал. Кролики набегали бандами – или туча, или ни одного. Мыши вели себя бесцеремонно – приходили к нему в палатку, когда Найт лежал в ней, и шебуршились в его ботинках. Мысль приручить какого-нибудь зверька даже не приходила ему в голову: «Мне пришлось бы делить с ним еду, а то и вовсе съесть его. Нет, я не хотел никого заводить».

Его ближайшим другом стал гриб. В лесу было полно разных грибов, но этот, древесный, вырос на высоте колена на самой большой сосне в лагере отшельника. Он начал наблюдать за этим грибом, когда его шляпка была не больше циферблата часов. Гриб рос неспешно, зимой накрываясь смешным снежным колпаком, и в итоге, спустя пару десятилетий, достиг размера тарелки. Его поверхность покрывали красивые черно-серые разводы.

Гриб стал Найту почти родным. Единственное, о чем беспокоился отшельник после ареста, что полицейские, разворошившие его лагерь, могли повредить гриб, сбить его ногой. Когда Крис узнал, что гриб все еще на месте, он страшно обрадовался.

Даже летом Найт редко покидал лагерь в дневное время. Исключением были последние августовские дни, когда большинство дачников разъезжалось, а комары вымирали. В это время Найт мог отправиться в короткий поход. У него было несколько любимых, приятных глазу рощ, которые он с удовольствием навещал. Одна представляла собой призрачное скопление белых японских берез, в другой темные стройные стволы осин напоминали изящную клинопись.

Также он мог отправиться на один из секретных маленьких пляжей у озера. «Иногда я оставался там допоздна, слушал какое-нибудь безумное радиошоу в наушниках, а затем взбирался куда-нибудь повыше и наблюдал, как внизу, в долине, начинает клубиться туман».

Начало осени было невероятно красивым, его было очень легко любить – так же как шоколад. Но самым любимым временем для Найта было то, когда опадали последние листья. Ему нравился изящный вид голых ветвей. «Я, похоже, перечитал викторианской литературы. Такие старые потрепанные книжки, знаете, в них еще графика, которая всегда изображает голые деревья как символ печали или предстоящего ужаса».

Он никогда не праздновал ни дня рождения, ни Рождества, ни других «человеческих» праздников. Крис периодически наблюдал Северное сияние: розовые и зеленые столпы света, ниспадавшие с небес. А чтобы посмотреть затмения, солнечные и лунные, он всегда отправлялся куда-нибудь на открытый луг. Он отмечал про себя зимние и летние солнцестояния, весеннее и осеннее равноденствие, но никогда не устраивал по этому поводу торжеств. «Нет, я не пел, не танцевал и жертв не приносил».

Хотя стоит отметить, Найт как-то по-особенному любил 4 июля. Фейерверков он не смотрел, но вместо них наслаждался личным парадом светлячков. «Это же пик светлячкового сезона. Я думаю, с поэтической точки зрения это правильно. Джон Адамс бы одобрил. Разве не он предложил отмечать 4 июля фейерверками?»

Найт удивился, узнав, что никто уже не помнит, что это была идея Джона Адамса. Да и вообще люди толком не знают, кто это такой. Он делился впечатлением, что смартфон сегодня заменил всем мозг, а жизнь на бегу и в постоянном шуме отучила размышлять над чем-то дольше двух секунд. Найт посмеивался над новым поколением, считая его представителей слегка умственно отсталыми. И был, возможно, где-то прав. Недавние исследования ученых по всему миру установили, что существует разница между интеллектом тех, кто живет в спокойном, тихом месте, и тех, кто постоянно находится среди шума и грохота. Каждое исследование пришло к заключению, что шум вреден.

Главная проблема шума в том, что его невозможно игнорировать. В человеке заложена необходимость на него реагировать. Звуковые волны вызывают вибрацию в крошечных цепочках костей, и она передается в наше среднее ухо, после чего физические вибрации превращаются в электрические импульсы, а те, в свою очередь, отправляются прямо в слуховые зоны коры головного мозга.

Тело немедленно отвечает на этот сигнал, даже во время сна. Люди, продолжительное время живущие в окружении шума, к примеру в больших городах, постоянно испытывают высокий уровень беспокойства из-за повышенного количества гормонов стресса. Эти гормоны, особенно кортизол, увеличивают кровяное давление, что приводит к проблемам с сердцем и повреждению клеток. Шум вредит телу и заставляет кипеть ум.

Чтобы изменить что-то, вам даже не нужна абсолютная тишина. И полное одиночество не нужно. В глухой лес убегать тоже не обязательно, достаточно проводить некоторое время в городском парке. Но делать это нужно часто. Японские исследователи установили, что даже

пятнадцатиминутная прогулка на природе вызывает значительное понижение уровня кортизола, а также помогает привести в норму давление и пульс. Психологи верят, что наши тела расслабляются на природе, потому что мы родом оттуда. Наши органы чувств развивались в лесах и степях и остались настроенными на их частоту.

Регенеративный биолог Имке Кирсте обнаружил, что два часа молчания в день стимулируют развитие клеток в гиппокампе – отделе мозга, ответственном за память. Исследования в США, Великобритании, Голландии и Канаде показали, что, проведя некоторое время в тихом, загородном месте, испытуемые становятся спокойнее и более восприимчивыми, уровень депрессии и тревожности понижается, зато улучшается память и мыслительные процессы.

Казалось, Найт помнит все, что когда-либо видел или слышал, хотя он и убеждал, что не обладает фотографической памятью. Он просто помнил абсолютно все. «И Адамс, и Джефферсон умерли 4 июля 1826 года», – добавлял он. Крис задавался вопросом, не делает ли нас жизнь в современном обществе тупее. «Я не то чтобы большой знаток исторических дат. Я сидел на довольно жесткой диете как в прямом, так и в переносном смысле».

Идеальным сочетанием для Найта были середина лета и середина недели, когда в поселках почти никого не было. Глубокой ночью он покидал свою хижину и шел до тех пор, пока за деревьями не начинала поблескивать гладь воды. Вскоре он оказывался на берегу озера. Крис сбрасывал одежду и погружался в воду. На поверхности вода была теплая, будто в ванне. «Я вытягивался в воде и, лежа на спине, смотрел на звезды».

Глава 18

Зимний стоицизм

Единственная книга, которую Найт никогда не трогал, попадалась ему чаще других. «Мне не нужна была Библия», – говорил он. Найт был из семьи протестантов, но в детстве его не водили в церковь. «Я не отношу себя ни к какой религии и не являюсь поклонником какого-либо вероисповедания. На данный момент могу лишь сказать, что я, скорее, политеист, нежели монотеист. Верю, что на каждый случай есть свой бог. У этих богов нет имен. Но я точно не верю в то, что существует какой-то один-единственный бог, ответственный за все».

Вместо религии Найт исповедовал философию. Он считал себя стоиком. Эта философская школа, основанная на идеях Сократа, возникла в Афинах ок. 300 года до нашей эры, во времена раннего эллинизма. Она получила имя в честь Стоа Пойкиле, «расписного портика», под сенью которого основатель стоицизма Зенон Китийский впервые самостоятельно выступил в качестве учителя. Стоики провозглашали самоконтроль и гармоничное сосуществование с природой наивысшими ценностями, а также считали, что трудности нужно переносить не жалуясь. Разум преобладал над чувствами, логика заменяла эмоции. «В лесу некому было жаловаться, вот я и не жаловался», – рассказывал Найт.

Своим божеством он, казалось, выбрал Сократа. Философ, рожденный в 470 году до Рождества Христова, сам не был отшельником, но вполне оправдывал этот стиль жизни. Сократ говорил, что самым ценным его имуществом было свободное время. «Избегайте ноши постоянной занятости», – писал он. Сократ постоянно ходил босиком, даже по снегу, и часто мог не есть целыми днями. Казалось, ничто его не беспокоило. Возможно, он также соблюдал целибат. За свое непочтение к богам и традиционным ценностям Сократ был приговорен к смерти, и в качестве казни ему было предложено выпить чашу цикуты. «Довольствоваться малым – постичь божественное», – писал он. Свободы, по его учению, можно достичь не путем удовлетворения всех своих желаний, а лишь полным их искоренением.

Когда Найт сталкивался в лесу с опасными для жизни ситуациями, он подавлял эмоции и принимал все с бесстрастным спокойствием стоика. Никогда, по его словам, он не обращался за помощью к высшим силам.

Хотя нет, один раз все же это произошло. Когда в Мэн пришла аномально суровая зима, все правила были забыты. «Когда вокруг двадцать градусов мороза, ты особо не раздумываешь. Как говорится, в падающем самолете нет атеистов. В такой мороз в лесу их тоже нет. В этот момент ты веришь в Бога. Ты молишься ему. Молишься о том, чтобы потеплело».

Зимой все усилия были направлены на выживание. Каждый год, когда домики закрывались до весны, в кладовых оставались какие-то запасы, и Найт увеличивал количество ночных набегов. «В этот период я был очень занят. Время сбора урожая. Меня вел очень древний инстинкт. Хотя, конечно, обычно он не имеет ничего общего с преступлением».

Его первой задачей было нагулять жир. Эта была жизненная необходимость. Все млекопитающие в его лесу, от мыши до лося, делали то же самое. Он заполнял себя сахаром и алкоголем – это был самый быстрый способ поправиться, к тому же Найту нравилось чувство опьянения. Бутылки, украденные им, были выбором человека, который, как он сам заметил, в жизни не провел и вечера в баре: бренди со вкусом кофе, клубничный дайкири, кокосовый ром и какая-то гремучая смесь из шоколада, взбитых сливок и красного вина.

Он заполнял сумки продуктами с большим сроком годности. Забирал теплую одежду и спальники. Запасался газом для готовки, откручивая баллоны от барбекю-грилей по всем окрестностям Большого и Малого Северных прудов. Газ был нужен не столько для готовки (холодной пищи ему было вполне достаточно) или обогрева (если жечь газ в палатке, можно было легко отравиться продуктами горения). Найт использовал его в основном, чтобы топить снег для питьевой воды. Эта работа требовала много пропана – обычно за зиму Крис использовал с десятков баллонов. Когда газ заканчивался, он зарывал пустые баллоны рядом с лагерем, никогда не возвращая их.

Сбор припасов был всегда состязанием с погодой. С первым снегопадом, который обычно приходился на ноябрь, все работы приходилось сворачивать. По снегу невозможно ходить бесследно, а Найт очень трепетно относился к тому, чтобы не оставлять следов. В следующие полгода, до апреля, Крис редко оставлял лагерь. В идеале он вообще предпочитал не выходить за его пределы всю зиму.

Для борьбы с холодом Найт отращивал на зиму бороду – достаточно густую, чтобы не дать замерзнуть лицу, но не настолько, чтобы она обрастала льдом. Большую часть лета он ходил гладко выбритым, чтобы не было жарко. Исключением был комариный сезон – тогда борода служила естественной защитой от насекомых. Черные мелкие мошки, к примеру,

проскакивают в рот и нос так быстро, что почти невозможно вдохнуть, не проглотив облако из них. «Они, как удавка, кольцом оборачиваются вокруг шеи, – писал Торо, – а стоит провести по нему рукой, как ладонь оказывается вся в крови». Многие жители Северного пруда считают сезон мошкары едва ли не более суровым, чем зимние холода.

Когда гнус исчезал, Найт снова начинал бриться, до поздней осени с ее порывистыми ветрами – растительность на лице служила хорошей защитой от ветра. Что до волос на голове, с ними он разбирался просто: несколько раз в год просто брился наголо. В лесу Крис никогда не выглядел как классический отшельник – заросшим и небритым. Уже в тюрьме, покончив с отшельничеством, он стал куда больше походить на него. Это была его своеобразная шутка.

Было бы естественно предположить, что в холодное время года Найт впадал в спячку. Но это было не так. «Зимой опасно спать слишком долго», – говорил он. Ему было важно точно знать, сколько градусов на улице, и в лагере Найт держал три термометра – ртутный, цифровой и пружинный. Одному прибору он не смог бы довериться полностью.

Когда устанавливалась прохладная погода, он отправлялся спать в семь тридцать вечера. Найт сооружал вокруг себя кокон из спальников и стягивал их стропой в ногах, чтобы кокон не развалился. Если хотелось по нужде, то вылезать из этой конструкции было слишком утомительно, и Найт использовал бутылку с хорошо пригнанной крышкой. Чего только он не делал, чтобы не мерзли ноги. «Плотные носки. Много слоев носков. Тонкие носки, ноги вместе. Я так и не нашел идеального решения». Как бы там ни было, он не отморозил ни одного пальца за все это время. Спал он по шесть с половиной часов, поднимаясь около двух часов ночи.

Чем холоднее было на улице, тем меньше Найт спал. В суровые холода не важно было, насколько хорошо он упаковался. Конденсат от его тела мог заморозить спальник. Температура тела резко понижалась, и парализующий сон – свидетельство переохлаждения – начинал завладевать им, начиная с конечностей, двигаясь, будто армия завоевателя, все ближе и ближе к сердцу. «Если сдашься этому холоду и уснешь, то можешь никогда не проснуться».

Первое, что он делал, проснувшись в два часа ночи, – разжигал печь и начинал топить снег. Чтобы разогнать кровообращение, начинал прохаживаться по периметру лагеря. «Из палатки. Повернуть налево. Пройти туда-сюда пятнадцать раз. Повернуть налево. Сделать восемь проходов туда-обратно. Затем – в зимний туалет. Сделать все дела там. Потом еще двадцать проходов. Большой треугольник. И снова. И опять. Я

люблю ходить». Он проветривал спальники от влажности. Если шел снег, то чистил территорию, сгребая его к периметру, создавая огромные стены и запирая себя внутри этой снежной крепости.

Ноги никогда не удавалось отогреть полностью, но пока была свежая пара носков, это не казалось реальной проблемой. Важнее было держать их сухими. К рассвету у Найта уже был дневной запас воды. Неважно, сколь сильно было искушение снова залезть в кокон – он ему сопротивлялся. Найт развил полный самоконтроль. Короткий дневной сон Крис себе запретил, так как он не позволял впоследствии как следует высыпаться ночью.

Временами Найт чувствовал себя зимой почти беззащитным. В округе почти никого не было, но, так как листья опадали и голые ветви деревьев оставляли больше просветов, это увеличивало шансы на то, что лагерь будет обнаружен. У него была своя охранная сигнализация – никто не мог незаметно ходить по лесу Найта, кроме самого Найта, так что, подойди кто слишком близко, Крис сразу бы об этом узнал. На этот случай у него был план побега. Если человек подошел бы на опасно близкое расстояние, отшельник исчез бы, углубившись в лес.

На небольшом расстоянии от лагеря Найт держал то, что называл экстренным запасом. Два металлических бака и пластиковый контейнер были зарыты в землю и так хорошо замаскированы веточками и листьями, что вы могли бы пройти прямо по ним и в жизни ни о чем не догадаться. В них хранились походное снаряжение и зимняя одежда. Этого было достаточно, чтобы бросить лагерь в случае его обнаружения и построить новый. Преданность Криса одиночеству была абсолютной.

Глава 19

Диагноз: «отшельник»

Найт трепетно относился к мысли, что его могут счесть сумасшедшим. «Этот ярлык крепко ко мне прилип, – осознавал он. – Я, конечно, понимаю, что выбрал необычную жизнь. Но клеймо безумия беспокоит меня. Оно меня раздражает. Потому что не подразумевает объяснений с моей стороны». На вопрос, не сошли ли вы с ума, невозможно ответить правильно. Вы можете сказать «да» и подтвердить это, или, конечно, скажете «нет» – что, по мнению Найта, будет выглядеть боязливой защитой. «Будто и сами побаиваетесь, а не съехала ли у вас крыша?»

Если и существовало нечто противоположное безумию, то Найт считал, что это была ясность мышления и рационализм. Когда он узнал, что закопанные в его лагере связки журналов сочли следствием какой-то эксцентричной привычки, он был в ярости. Все, что он делал в лесу, по его словам, имело причину. «Люди не понимают причин. Они видят лишь сумасшествие и абсурд. У меня была стратегия, долгосрочный план. Они этого не понимают, а меня там нет, чтобы рассказать им». Эти связки макулатуры были результатом переработки материалов для чтения в утеплитель для пола.

Возможно, Найт верил, что он один из немногих нормальных людей, оставшихся на Земле. Его поражала идея, что проводить все свое время в маленькой клетушке, уставившись в компьютер, в обмен на деньги – это разумно, а расслабленное существование в лесу, в палатке сочли причудой. Любоваться деревьями было странно, а вырубать их – вполне адекватно. Чем Найт занимался по жизни? Он просто проживал ее.

Крис настаивал, что его побег не должен рассматриваться как критика современной жизни. «Я не осуждал общество и самого себя. Я просто решил жить по-другому». Тем не менее того, что он видел и слышал из своего укрытия в лесу, было вполне достаточно, чтобы составить впечатление о человеческой цивилизации. Огромное количество вещей, которое люди покупали, в то время как планета становилась все грязнее и грязнее, и загипнотизированные, апатичные глаза пользователей смартфонов отталкивали Найта все сильнее и сильнее. Современная жизнь казалась ему банальной до отвращения.

Карл Юнг говорил, что лишь интроверт может увидеть «всю глубину

человеческой глупости». Ницше полагал, что «там, где толпа, всегда воняет». «Любимчик» Найта Торо утверждал, что «любое общество, даже вedomое наилучшими побуждениями, калечит своих членов». Томас Мертон, американский монах-траппист, говорил: «Мы по-своему должны освободиться от вовлеченности в дела мира, который летит в пропасть». Индийский писатель Джидду Кришнамурти сказал: «Нужно обладать огромным запасом здоровья, чтобы хорошо приспособиться к этому глубоко больному обществу».

«Может быть, – заметил как-то Найт, – более правильным вопросом было бы не то, почему кто-то хочет уйти от общества, а то, почему в нем кто-то хочет оставаться?» «Любая компания – это плохая компания», – отмечал Ницше. «Ад – это другие», – говорил Сартр. «Весь мир несетя вперед, будто вздувшийся поток, – сказал как-то Конфуций. – Не лучше ли будет последовать за теми, кто решил удалиться от мира?»

Сайт, посвященный отшельничеству, опубликовал серию очерков, написанных современным искателем уединения – он писал о себе как о бездомном бродяге и подписывался одной буквой S. «Человеческое общество по большей части представляет собой безнравственный жестокий дурдом, – писал он. – Несправедливость, страдание и агрессивное равнодушие – вот что правит этим миром. Современный стиль жизни стал совершенно безумным. Бесконечные преступления, коррупция, равнодушие, болезни и умирание окружающей среды отравили каждое человеческое сердце. Ответ потреблению – еще более неумеренное потребление; общество совершенно разучилось находить баланс между человеком и природой. По природе своей мы не более, чем звери». В финале S резюмировал: «Жить в обществе и участвовать в его процессах – это безумие и преступление. Если ты не отшельник, который навсегда ушел от людей, ты в той или иной мере виноват в разрушении планеты».

После ареста Найта обследовал судебный психолог Эндрю Виш, нанятый штатом Мэн с целью определить способность Криса нести ответственность перед судом. Виш сделал вывод, что Найт «полностью пригоден нести ответственность перед законом». Тем не менее он предположил, что Найт может страдать синдромом Аспергера или шизоидным расстройством личности.

Аспергер удивления не вызвал – в общем-то, этот диагноз приписывали практически каждому гениальному и застенчивому эксцентрику, от Бобби Фишера до Билла Гейтса, и, предположительно, именно он отличал Исаака Ньютона, Эдгара Аллана По, Микеланджело и Вирджинию Вульф. У Ньютона не было ни близких друзей, ни женщин, и

он остался девственником. По написал строки: «Все, что любил я, я любил один». Микеланджело заявлял: «У меня нет друзей, и я не хочу их иметь». Вульф совершила самоубийство.

Синдром Аспергера – одна из форм аутизма. Свое название он получил по имени австрийского педиатра Ганса Аспергера, который первым в 1940-х годах открыл и описал аутизм. В отличие от большинства более ранних исследователей Аспергер допустил, что у аутизма могут быть и позитивные стороны. К примеру, то, что он называл «особенная оригинальность мышления», которое часто отличалось чистотой и красотой, не следовало культурным штампам, не боялось видеть глубоко скрытую правду. Каждый из его пациентов чувствовал себя счастливее в одиночестве. Само слово «аутизм» происходит от греческого «аутос» – «сам».

«Синдром Аспергера лечится очень просто, – говорит Тони Атторд, психолог и эксперт по Аспергеру, живущий в Австрии. – Человека нужно просто оставить в покое. У вас не может возникнуть диссонанса с социумом, когда вы одни. У вас не может возникнуть проблем в общении, когда общаться не с кем. Все проблемы, связанные с этим диагнозом, уходят во время уединения».

Официально этого синдрома уже не существует. Теперь есть более широкое определение – «расстройство аутистического спектра».

Непонятно, страдал ли Найд аутизмом. Его досье изучили с полдюжины экспертов и психологов. Все они говорили, что невозможно поставить точный диагноз, не встретившись с пациентом лично, но согласились высказать научно-обоснованные догадки. Томас Фрейзер, директор Центра аутизма клиники Кливленда, утверждал, что Найд «совершенно очевидно» попадает под спектр аутических заболеваний. Он основывал свою догадку на том, что Найд избегает смотреть людям в глаза – типичное для аутистов явление. Также его мнение подтверждалось неприятием физических прикосновений и полным отсутствием друзей.

Южноафриканский нейроспециалист Генри Маркрам, чей сын страдает аутизмом, описывает это заболевание, как «синдром повышенной чувствительности к миру». Движения, звуки и огни, на которые мы, как правило, не обращаем никакого внимания, для аутиста подобны бесконечной бомбардировке. Вся их жизнь напоминает прогулку по Таймс сквер в час пик. Аутисты воспринимают все слишком сильно и учатся слишком быстро, их могут ошеломить не только собственные эмоции, но и эмоции других людей. Смотреть другому человеку в лицо для них – как разглядывать импульсную лампу, а скрип пружины в матрасе – как гвоздем по стеклу. «Чтобы оставаться адекватным, – говорит Маркрам, – вам нужно

взять под контроль все, что только возможно, фокусируясь на деталях, ежедневных делах и повторях».

Оливер Сакс, нейрофизиолог и писатель, отмечал, что аутисту для адаптации к «прорванной плотине ощущений» необходимо создавать собственный мир, в котором есть покой и порядок. Большинство людей с аутизмом выстраивают его в своей голове, а Найт – на поляне, среди деревьев.

Согласно Стефану Эдерсону, исполнительному директору Института исследований аутизма в Сан-Диего, поведение Найта хоть и казалось аутичным, не доказывало, что у него есть подобное расстройство. Эдерсон верил, что, если бы несколько докторов обследовали Найта, они бы не признали его аутистом. Способность Криса планировать и координировать свою жизнь, а также то, что он выживал в одиночестве столько лет, без всякой терапии и лечения, совершенно нетипично для аутиста.

Кэтрин Лорд, профессор психологии из Медицинского колледжа Уилла Корнелла в Нью-Йорке, рассказала, что каждый аутичный взрослый или ребенок, с кем она общалась, имел в своей жизни человека, которого бы им хотелось видеть. Люди с аутизмом хотят и контакта, и объятий, но не знают, какой момент для этого – подходящий.

«Понимаете, на каждый признак аутизма, который мы у него находим, – пояснил Питер Дери, клинический психолог с частной практикой из Нью-Йорка, – тут же находятся несколько признаков антиаутизма. Люди с синдромом Аспергера не читают «Улисса». Они ничего не крадут и не попадают за решетку». К тому же Найт не совершал повторяющихся движений и не имел особых речевых привычек, характерных для людей с подобным диагнозом.

Еще одно предположение, высказанное Эндрю Вишем, что у Криса шизоидное расстройство личности. Это не имело отношения к шизофрении, когда больные часто теряют контакт с реальностью, испытывают галлюцинации и страдают бредовым мышлением. Шизоидное расстройство в чем-то сходно с аутизмом. Люди, ему подверженные, редко могут близко сходить с другими, тяготеют к упорядоченному и логическому мышлению и временами чувствуют свое превосходство над остальным миром. Аутисты, однако, часто хотят иметь друзей, но у них не получается установить нормальный контакт с большинством окружающих. Люди с шизоидным расстройством добровольно выбирают уединение. У них нет никакого желания быть с другими, в том числе и сексуального. Они знают правила поведения в обществе, но решают не следовать им. Им плевать на всех остальных. Джилл Холи, глава программы клинической

психологии Гарвардского университета, предположила, что шизоидное расстройство личности – наиболее подходящий диагноз для Найта.

На эту тему разгорелся спор. Людей Крис не любил в совершенно шизоидной манере, но его неспособность к общению и физическая гиперчувствительность были классическими признаками аутизма. «Мы все очень хотим приклеить Найту ярлык, – заметил Питер Дери. – У него депрессия? Он шизоид? Биполярное расстройство? Есть ли признаки синдрома Аспергера?»

Может, у него какое-то физическое повреждение мозга – неправильно функционирует мозжечковая миндалина, недостаток окситоцина, дисбаланс эндорфинов? Стефан Эдерсон выдал навскидку семь или восемь синдромов, после чего сдался и сказал: «Я ставлю ему диагноз «отшельник».

«Ничто из этого не выглядит убедительно, – сказал Дери. – Этот парень такой загадочный и сложный, что можно очень долго ставить ему всевозможные диагнозы. Он, конечно, исключителен – проверить такой грандиозный план. Этот ваш Найт словно тест Роршаха – каждый видит в нем свои проекции».

Найт не особо заинтересовался своим предполагаемым диагнозом. «Я узнал про синдром Аспергера только здесь, в тюрьме. Это же просто этикетка, которую шлепают на определенную модель поведения». Он признал, что терапия могла бы ему помочь, однако твердо стоял на том, чтобы любое расстройство, найденное у него, не должно служить объяснением его преступлениям. Он сказал, что не принимает никаких лекарств.

«Я не желаю быть в позиции жертвы. Это против моей природы. Да и не очень-то много я могу поделаться со своим диагнозом, как я прочитал. Не думаю, что моя кандидатура подойдет для сбора средств в поддержку таких больных по телевидению. Такие телемарафоны ведь все еще снимают? Ненавижу Джерри Льюиса».

Глава 20

Людская молва

Владельцы домиков на Северном пруду тоже не скупилась Найту на диагнозы. Для них он был не просто вором, а еще и мошенником.

«Да врет он все», – объявил Фред Кинг, у которого из домика пропала одна сахарница, после чего все друзья звали его Сахарницей. «Можно, я выругаюсь? – спросил он, очень в стиле Мэна пытаюсь балансировать на грани грубости и хороших манер. – Да ни хрена он никакой не отшельник. Я много времени провожу на природе и говорю вам – бред он несет, вот что. Я на тысячу процентов уверен. Зимой температура всегда ниже нуля. Думаю, ему, может, кто из семьи помогал, или другой добрый человек к себе пускал. Или он просто взломал какой-то из пустых домиков и сидел там всю зиму».

Некоторые отказывались верить, что Найт ни разу не болел. Если хранить в лесу еду, авторитетно заметил кто-то, сбегутся еноты и койоты и разнесут лагерь. И как может быть, спрашивали другие, что Найт так хорошо смог разговаривать, почему у него не атрофировались голосовые связки и он не позабывал все слова, если все это время молчал? Один из местных рассказал, что неподалеку есть дорога под названием Найт Корт, и семья Найт – скорее всего, родственники Криса – живет там целую вечность. Наверное, они ему и помогали. И еще, если бы Найт действительно все это время жил в лесу, его бы точно заморозил Великий ледяной шторм 1998 года.

«Все, что достали из его лагеря, воняло, – сказал Стив Тредвелл, работник лагеря «Сосна», наблюдавший за арестом Найта и полицейским обыском в его укрытии. – Но сам Найт пах как чистюля. Да не жил он в лесу. Его история смердит. Буквально».

Десятки жителей Северного пруда высказали свое мнение о Найте, и восемьдесят процентов из них так уверенно утверждали, что он лжец, что оставалось лишь спросить обо всем самого Криса. Правда ли он провел все двадцать семь лет в лесу? Или кто-то помогал ему? Может, он зимовал в домике или хотя бы пользовался время от времени чьей-то ванной?

Найта это немного злило, но он был тверд как камень. Кроме тех нескольких самых первых недель, когда он ночевал в придорожных мотелях, Крис больше ни ночи не провел в помещении. «Мне никто не

помогал, никогда». Он не общался со своей семьей, не принимал душ, ни разу не прилег на кровать или диван. Впервые за эти годы он воспользовался настоящим туалетом в окружной тюрьме Кеннебека. Поездка на заднем сиденье полицейской машины была первой его встречей с транспортом с тех пор, как он бросил в лесу свой Subaru BRAT. «Я вор. Я вселял страх. У людей есть право сердиться. Но я не врал».

Найт выглядел практически неспособным лгать – это заметили и подтвердили несколько человек. Дайан Перкинс-Ванс сказала, что, после стольких лет работы в полиции, ее уже трудно обмануть и даже удивить человеческой ложью. Но насчет Найта у нее не было сомнений: «Я ему безоговорочно верю». Сержант Хьюз испытывал схожие чувства: «У меня нет сомнений, что все это время он жил на улице».

Каждый врач из тех, кто ставил ему диагноз, соглашался, что у Найта нет причин врать. «От него веет честностью, кажется, он не притворяется», – сказала Джилл Холи, профессор психологии из Гарварда. «Полагаю, все, что он говорит, – совершенная правда», – заявил Томас Фрейзер из клиники Кливленда.

Не было ни одного убедительного доказательства того, что Найт лжет. Он не болел, потому что не давал червям и бактериям портить продукты. Вся еда хранилась в запечатанных пластиковых контейнерах и почти все время оставалась в лагере. Животные не приближались к нему, чуя присутствие человека.

К моменту ареста у Найта был всего один комплект чистой одежды – он как раз планировал устроить день стирки. Даже в холодную погоду он держал тело в чистоте и мылся при помощи большой желтой автомобильной губки. Он так хорошо говорил, потому что голосовые связки не атрофируются в принципе, а словарный запас и способность выражать свои мысли сложносочиненными предложениями зависят не от речевого аппарата, а от мозга, который у Криса все это время исправно работал и развивался. Он понятия не имел, что за семья живет поблизости, и никак не был с ними связан. Просто однофамильцы, Найт – распространенная фамилия в Центральном Мэне.

Он жалел, что Великий ледяной шторм случился всего один раз. «Лед, град – это ведь почти жидкость. А во время серьезного холода, того, что способен убить, града не бывает. Да, если ехать в это время на машине, он может серьезно навредить. А для меня это было что-то новое. На самом деле град мне помог. Он толстым слоем лег поверх снега и позволял ходить, не оставляя следов».

Большинство жителей Северного пруда, даже узнав, что историю

Найта сочли чистой правдой, не изменили своего мнения о нем. Они были убеждены, что Найт играет в какую-то странную игру, и все, кто верит ему, попадают в ловушку. Они с каким-то остервенением отказывались верить его словам. Некоторых, казалось, раздражало не столько то, что их вещи были украдены, сколько сам факт того, что власти верят «сказкам» Найта. Крис Найт не укладывался у них в головы. Все равно что если бы он настаивал, что умеет летать. Его история одновременно была правдивой и совершенно невероятной.

Местные жители были рассержены, потому что Найт пошел против всего, что было для них естественным, наперекор тому, чему их учили всю жизнь. Даже в Библии Бог не одобряет одиночество Адама: «И сказал Господь: «Нехорошо быть человеку одному» (Бытие 2:18).

Одна из причин, почему в христианстве больше нет отшельников, – а они исчезли в начале XVIII века – это то, что такие люди пугали официальное духовенство. Они были свободными мыслителями, размышляющими о жизни, смерти и Боге, и церковь со своими глубоко укорененными ритуалами и заучиванием священных писаний не одобряла их идей. Фома Аквинский, итальянский священник XIII века, говорил, что отшельники – опасные возмутители спокойствия и послушания и лучше держать таких людей в монастырях, подчинив их строгим монастырским правилам.

Многие психологи рассматривали людей, предпочитающих уединение, как психологически нестабильных. «Здоровье и счастье зависят от умения выстраивать близкие отношения с другими людьми», – писал Зигмунд Фрейд. «У человека должно быть чувство принадлежности к племени», – верил биолог Е. О. Уилсон. «У нас есть потребность в других – психическая, эмоциональная, интеллектуальная. Они нужны нам, чтобы знать даже самих себя», – сказал британский писатель и теолог С. Льюис.

«Уединение необходимо человеку, чтобы делать то, что он хочет, – писал Томас Мертон. – На самом деле, это единственное, что мы можем делать. Вот почему одиночество считается опасным, и его так избегают».

Я начал опрашивать владельцев домиков, а затем и совсем посторонних людей, как долго они могут пробыть в одиночестве. Под одиночеством я подразумевал отсутствие любого общения, будь то телефон, Интернет или смс-переписка. Просто время наедине с собой, без связи, хотя книги, радио и просмотр ТВ не возбраняются.

Девять из десяти опрошенных, подумав, ответили, что не провели и дня в подобном уединении. Возможно, только пару часов, после пробуждения. Мой отец прожил семьдесят три года, но и десяти часов из

них не провел в одиночестве. Я однажды отправился в трехдневный одиночный поход, но вскоре встретил пару других путешественников и остановился поболтать, так что у меня на счету около сорока восьми часов. Несколько знакомых исследователей оставались в одиночестве на неделю. Встретить кого-либо, кто выдержал бы месяц, почти не представлялось возможным.

Найт, с его тысячами дней, был каким-то невероятным исключением. Он настолько превысил известный психический и ментальный предел, что поставил под вопрос наши привычные границы возможного. То, что Найт жил в лесу все эти зимы и что он делал во время холодов, было, с одной стороны, прозаично, с другой – удивительно.

Он страдал. Когда заканчивались газ и пища, ему часто становилось «очень, очень холодно». Такой холод часто называют оцепляющим, но он осознавал все и всегда. Найт рассказывал, что такой холод вызывает «психическую, эмоциональную, психологическую боль». Его жир потихоньку сгорал, желудок требовал пищи. Крис чувствовал близость смерти. И все же он не разжигал костра и отказывался покидать лагерь, чтобы не оставлять следов, по которым его могли обнаружить.

Когда ситуация была близка к критической, Найт следил за прогнозами погоды по радио и ждал приближения снегопада. За исключением нескольких домов, где жили круглый год и которые он никогда не трогал, в округе зимой было пусто. И Крис знал, в каких летних домиках, скорее всего, были запасы пищи. Собрав остатки своих сил, Крис пробирался по лесу, потом срезал по замерзшему пруду и возвращался, когда начинали падать первые хлопья снега, укрывая его следы.

Он не мог всегда оставаться пассивно спокойным. Иногда что-то проскальзывало и высекало искру там, где Найт прятал свои эмоции. Однажды по радио передали, что в школах идет Последний звонок. Среди прочих диктор упомянул и ту школу, которую заканчивал Найт. В эту секунду на него нахлынули воспоминания. Сердце вдруг сжалось от тоски. Что у него за жизнь?

Он периодически скучал по семье. «Правильнее было бы сказать, что я скучал по некоторым близким в определенной степени». Эти периоды не были продолжительными, родные не занимали много места в его мыслях. Больше всего он скучал по сестре Сюзанне с синдромом Дауна. По возрасту она была ближе всего к Крису – всего на год моложе. «Рядом с ней я провел большую часть моего детства».

Найт честно сказал, что бывали моменты, когда он плакал, но от подробностей воздержался. Иногда, особенно в первые десять лет, ему

приходила в голову мысль покончить со всем этим. В палатке он держал свисток. На случай, если он совсем ослабеет и не сможет двигаться, Найт решил дуть в него, сколько сможет, и надеяться, что звуки разнесутся по воде и рано или поздно приведут кого-то к нему на помощь.

Но через какое-то время он окончательно решил, что никогда не воспользуется свистком и не покинет добровольно своего убежища под деревьями. Цивилизация была в трех минутах ходьбы, однако он никогда не сближался с ней, за исключением ночных вылазок. Жажда уединения перевешивала всю боль мира. «Я был готов умереть здесь», – сказал он.

Глава 21

Груз одиночества

Тысячи поэтов воспели уединение. «Дайте мне жить невидимым, неузнанным», – взывал Александр Поуп, однако большинство из нас страшится одиночества. Насильственная изоляция – одно из самых древних наказаний. Ссылка в отдаленные провинции часто использовалась во времена Римской империи – в частности, Овидий был выслан предположительно за непристойные куплеты. А в море веками практиковалась высадка провинившегося матроса на необитаемый остров, иногда в компании Библии и бутылки рома. О большинстве из них больше никто и никогда не слышал. Если современного Свидетеля Иеговы обвиняют в нарушении церковных догм, членам секты запрещено говорить с ним.

Самое суровое наказание в США, после смертной казни, – одиночное заключение. «Это самый настоящий ад», – сказал Роберт Старк, который провел много лет в одиночной камере тюрьмы Пенсильвании, отбывая наказание за убийство. Томас Сильверстайн, убивший тюремного охранника в 1983 году, был заперт после этого в одиночной камере. «Я был похоронен заживо и молил о смерти», – говорил он.

Тодд Ашкер, которого на двадцать два года заперли в крохотной камере без окон, описывал свою ситуацию как «постоянный молчаливый крик». Джон Катанзарит провел тринадцать лет в изоляции в калифорнийской тюрьме и говорил, что был даже рад, когда понял, что сходит с ума, потому что безумие могло облегчить ужас реальной ситуации. Человек-Птица из тюрьмы Алькатрас, Роберт Строуд, провел в заключении пятьдесят лет, выращивая птенцов у себя в камере. Он опубликовал две книги, посвященные болезням канареек.

После десяти дней одиночного заключения многие узники обнаруживают явные признаки умственных расстройств, примерно у трети развиваются острые психозы. Таких заключенных в США примерно семьдесят тысяч. ООН заключила, что содержать кого-либо в изоляции более двенадцати дней – жестоко и бесчеловечно.

«Одиночество – это ужасно, – сказал Джон Маккейн, проведенный пять лет во вьетнамском плену, два из которых – в одиночном заключении, задолго до того, как стал сенатором США. – Это разрушает душу. Отчаяние

приходит немедленно, и оно практически невыносимо». Большой процент мужчин и двадцать пять процентов женщин, опрошенных университетом Виргинии в рамках исследования, указали, что с большей охотой готовы подвергнуться легким ударам электрического тока, чем провести пятнадцать минут в тишине наедине со своими мыслями. «Ум не любит оставаться один на один с собой», – заключил автор исследования. Терри Андерсон, похищенный в Ливане в 1985 году и содержавшийся семь лет по большей части в одиночестве, говорил: «Я предпочел бы самого ужасного сокамерника полному отсутствию такового».

Многие биологи, исследующие процесс эволюции, верят, что ранние человеческие особи, несмотря на то что были слабее и медлительнее других животных, выжили как раз благодаря способности к взаимодействию. Человеческим умам свойственно объединяться – магнитный резонанс, возникающий в нашем мозгу в тот момент, когда мы чувствуем себя изолированными от группы, идентичен тому, который возникает при физической боли.

Гарри Харлоу, профессор психологии университета Висконсина, провел серию знаменитых экспериментов в 1950-х годах. Эти опыты показали, что молодые макаки, изолированные от стаи на месяц, получали поведенческие отклонения на всю жизнь. Сканирование мозга военных пленников из бывшей Югославии показало, что, без продолжительного контакта с другими людьми, мозг получает физические повреждения, как при ударе. У Джона Маккейна были сломаны обе руки, нога, он страдал от хронической дизентерии, но боль одиночества, по его признанию, была хуже всего.

Наша невероятная способность социализироваться, возможно, стала причиной, по которой объем нашего мозга так вырос. Чтение и расшифровка социальных сигналов, заметил социолог Джон Качиоппо, это сложный когнитивный процесс. Необходимость распознавать постоянно меняющийся статус друзей и недругов, координировать сотрудничество между группами, понимать, как уговаривать, льстить и обманывать, скорее всего, и позволило нам вырастить внешнюю кору головного мозга, которая, в свою очередь, позволила человечеству доминировать на планете.

Позже эволюция отбирала гены, которые отвечали за способность испытывать чувство удовольствия и безопасности в компании, а беспокойство и страх – в одиночестве. Одиночество заставляет нас болеть – как причина заболеваний и смертей в молодом возрасте, социальная изоляция стоит в одном ряду с высоким кровяным давлением, повышенной тревожностью и курением. «Для счастья человеческому существу требуется

общение, – писал Качиоппо. – Наши умы и тела созданы, чтобы функционировать в сотрудничестве с другими, не в изоляции».

Общение и сотрудничество определяют человечество. Эти формы поведения характерны для нас с древних времен. Многие животные тоже любят объединяться и социализироваться. Когда пчела-работница жалит чужака, вторгшегося в улей, она теряет жало и вскоре умирает, отдав жизнь ради благосостояния сообщества. Несколько видов муравьев для защиты включают механизм, известный как автолиз: когда их муравейник атакуют другие насекомые, эти муравьи сжимают мышцы живота с такой силой, что их тела разрываются, обдавая противников ядовитой жидкостью.

В природе есть ульи, стада, стаи, семейства, прайды и косяки – как есть одинокие волки, обезьяны и даже осы-отшельники, но они – исключения. Бактерии сальмонеллы, замечал Качиоппо, работают в сотрудничестве, отбирая сигнальные молекулы, помогающие выбрать правильный момент для атаки. Светящийся планктон также кооперируется в колонии, которые при приближении хищника начинают светиться, зажигая поверхность океана, – это их форма самозащиты.

«Мы не можем жить сами по себе, – писал преподобный Генри Мелвилл, британский проповедник XIX века, – тысяча нитей соединяют нас с человечеством». К восьми месяцам у младенца уже формируются привязанности. «Все человеческие существа переживают изоляцию как наказание», – писал хирург Атул Гаванде. «Человек – не остров», – слова английского поэта Джона Донна. Найт и те немногие, кто на протяжении истории уходил от общества добровольно, становились загадочными аномалиями.

После своего ареста и заключения Найт больше всего желал уединения. «Я надеюсь, желаю, мечтаю об одиночной камере, – писал он. – Подумать только, и это считается наказанием! Смешно». Но смеяться Найт предпочитал про себя. Он опасался, что, если начнет смеяться в тюрьме от какой-нибудь забавной мысли, это, чего доброго, сочтут признаком помешательства. Вообще отшельники традиционно избегают смеха. Святой Антоний упоминал, что он никогда не смеется, и пустыnnики следовали этому завету. Пифагор, греческий математик и бродячий аскет, считал необходимыми качествами внешнюю строгость и сдержанность. Он никогда не смеялся – так же как и его ученики.

В первые несколько месяцев в тюрьме у Найта был сокамерник, с которым он время от времени с испугом обменивался парой слов. Когда Криса наконец перевели в одиночную камеру, он испытал огромное облегчение.

Изоляция – прекрасная среда для личностного роста, при этом одиночество вредно для нашего здоровья. Сложно найти что-либо, вызывающее столь диаметрально противоположные реакции, хотя, конечно, гениальность и безумие часто идут рука об руку. Баланс между наградой и наказанием здесь очень хрупок – ведь есть разница между добровольным отшельничеством и насильственной изоляцией. Хотя дело не всегда только в этом.

В 1989 году исследовательница пещер Вероника Ле-Гуэн стала добровольным участником довольно экстремального эксперимента: прожила в подземной пещере на юге Франции сто одиннадцать дней. У нее не было с собой часов – все это время она находилась под наблюдением ученых, желавших изучить, как естественные ритмы человеческого тела функционируют в условиях вневременья. В итоге ее естественным режимом стало тридцатичасовое бодрствование и двадцатичасовой сон. Позже она так описала этот опыт: «Я находилась в подвешенном состоянии, больше не понимала, какие у меня ценности и зачем я вообще живу».

После ее возвращения муж исследовательницы заметил, что у нее внутри появилась пустота, которую она никак не могла заполнить – не знала как и не могла толком выразить. «Одна в пещере, я была своим собственным судьей, – писала она. – Человек сам себе наисуровейший арбитр. Себе нельзя врать, или все пойдет прахом. Самое важное, что я вынесла из-под земли наружу – осознание, что в жизни больше не потерплю вранья». Спустя год, в Париже, Ле-Гуэн выпила большую дозу снотворного и закрылась в своей машине, совершив самоубийство в возрасте тридцати четырех лет. «Главный риск этого эксперимента – сойти с ума», – сказала она на радио-шоу за два дня до этого.

Первая кругосветная гонка на одиночных яхтах – The Golden Globe – состоялась в 1968 году. (The Golden Globe Race, гонка «Золотой глобус», организована британской газетой The Sunday Time в 1968–1969 годах – первая кругосветная, безостановочная гонка на одиночных яхтах. Цель гонки – первым обогнуть земной шар в одиночку без заходов в порты. Участники отправлялись в плавание по мере готовности, а правила так никто до конца и не сформулировал. В ней приняло участие девять человек. – *Прим. пер.*).

Один из участников, француз Бернар Моитессье, почти выиграл, но в последний момент понял, что ему очень нравится одиночество. И он передумал возвращаться. После семи месяцев плавания он официально отказался от участия в гонке и поплыл вокруг света по второму кругу уже

без всяких обязательств. «Я свободен, свободен, как никогда прежде», – писал он.

Другой участник той же гонки, британец Дональд Кроухерст, от одиночества впал в депрессию. Он стал отсылать неверные сообщения о своем местонахождении, в итоге заперся в каюте, где написал длинный трактат, полный галлюцинаций. После этого прыгнул за борт. Тело так и не нашли. «Кончено, кончено. В этом спасение», – такими были его последние строчки.

Одно и то же уединение и чувство невероятной пустоты, охватившее их, оставшихся наедине с океаном, одного повергло в экстаз, а другого – в пучину страданий. Внутри Найта, казалось, уживались оба этих моряка – как темная и светлая стороны, как инь и янь, как зима и лето. «Как боль и радость», – охарактеризовал это сам Крис. Оба эти состояния были важны, и одно не могло бы существовать без другого. «Страдание – это такая глубокая часть опыта быть живым, – писал Роберт Кулл, в 2001-м проживший год в одиночестве на острове в Патагонии. – Многие из нас слишком сильно пытаются его избежать; так сильно, что перестают быть живыми». В «Дао дэ цзин» сказано, что «счастье покоится на страдании».

«Иногда человек необычайно, страстно влюблен в свое страдание», – писал Достоевский.

Джилл Холи, профессор психологии из Гарварда, размышляла над ценой, которую Найт платил за свое лесное уединение. Он страдал от голода и холода, от страха – во время каждого ограбления, – от чувства вины и осознания, что поступает неправильно. Каждый раз зима угрожала ему смертью. «Это была очень высокая цена, – сказала Холи, – но он явно готов был платить ее». Его старания намного усилились, когда пришлось вернуться в общество. Видимо, заключила она, Найту по каким-то причинам было нужно и полезно жить отдельно от остального мира.

Самые лучшие и самые запоминающиеся впечатления жизни в лесу, по словам Найта, были одновременно и самыми пугающими. Например, мертвенная тишина скованного морозом леса, когда ни ветерок, ни пение птиц не тревожили застывший покой. Вот чего не хватало Найту.

«То состояние, по которому я буду больше всего скучать, – говорил он, – находится где-то посередине между полной тишиной и одиночеством. Покой. Я бы назвал это так. Я больше всего скучаю по этому покою». Чтобы достичь его, Крису нужен был лес, взятый в ледяные тиски, в котором не раздавалось бы ни звука. Да, ради такого покоя он готов был замерзнуть насмерть.

Трели цикад, главных певцов штата Мэн, были первыми весенними

весточками, знаками того, что зима скоро ослабит хватку, «что ее конец близок». Это ощущение, по словам Криса, разрасталось с каждым днем. Оно казалось ему праздничным. По деревьям прыгали воробьи – маленькие птички с черными «шапочками» на головах сновали меж голых ветвей, окликая друг друга по имени – чик-чирик – и эти звуки знаменовали собой конец страданий, длившихся месяцами; они означали, что жизнь продолжается. Если у Криса к этому времени на боках оставался жир, он был горд собой. В большинстве случаев жира не было. «В конце тяжелой зимы, – говорил он, – моей единственной мыслью было – я справился. Я жив».

Глава 22

Знающий не говорит, говорящий не знает

Таял снег, расцветали цветы, пели цикады, паслись олени. Шли годы или минуты. «Я потерял счет времени, – говорил Найт. – Года не имеют смысла. Моими часами были времена года и луны. Первые – часовой стрелкой, вторые – минутной». Гремели грозы, пролетали утки, собирались стаями белки, падал снег.

Найт говорил, что не может точно описать, каково это – провести столько времени в одиночестве. Язык тишины не переводится ни на какой другой. А если он и пытался это сделать, то чувствовал себя по-дурацки. «Или того хуже – как будто я сочиняю умные цитаты или коаны». Монах-траппист Томас Мертон писал, что ничто не расскажет о молчании лучше, чем ветер в верхушках сосен.

То, что случилось с ним в лесу, заявил Найт, невозможно объяснить. Но он все же согласился отставить в сторону страх книжной мудрости и коанов и попробовать. «Это сложно, – начал он. – Уединение дарит нечто очень ценное, нельзя не отметить это. Оно увеличило мою чувствительность. Но сложность в том, что, когда я направил эту чувствительность на себя самого, я вдруг потерял ощущение личности. Не было зрителя, не было того, ради кого затевалось представление. Не было нужды как-то себя определять. Чувство собственного «я» стало неважно».

Найту казалось, что растворилась граница между ним и лесом. Его изоляция вдруг показалась единением с чащей. «Мои желания отпали. Я ничего не хотел. У меня даже не было имени. Если взглянуть на это с точки зрения романтика, то я был полностью свободен».

На самом деле, все, кто пытался писать о глубоком опыте молчания и одиночества, говорили разными словами примерно одно и то же. Когда ты один, время и границы осознаются размыто. «Все расстояния, меры всех вещей, – писал Рильке, – меняются для того, кто находится в уединении». Эти ощущения были описаны аскетами в раннем христианстве, буддийскими монахами, трансценденталистами и шаманами, русскими старцами и японскими хиджири, путешественниками-одиночками, американскими индейцами и эскимосами.

«Я стал прозрачным глазным яблоком, – писал Ральф Уолдо Эмерсон. – Я ничто. Я вижу все». Лорд Байрон называл это «почувствовать

вечность», Джек Керуак – «ум бесконечности». Французский католический священник Шарль Эжен де Фуко, проведший большую часть жизни в пустыне Сахара, сказал, что в уединении «человек полностью освобождает маленький домик своей души». Полярный исследователь Ричард Бэрд, познавший опыт одиночества в Антарктиде, говорил, что «у него не оставалось сомнений, что человек един со Вселенной». Мертон писал: «Тот, кто уединился по-настоящему, не ищет себя – он теряет себя».

Такая потеря своего «я» – как раз то состояние, которое Найт испытал в лесу. На публике человек всегда носит маску, определенным образом подает себя миру. Даже если вы один и перед вами зеркало, вы играете – вот почему у Криса в лагере не было зеркал. Он попросту отпустил все, что не было естественным.

Прошрое, полное сожалений, и будущее, полное страстных желаний, как будто стерлись. Найт просто существовал, по большей части, в непреходящем «сейчас». И в общем-то, ему плевать, поймет ли кто-нибудь, что он делал там, в своем лесу. Все это было не ради того, чтобы что-то нам объяснить. Он никому ничего не пытался доказать. «Ты просто живой, – сказал Найт. – Ты просто есть».

Тензин Палмо, урожденная Диана Перри, из Лондона стала второй западной женщиной, принявшей обет буддийской монахини в Тибете. Долгие ретриты до сих пор приняты в буддизме, и далай-лама писал, что уединение «есть высшая форма духовной практики». Палмо чувствовала сильную потребность в уединении и в 1976-м, в тридцать три года, отправилась жить в пещеру в Гималаях. Она ела раз в день – пищу ей приносили – и переживала суровые высокогорные зимы, проводя большую часть времени в медитации. Однажды семидневная снежная буря замела вход в ее пещеру, и монахиня чуть не умерла от удушья.

Палмо жила так двенадцать лет. Она никогда не ложилась – спала сидя, на маленькой платформе для медитаций. Ее одиночество, как она говорила, «было самой легкой вещью в мире». Ни разу она не пожалела о нем и не захотела оказаться где-то еще. Она превозмогала страх смерти и чувствовала себя освобожденной. «Чем больше ты понимаешь, тем больше ты понимаешь, что нечего понимать, – сказала монахиня. – Установка на то, что мы должны к чему-то прийти и чего-то достичь, – наше главное заблуждение».

Британский натуралист Ричард Джефферис провел большую часть своей недолгой жизни – он умер в тридцать восемь лет от туберкулеза, – бродя в одиночестве в лесах южной Англии. Некоторые из его идей, казалось, отражали мысли Найта будто зеркало. В своей биографии

«История моего сердца» Джефферис написал, что жизнь, которую общество считает нормальной, полная тяжелого труда и беспросветной рутины, ничего не давала ему, только «строила стены вокруг ума». Мы впустую тратим жизнь, говорил Джефферис, бегая по кругу, мы все прикованы, будто лошади, к железному колышку на лугу. Самый богатый человек тот, кто меньше всего занят. «Ничего неделание, – писал он, – великое и благое дело».

Для Джеффериса, как и для Найта, желание быть одному оказалось непреодолимым. «Мой ум требует жить своей собственной жизнью, отдельной от жизней других», – писал он. В уединении он мог «подняться выше Бога, пойти дальше самого преданного молящегося». Не было для него ничего более великого, чем «быть один на один с солнцем, с непокрытой головой, с воздухом и землей, со всеми силами Вселенной».

Но это – хождение по лезвию бритвы. Для тех кто не выбирал одиночество добровольно, для заключенных и пленников, потеря личности, созданной обществом и для общества, может быть пугающей, ведущей к сумасшествию. Некоторые психологи называют это «онтологической незащищенностью», когда ослабевает чувство собственного «я». Эдвард Абби в «Одиночестве в пустыне», где он описывает год из жизни рейнджера в национальном парке, говорит, что, оставаясь наедине с собой долгое время, «человек рискует потерять все, что в нем только есть человеческого». Те, кто этого боится, почувствуют лишь одиночество, боль социальной изоляции, а не настоящее уединение, которое, порой, может быть бодрящим и беспокойным.

«Мне никогда не было одиноко», – говорил Найт. Он был настроен наблюдать присутствие себя, а не отсутствие других. Осознанная мысль иногда просто замещалась спокойным внутренним гулом. «Когда однажды вы почувствуете вкус уединения, вы не будете цепляться за это определение – быть в одиночестве. Да, тот, кто полюбил уединение, один – но он не одинок. Понятно ли я говорю? Или опять вышел какой-то дзенский коан?»

Зоран Йосипович, когнитивный нейроисследователь в университете Нью-Йорка, поместил двадцать буддийских монахов и монахинь в машину, преобразующую магнитные волны в изображения. Оказалось, в то время как наш мозг переживает молчание по собственному выбору человека, он не засыпает и даже не замедляется. Он остается активным. Меняется лишь то, каким образом он функционирует.

Речь и слух, как известно, расположены в коре головного мозга – складчатом сером веществе, покрывающем первые несколько миллиметров

внешней части мозга словно упаковочная бумага. Когда мы молчим, кора мозга, как правило, отдыхает. Тем временем активизируются более глубокие и древние мозговые структуры – это подкорочные зоны. Люди, чья жизнь проходит в постоянной занятости и шуме, редко получают доступ к этим зонам. Молчание – это не отсутствие звуков. Это совсем другой мир, в буквальном смысле включающий более глубокий уровень мышления, отправляющий в путешествие к источнику своего «я».

Говоря о своих внутренних путешествиях, Найт, казалось, пребывал в их созерцании. Мне хотелось, невзирая на его явную нелюбовь к «мудрым высказываниям», подробно расспросить его о том, какие знания открылись ему в одиночестве. Люди тысячелетиями приходили к отшельникам с этой просьбой, желая поговорить с тем, чья жизнь так сильно отличалась от их собственной. Джеймс Джойс писал в «Портрете художника в юности», что лишь уединение может «проникнуть в дикое сердце жизни».

Ответы отшельников часто были уклончивыми. Тензин Палмо говорила: «Ну, это было нескучно». Ральф Уолдо Эмерсон писал: «Тот, кто много размышляет, мало говорит». В «Дао дэ цзин» сказано: «Знающий не говорит, говорящий не знает». В книге Дугласа Адамса «Путеводитель для путешествующих автостопом по галактике» ответ на «Главный вопрос жизни, вселенной и всего такого» был получен в результате семи с половиной миллионов лет непрерывных вычислений на специально созданном компьютере – Думателе. По прошествии этого времени компьютер выдал ответ – «42».

Теперь, похоже, пришла моя очередь. Открылось ли Найту в лесу что-то жизненно важное? Я спрашивал его абсолютно серьезно. Истина, которая могла бы хоть немного прояснить кажущуюся хаотичность и бессмысленность всего происходящего в жизни, всегда волновала меня. Найт ведь делал практически то же, что и Торо. Тот, находясь в Уолдене, свел свой быт к самым простым вещам, чтобы «жить глубоко, высасывая из жизни весь костный мозг».

Может быть, Найт тоже что-то скажет о костном мозге? Он сидел тихо, то ли в задумчивости, то ли просто не желая говорить – по нему трудно было сказать. Все выглядело так, словно великий мудрец сейчас раскроет мне смысл жизни.

«Жизненно важен хороший сон», – сказал он.

После чего его лицо приняло такое выражение, что стало ясно – больше он ничего не скажет. Вот, что ему открылось. О'кей, принято...

Глава 23

Редкие встречи

Неважно, чувствовал Найт бег времени или нет – он был подвержен его законам. Крис старел. Его навыки выживания совершенствовались, умения оттачивались, но тело постепенно теряло былую форму. Раньше он мог нести два пропановых баллона на спине. Сейчас – только один.

Предметом постоянного беспокойства для него было зрение. Оно у него с детства было плохое, и Найт очень переживал за свои очки. «Я знал, что, если разобью их, это будет конец, поэтому все мои движения со временем стали крайне осторожны».

Но даже в очках глаза постепенно отказывались фокусироваться на чем-то, что находилось дальше вытянутой руки. Лес становился для него все более размытым. Каждый раз, находя пару очков во время очередного взлома, он примерял их, но они ни разу ему не подошли. Он все больше полагался на слух, и к тому моменту, когда зрение стало подводить, это не имело уже большого значения. Он был на своей домашней территории. «Вам нужны очки, чтобы передвигаться по дому? Нет. Вот и я обходился без них».

Большинство отшельников не старели в уединении. Они ждали, пока старость застанет их в миру, и уходили, прихватив с собой достаточный запас опыта и житейской мудрости. Найт исчез в двадцать лет и ни разу с тех пор не получил ни слова поддержки, ни наизиданий. Он не обращался к старшим за советом. Он был царь и бог своей маленькой реальности, и остальной мир, он был уверен, не мог ни научить его чему-либо, ни удивить. Все решения, которые он принимал, были только его решениями.

Он принес в жертву колледж, карьеру, жену, детей, друзей, отпуска, машины, секс, фильмы, телефоны и компьютеры. Он в жизни не отправил ни одного электронного письма и вообще не сталкивался с Интернетом. Его достижения были скромны. Например, в какой-то момент Найт переключился с чая на кофе. Классическая музыка была ему приятнее, чем рок. Его друг-гриб потихоньку рос. Ручные приставки, которые он крал, становились меньше и лучше по качеству. Даже с севшим зрением Найт знал, когда и у какой пары орлов, гнездившихся в его лесу, появлялись птенцы. Он стал чаще выпивать.

Ему иногда бывало тяжело физически, хотя он никогда ничего себе не

ломал. Однажды, поскользнувшись, он так сильно ударил левую руку, что месяц потом не мог держать ею даже чашку, но это была самая серьезная его травма. Обычные порезы и ранки на руках и запястьях перестали заживать так быстро, как раньше. Зубы постоянно болели.

Голова постепенно наполнялась вопросами. Он стал задумываться, не привел ли весь тот сахар, который он потреблял, к диабету. Размышлял и о раке, и о возможном инсульте, но, конечно, не о том, чтобы посетить врача. Крис принял свою смертность как факт.

Совершать набеги становилось все опаснее – хозяева домов ставили все более изощренные системы защиты. Они были гораздо сложнее, чем все, с чем ему приходилось иметь дело в компании по их установке. Особенно в последнее время. Камеры стали висеть повсюду, а находить их стало тяжелее.

И несмотря на его фанатичную осторожность и неукоснительное соблюдение главного правила – не влезать в домики, в которых мог кто-то быть, закон подлости все-таки сработал. Крис внезапно нарвался на то, что впоследствии назвал «аномалией». Хотя, возможно, он просто слишком расслабился после стольких лет полной безнаказанности.

Однажды летом 2012 года, посреди рабочей недели, Кайл МакДугл, чья семья владела участком у Северного пруда с незапамятных времен, решил провести вечер в своем домике в одиночестве. МакДуглу было девятнадцать лет, и всю свою жизнь он слушал истории про отшельника. Рассказывать их особенно любил его дедушка. Кайл работал в фирме по производству оптоволокну и ездил на большом рабочем грузовике, который не мог проехать по узким лесным дорожкам, так что он оставил машину довольно далеко от дома. Ночевал он на втором этаже, завернувшись в спальник.

«Просыпаюсь я, значит, и слышу, как кто-то ходит по ступенькам, а потом вижу свет фонарика», – вспоминал МакДугл. Он громко поздоровался и, когда не получил ответа, понял, что это не кто-то из семьи и не приятель, решивший заехать посреди ночи. «А у меня ни фонаря, ни ножа, ни ружья, и я наверху, как в ловушке. Так что я решил его напугать и заорал что есть мочи: «Пошел отсюда к черту!», ну и выругался еще, конечно. После этого прищелец немедленно ретировался, возможно, даже скатился со ступенек. Я слышал только бум-бум-бум, и все, он исчез», – сказал МакДугл.

Кайлу не удалось увидеть отшельника, но он заметил, что из одного окна аккуратно вынута москитная сетка и прислонена к стене. «Я просто обалдел, если честно. Вызвал полицию, но они не то чтобы очень сильно

помогли».

После этого случая Найт чувствовал себя ужасно. «Мне неприятно думать, что я кого-то так сильно напугал, – сказал он. – Правда, это меня очень беспокоит».

Найт старел, а население Северного пруда росло. Каждый год строилось несколько новых домов, семьи становились больше, в лесу появлялись новые люди. Найт хорошо различал звуки, казавшиеся ему незнакомыми, и всегда был настороже. Крис часто слышал походников, но они были вдалеке от лагеря. В тех же редких случаях, когда он ощущал человеческое присутствие во время прогулки по лесу, ему всегда хватало времени бесшумно исчезнуть.

Кроме одного-единственного раза. Это случилось днем, где-то в 1990-х, прежде, чем он стал выбираться из лагеря лишь по ночам и избегать троп. Он шел по запущенной тропке, по которой в жизни никто не ходил, и вдруг буквально наткнулся на туриста. Найт даже не смог бы описать его внешность – так он растерялся. Парень посмотрел ему в глаза, чем окончательно вогнал его в панику. После короткой паузы Найт сказал: «Привет», тот ответил: «Привет», и оба пошли дальше, каждый своей дорогой.

Это был его единственный разговор с человеком за двадцать лет. Позже, одним холодным зимним днем Крис услышал из своего укрытия голоса в лесу. Шаги становились все громче и ближе, ветки трещали будто фейерверки – люди приближались, и беспокойство Криса росло. Он понял – нужно что-то делать.

Найт вышел из лагеря и, пройдя с десяток шагов, увидел путников, тяжело дышащих на морозном воздухе. Это были трое мужчин, три поколения одной семьи – сын, отец и дед, – счастливые после удачной зимней рыбалки и решившие срезать путь через лес. Отец, Роджер Беллаванс, крикнул: «Эй!»

Найт пригнулся, но было уже поздно. Его заметили. На нем была черная шапка и синяя куртка поверх теплого свитера с капюшоном. Он был гладко выбрит. Беллаванс поднял руки, сжимая в одной бинокль – показать, что безоружен.

Найт продолжал стоять. Он вынул руки из карманов, давая понять, что и у него нет оружия. «Я пытался донести мысль, что я безвреден. Я не подходил близко, не заговаривал с ними. Общался невербально».

Дедушка, Тони Беллаванс, сразу понял, что они имеют дело с отшельником Северного пруда. Он знал легенду и то, что домики периодически грабили. Но, встретив отшельника, он так толком и не понял,

что с ним делать.

«Он сказал нам оставить его в покое, – вспоминал Роджер. – Он говорил, что никому не причинит вреда. Он здесь по своим причинам и не хочет общаться с людьми. Мой папа – маленький француз с большим сердцем – решил, что не нужно тревожить этого парня». Сын и внук не хотели перечить дедушке и сделали то, о чем он их попросил.

Все трое громко пообещали, что оставят отшельника там, где он есть. «Мы поклялись, – сказал Тони. – Пообещали, что никому ничего не скажем».

Отшельник кивнул. А затем, вытянув руки и раскрыв ладони, будто собираясь поймать большой мяч, он вдруг глубоко поклонился им. «Я не знаю, зачем я сделал это, – сказал Крис. – Думаю, хотел поблагодарить их».

Рыбаки сдержали обещание и никому ничего не сказали. Кроме Роджера, который поделился историей с женой, но та не поверила, что он говорит правду. Никто в тот момент не додумался сделать фото или видео. Роджер сказал, что несколько раз он пытался уговорить семью пойти и снова пообщаться с отшельником. Но в конце концов они решили уважать его право на частную жизнь. Семья Беллаванс держала встречу в секрете, пока Найта не арестовали. Тогда Роджер подумал, что рассказ о том, как вежливо и миролюбиво вел себя отшельник, мог бы помочь Крису. Он в деталях поведал эту историю Хьюзу и Перкинс-Ванс, которые ни слову не поверили.

Найт же сказал, что ни на одном из допросов не упоминал этот случай с рыбаками, потому что думал, что их договоренность все еще в силе. Под соглашением он понимал то, что никто из них никогда ничего не расскажет. Но я только что открыл Крису, что Роджер говорил с полицией, и теперь он чувствовал, что их договор расторгнут.

– Были ли еще подобные договоренности? – спросил я. – Может быть, вас находили другие люди?

– Нет, больше никто.

Люди искали его годами. Если бы кто-то догадался о местонахождении его лагеря, информация распространилась бы со скоростью света.

– Вы готовы поклясться, что это правда?

– Да.

После встречи с рыбаками Найт и сделал свой экстренный тайник. Теперь он готов был немедленно покинуть лагерь до того, как его заметят, и перебраться в другое место.

Он сказал, что уже тогда всерьез думал о переезде, но помешало то, что было много снега. «Я бы оставил кучу следов. У меня было мало пищи.

Я просто рискнул поверить, что они хорошие люди». К тому же, заметил Найт, сама мысль о том, чтобы все начинать сначала, утомляла его. Будь он моложе, не раздумывая перебрался бы куда-нибудь еще. Как раз в тот момент он и понял, что «круг замыкается».

Спустя два месяца после встречи с семьей Беллаванс, когда стал сходить снег, а цикады завели свои песни, запасы еды совсем подошли к концу. Найт дождался полуночи, выбрался в лес и вскоре уже открывал дверь столовой лагеря «Сосна». Наполнив рюкзак продуктами, он ступил за порог, где внезапно был ослеплен светом фонаря и оглушен криком «Лечь на землю!».

Глава 24

Аргументы «за» и «против»

Рыбаки не верили, что Найт заслуживает тюрьмы. «Будь у меня миллион долларов, – сказал Тони Беллаванс, – я купил бы ему сотню, нет, две сотни акров земли, посадил бы его прямо посередине и обставил весь периметр запрещающими знаками, чтобы человек жил, как хочет, и никто его не трогал». Старшему Беллавансу было семьдесят, у него тоже был домик здесь, но он никогда не становился жертвой ограблений Найта.

Харви Чесли, менеджер лагеря «Сосна», который больше всех пострадал от набегов Криса, высказался в том же ключе. «Я всегда думал, что если поймаю этого парня, то все равно отпущу, – сказал он. – Замороженная лазанья и пара банок фасоли это не смертельно. Он никогда не брал больше, чем ему было необходимо. За это я его уважаю».

Лиза Фицджеральд, которой принадлежала земля, где стоял лагерь Найта, сказала, что ее совершенно не расстроило то, что чужой человек десятилетиями жил на ее участке. Обнаружив его, она не стала бы вызывать полицию, да и выгнать вряд ли решилась бы.

Те местные жители, кто верил в историю Найта, реагировали очень мягко. Они сказали, что его пример будоражил воображение. К вечеру воскресенья любого человека здесь обычно посещало желание бросить работу и переселиться загород навсегда. О том, чтобы спрятаться от мира, хоть однажды мечтает каждый. Ты просто садишься в машину и уезжаешь от всего.

Показания Найта были очень четкими. Да, он грабил домики, чтобы обеспечивать себя всем самым необходимым в уединении, но никогда не применял насилия. Он не носил оружия. Он не хотел ни с кем сталкиваться. Он был гиперчувствительным интровертом, а не матерым уголовником. Повинуясь некоему странному зову, он рассказывал о себе правду настолько полно, насколько мало бы кто из нас осмелился. Он явно не хотел становиться частью нашего мира.

Несколько владельцев собственности на Северном пруду объявили, что готовы предоставить Найту землю для проживания. Давайте запустим сбор средств в Интернете, предлагали другие, и пусть у него будет достаточно наличности, чтобы несколько лет покупать продукты, а не воровать их. Его нужно немедленно выпустить из тюрьмы и отправить

обратно в лес. Он же никогда и никому не причинил вреда.

Физически – нет. Психологически – да. Остальные жители были в ярости от его набегов. Вещи, которые он крал, могли и не представлять какой-либо ценности, однако вместе с ними он забирал частичку людского покоя. Некоторые говорили, что они годами боялись спать в своих домиках.

«Я чувствовала себя изнасилованной, и это продолжалось из года в год, – сказала Дебби Беккер, которая вместе с мужем владела домиком на Северном пруду двадцать пять лет. – Я потеряла счет кражам». Оба ее сына в детстве страшно боялись отшельника. Им снились кошмары. Семья ставила охранную систему, даже просила полицейского переночевать у них, но ничто не помогало. «Я ненавижу этого человека за то, что он нам сделал», – сказала Беккер.

Марта Паттерсон, чей домик тоже был постоянной мишенью Криса, заявила, что отшельник украл несколько приборов столового серебра, унаследованных от ее матери, и несколько особо любимых вышитых вручную скатертей. Но в действительности все было куда серьезнее. Паттерсон выбиралась на природу, чтобы убежать от давления и стресса повседневной жизни, а Найт лишил ее этой возможности. «Я не могла ни окна открыть, ни сходить на пляж без того, чтобы не дергаться, – говорила она. – Он украл мой покой».

«Если ему нужна была еда, – сказала Мэри Хинкли, жертва нескольких десятков ограблений, – мы бы дали ему еды. Попросил бы. Но он просто издевался над нами, снова и снова. Я постоянно боялась, что он вломится ночью, когда мои внуки были здесь. Я презираю этого человека. Мне стыдно такое говорить, но я так чувствую. Я не помню, чтобы меня в жизни что-либо еще так расстраивало».

Если Найт и правда хотел жить в лесу, так и жил бы, промышляя охотой и рыбалкой, говорили многие. И как вообще можно было понять, что он не вооружен и не опасен? Даже за одно ограбление сажают лет на десять. Найт был не более чем ленивым мужланом и тысячу раз – вором. Его нужно запереть в тюрьме, возможно – пожизненно.

Человеком, который должен был выбрать меру наказания для Найта или же вынести оправдательный приговор, была окружной прокурор Меган Малони. Она выросла в Мэне, в семье служащих, живущих в муниципальной квартире. В школе она была отличницей, получила стипендию на юридическом факультете в Гарварде. Она слышала самые разные мнения жителей о Найте – отпустить в лес, посадить на всю жизнь – и сама испытывала по этому поводу внутренний конфликт. «Это сложный случай, – говорила она. – В законе нет четких указаний для

подобных дел».

Сам Найт не ждал, что ему все сойдет с рук. «Мое воровство никак нельзя оправдать, – говорил он. – И я не хочу, чтобы люди находили объяснение моим плохим поступкам потому, что в чем-то они мною восхищаются. Примите меня всего – хорошего и плохого. Судите как есть. Не ищите мне оправданий».

«Все пытаются придумать отговорки, – говорил Хьюз, бывший свидетелем откровений Криса в столовой «Сосны». – Преступники всегда будут отрицать, и отрицать, и отрицать. Даже если ты их за руку поймал во время кражи, они будут повторять: «Клянусь Богом, я этого не делал». Вот с чем ты имеешь дело, когда работаешь в полиции. Наш мир такой. Я к этому уже привык».

Хьюз сказал, что еще не встречал человека, который был бы так честен относительно своих преступлений, как Найт. Он без раздумий признался в тысяче ограблений. Он понимал, что поступил плохо, чувствовал смущение и стыд, но полностью признавал сам факт. «Все внутри меня хотело возненавидеть этого парня. Я типичный упрямец. Он же воровал еду из лагеря для инвалидов. Но я не могу его ненавидеть. Можно сто лет проработать в полиции, но никогда не встретить подобного человека».

«Это, конечно, очень странный случай», – говорил бесплатный адвокат Найта, Уолтер МакКи, известный в Мэне своей высокой квалификацией и этическими нормами. МакКи приезжает на работу каждый день в тринадцать утра. Он играет на скрипке, занимается скалолазанием, летает на частном самолете, тренирует ориентированию на местности, у него есть жена и дети. «Мистер МакКи никогда не спит», говорится на его веб-страничке. Он согласился взять дело Найта и вести его в суде, чтобы решить все наилучшим образом.

Современное сообщество отшельников – да-да, такое существует – также спорило относительно добродетелей Найта. Этот сайт носил имя Государство Отшельников, и в описании значилось, что это «форум отшельников, людей, живущих в уединении, анахоретов, интровертов». Прежде чем вы получите разрешение писать на этом форуме, администратор сайта должен решить, правильный ли вы отшельник. В сообществе на данный момент более тысячи участников, хотя увидеть нескольких человек онлайн в одно и то же время можно достаточно редко.

Большинство анахоретов в Сети считало, что Найта нельзя признавать отшельником. Он скорее был позором для их сообщества. Администратор посвятил Найту целый блог. «Сама идея о том, что отшельник воровал, чтобы выжить, служит подтверждением ужасного стереотипа, что все

отшельники – паразиты, – писал он. – Ни один человек в истории, искавший уединения по религиозным причинам или просто покинувший общество людей ради жизни на природе, никогда даже не думал взять то, что принадлежит другим – будь то тело, ум, время, пространство или вещи». Воровство, добавлял автор блога, осуждается отшельниками по всему миру, потому как указывает на отсутствие дисциплины и эмпатии у того, кто совершает кражу. А еще вор представляет угрозу обществу, что идет вразрез с идеалами отшельников.

Найт, считай ты его отшельником или нет, не мог позволить себе заплатить огромный залог и оставался в окружной тюрьме Кеннебека. Через несколько дней после того, как его туда доставили, он страшно простудился, но иммунная система справилась с болезнью. Он получил новую пару очков – впервые за тридцать лет – с овальными линзами и в серебристой оправе.

Он похудел и стал выглядеть так, словно только что пережил суровую зиму в лесу. Теперь еду ему дают бесплатно, а он не может ее есть, шутил Крис. На самом деле тюрьма так действовала ему на нервы, что он почти совсем потерял аппетит. Он выглядел как настоящий узник с картинки, говорил главный шериф Райан Реардон. Борода Найта – его календарь и защита – дико росла и чесалась, но бриться он по-прежнему отказывался.

Найт считал, что его родители умерли, пока он жил в лесу, но вскоре после его ареста Дайан Перкинс-Ванс рассказала ему, что его мама жива. Ей было уже за восемьдесят. Крис умолял ее не связываться с ней или с кем-либо еще из семьи, и та согласилась. Он хотел скрыться, даже находясь в тюрьме.

Через шесть дней после ареста Перкинс-Ванс сообщила Крису, что его история просочилась в прессу, и вскоре его мама может узнать обо всем из СМИ. Найт дал ей разрешение сообщить матери, что он жив.

Она позвонила миссис Найт. «Я не стала ходить вокруг да около, – сказала Перкинс-Ванс, – а сразу ей все выложила. Мне показалось, что она в шоке, наверное, думала, что он умер. Затем, полагаю, она стала сходить с ума от того, что Крис в тюрьме и он преступник. Помню, как она сказала: «В моем возрасте сложно переварить столько всего сразу».

Найт один раз встретился с братьями, Джоэлом и Тимоти. Джоэл подписывал в свое время поручительство по кредиту за Subaru BRAT, который Крис бросил в лесу. Как сказал друг семьи, Керри Виг, Джоэл выплатил все до цента и никогда не задерживал платежи. «Джоэл считал, что братья иначе не поступают», – говорил Виг.

Крис не позволил матери прийти. Он сказал, что эта встреча повергнет

ее в стыд и тоску. «Посмотрите на меня, я в тюремной робе. Я не могу позволить ей смотреть на меня в таком виде. Я вор, я в тюрьме и виновен во многих преступлениях. Мама меня так не воспитывала. Здесь для нее не место».

Это была одна из причин, почему он ни разу не позвонил домой за время своего отшельничества. «Потому что то, кем я был – отшельником и вором, – могло обидеть мою семью, задеть их ценности. Это бы смутило их. Я не мог им признаться». Вместо этого он оставил семью бесконечно гадать, жив ли он, и испытывать боль разлуки. В общем-то, тупиковый выбор.

Он решил, что увидится с матерью, когда его выпустят из тюрьмы. Тогда они смогут «поговорить нормально, наедине». Но после шести месяцев заключения он уже понятия не имел, когда это произойдет. Его кожу обсыпала крапивница, руки дрожали. Лишь определенность наказания, точная цифра приговора могла бы облегчить стресс. Но он с пониманием относился к задержке в судопроизводстве. «Я не вписываюсь ни в какие рамки, – говорил он. – Очевидно, у них тут сидит не так уж много отшельников». И он вновь замкнулся в себе, находясь на грани помешательства в ожидании, когда и каким образом решится его судьба.

Глава 25

Суд и приговор

Боковая тюремная дверь распаивается, и три помощника шерифа, вооруженные и одетые в пуленепробиваемые жилеты, выходят вместе с узником. Его руки скованы наручниками, лицо заросло бородой, будто мхом. Один полицейский идет впереди, двое других ведут Найта под руки к гранитным колоннам входа в Кеннебекский окружной суд. Красные и желтые листья дрожат на осеннем ветру, камеры телевизионщиков практически тычут Найту в лицо, но он умудряется оставаться безучастным, взгляд его направлен в пустоту.

Зал суда отделан темным деревом, на полу бордовый ковер, огромный кирпичный камин в углу, на стенах – портреты старых судей, строго глядящих из золоченых рам.

Деревянные трибуны в дальнем конце зала, предназначенные для зрителей и прессы, полны. Все ждут, когда приведут Найта. Вносят коробки с папками. МакКи, адвокат Найта, одет в темный костюм. На прокуроре Малони – ярко-красный пиджак. Брат Найта Джоэл – те же тонкие губы, тот же острый нос – сидит рядом со своими сыном и дочерью, обоим лет по двадцать. Сегодня они в первый раз увидят дядю. Молодой человек дрыгает ногой, и Джоэл замечает ему: «Нервы. Это нормально».

Вводят Найта. Его ставят за стойку, снимают наручники. В зале устанавливается тишина. Судебный офицер говорит: «Всем встать», и судья Нэнси Миллс появляется будто по волшебству из-за красной занавески, закрывающей вход. Она разглаживает свои черные одежды, садится, надевает очки для чтения и начинает процесс. Для тех, кто не считает луны, или времена года, или волосы на подбородке, сегодня понедельник, 28 октября 2013 года.

Решение найдено – Найта обвинят в тринадцати ограблениях. Большинство его краж уже не подлежат суду за окончанием срока давности, либо о них вообще никогда не заявляли в полицию. И вместо заключения в тюрьме он предстанет перед судом для тех, кто страдает сопутствующими заболеваниями.

Это программа, которая заменяет заключение и судебный надзор в отношении людей, совершивших преступление под влиянием болезни либо умственного отклонения – сопутствующих заболеваний. В случае Найта

это алкоголизм и либо синдром Аспергера, либо шизоидное расстройство личности. Эти диагнозы могут быть неточными, но даже прокурор согласен с тем, что содержать Найта в тюрьме долгое время – жестокость, и понимает, что такой выход позволяет решить ситуацию в соответствии с законом.

Найт стоит, заложив руки за спину, а прокурор Малони зачитывает обвинения. Если бы не гнетущая судебная обстановка, они могли бы звучать даже забавно.

– 14 июля 2008 года, – зачитывает Малони, – мистер Эдмонт Эшли заявил, что из его лагеря в Риме, штат Мэн, пропали следующие вещи: батарейки, еда и содовая, общая стоимость украденного восемнадцать долларов.

Судья Миллс просит Найта прокомментировать услышанное.

– Виновен, – пугающе громко говорит он.

– Кухонное окно загородного домика взломано, – продолжает Малони, – украдены еда, пара мужских джинсов пятидесятого размера и кожаный ремень, всего на общую сумму сорок долларов.

– Виновен.

И так тринадцать раз.

– Вы признаете себя виновным, потому что вы виновны, или по другой причине? – спрашивает судья Миллс.

– Потому что виновен.

– Вы понимаете, что мы делаем?

– Да.

– Я рада слышать добровольные признания мистера Найта, – говорит судья.

Затем она зачитывает условия его освобождения. Найт приговаривается к семи месяцам тюрьмы, – значит, ему предстоит провести там еще неделю – и после освобождения ему надлежит пройти осмотр у психиатра. Он также будет обязан ежедневно звонить служащему, ведущему его дело. Ему нужно будет приходить в суд каждый понедельник в одиннадцать утра, чтобы судья Миллс могла видеть, как идут его дела. Эти правила он должен будет соблюдать как минимум в течение одного года, и, если он нарушит хотя бы одно из них, его ждет наказание в виде семи лет заключения под стражей.

Ему также выписывается штраф в размере двух тысяч долларов, которые он обязан возместить жертвам своих набегов. Он должен жить дома, с матерью, и должен найти работу либо продолжить обучение и заниматься общественно полезным делом. Ему разрешается не

контактировать ни с кем из ограбленных им людей. Он не может покидать штат Мэн, и ему запрещено пить или производить алкоголь. Он должен регулярно проходить тестирование на алкоголь и наркотики.

– И разумеется, вы не можете быть вновь вовлечены ни в какую преступную деятельность, вы осознаете это, мистер Найт?

– Да.

– Есть ли у вас вопросы, или вы хотите что-то добавить, мистер Найт?

– Нет.

Несколько часов спустя я навестил Найта в тюрьме в последний раз. Это была наша девятая встреча за два месяца – за это время я четыре раза приезжал в Мэн. В тюрьме есть телефонная связь, но Крис упорно отказывался ею пользоваться, хоть мы и говорили друг с другом при помощи трубок. Он никому не звонил тридцать лет, да и до того, как уйти в лес, не слишком-то любил телефоны.

«Люди на голубом глазу говорят мне: «Мистер Найт, у нас теперь есть мобильные телефоны, они вам очень понравятся». Это, по их мнению, должно стать для меня поводом быстрее вернуться в общество. «Вам это понравится». А у меня нет никакого желания. А эти смс? Разве это не использование телефона, как телеграфа? Мы откатываемся назад».

Когда Найт узнал, как люди сегодня делятся песнями и загружают музыку, его это не впечатлило. «Использовать компьютер, машину за тысячи долларов, как радио? Общество поворачивает в какую-то странную сторону». Он был убежден, что будет хранить верность виниловым пластинкам.

После объявления приговора Найт кажется еще более нервным. Он яростно чешет колени. В тюрьме, как он успел понять, не все так плохо. Там есть обязанности и порядок, и ему легко переключиться в режим выживания, который дает некоторое успокоение уму и схож с тем, что включался в долгие зимние месяцы в лесу. «Меня здесь окружают не самые приятные ребята, – говорит он, – но, по крайней мере, меня не бросают в омут общества в ожидании, что я выплыву».

Теперь, когда ему приходится показываться на публике, Найт напуган. Причем пугают его не поиск работы или восстановление водительских прав, но взгляд в глаза, жесты и эмоции, которые можно неверно интерпретировать. «Я очень эмоционально тонкокожий, и мне нужна терапия. Я понимаю это».

Он чувствует, что ставки на него слишком высоки, и боится совершить роковую ошибку, которая вновь отправит его в тюрьму. «Я не готов снова стать членом общества. Я совсем не знаю вашего мира. Я знаю лишь свой

собственный мир и еще – воспоминания о том мире, который я оставил, прежде чем ушел в лес. Что такое жизнь сегодня? Что правильно, а что нет? У меня так много белых пятен в сознании, мне недостает навыков. Мне придется заново учиться жить».

То, что сейчас с ним происходит, Найт называет «двойная зима». Его арестовали, когда заканчивалась одна зима, и отпускают как раз в начале следующей. «Это будет год без лета. Как в год извержения Кракатау».

Его пригласили в семейный дом, в Альбион, и предложили вновь занять его детскую спальню. «Они не одобряют то, что я сделал, но я для них все еще часть семьи, и я благодарен им за это». Он будет жить с мамой и сестрой и с братом Дэниэлом, который живет по соседству. Даже спустя столько лет он хорошо помнит свою комнату. Увидев ее фото в газетах, он сразу заметил, что ее перекрасили и цвет слегка отличается от прежнего.

Его не очень впечатляет то общество, встреча с которым его ожидает, и уж точно он понимает, что никогда не впишется в него полностью. Все здесь движется со скоростью света. «Здесь слишком громко. Слишком ярко. Не очень красиво. Кругом неотесанность. Сплошная бессмыслица. Мелочность. Неверные стремления и цели».

Он признает, что, конечно, не ему судить. Говорит, после освобождения будет избегать даже намека на преступный умысел. Будет соблюдать закон и останется чист перед ним. «Я не хочу, чтобы люди оценивали мои сомнительные суждения». Перспектива тюрьмы нависла над ним, словно гильотина.

Его карьерные перспективы, он понимает, невелики. «Деньги, да? Я совсем забыл их вкус. Мне нужно искать работу. Однако мое резюме довольно скудное». У него нет иллюзий на тему того, куда и как быстро его могут взять на работу. Мойщик посуды, кладовщик.

Ему уже предложили должность, пока он был в тюрьме. Мери Перри, владелица частной фермы «Остролист», написала в офис шерифа, что у нее есть идея работы для Найта. «Остролист» – это сертифицированная ферма, где выращивают только натуральные продукты, а земли вспахивают лошадь и бык. Возле дороги, прилегающей к ферме, стоит прилавок, с которого продаются домашние пироги, джемы и песто из высушенных помидоров. Зимой для детей здесь заливают ледяные горки. «Эта ферма лечит людей», – писала Перри. Ей разрешили встретиться с Найтом в тюрьме.

Крис изо всех сил старался сохранить вежливость и общительность во время этого разговора.

«Я говорил о сельском хозяйстве. Я в нем соображаю. Я рассказывал ей про хиппи, про движение «Назад-к-земле», о том, как беречь природу. Я

думаю, она меня, может, неправильно поняла...»

Как выяснилось позже, соседи Перри стали нервничать по поводу того, что Найт будет жить и работать рядом с ними, и вынудили ее отказаться от этой идеи. Найта это обескуражило: «Надо же... Видимо, после стольких лет в лесной тени не судьба мне гнуть спину в поле на солнцепеке».

Я сказал Крису, что могу поискать ему работу, спокойную, вроде сторожа или библиотекаря, но он яростно затряс головой: «Пожалуйста, оставьте меня в покое». Лучшее, что я могу для него сделать – не пытаться ему помочь. Помощь – это уже начало отношений. Следующее, что я ему, не дай бог, предложу – это дружба, а другом моим он быть не намерен. «Я совсем не собираюсь по вас скучать», – добавляет он.

Найт – специалист в области времен года и направлений ветра, но он никого не видит, кроме себя. Я ему немного рассказывал о своей семье и о том, как провожу время, но он даже не попытался выказать хоть какой-то интерес. Он не знает, что делать с такой информацией, какие вопросы задавать. Он знает людей лишь с одной стороны – по еде в их кладовых и обоях на стенах. Его единственные настоящие отношения – отношения с лесом.

При этом он делится со мной единственной своей ценностью – своей историей. Ему не интересны ни известность, ни слава. Он ничего не просит взамен, ни помощи, ни одолжений, ни денег. Это знак доброго расположения или дружбы? Или он просто решил, что репортеры все равно будут преследовать его теперь всю оставшуюся жизнь, пока он не заговорит, поэтому лучше уж рассказать все и сразу одному из них, чтобы от него отстали? Кто знает.

Найт одновременно считает себя преступником и ницшеанским Сверхчеловеком – суперменом, над которым не властны правила, мастером самодисциплины, которая способна растворить жизненную суету. Он признает, что ему интересно, каким я его изображу. «Я беспокоюсь, как мою личность интерпретирует другой человек, – говорит он. – Я не то чтобы вам доверяю. И не то чтобы не доверяю совсем. Я понимаю, что вы человек. А у людей в голове полно клише. У вас есть власть написать обо мне как хорошее, так и дурное. Поступайте, как сочтете правильным».

Казалось, ему только одно обо мне было интересно: какие книги стоят в моем шкафу? Он попросил снять их на видео и прислать ему. Сказал, что обучится пользоваться современными технологиями.

«Снимите это видео, – попросил он, – но больше не шлите ни книг, ни писем, и, разумеется, не вздумайте приезжать ко мне домой. Как только я

выйду отсюда, вы перестанете для меня существовать. Я лишаю вас своего живописного общества».

Он подчеркивает мою напористость и то, что я приходил к нему столько раз. «Похоже, вас ничто не остановит». Он говорит, что жалеет, что вообще ответил на мое письмо. Затем дает задний ход. Боюсь, говорит, что был сейчас слишком жестким. Ему тоже были нужны эти встречи. «Они ослабляли мой стресс». Но ему уже очень надоело говорить о самом себе.

На самом деле он просто хочет, чтобы я притормозил и дал ему время. «Не липните ко мне как банный лист, – просит он. – Я поговорю с вами, когда фиалки зацветут. А может, и нет». Я спросил, что он имеет в виду. В следующем году? Он ответил: «Да, весной. Я пока еще не привык измерять время цифрами».

Больше Найт не сможет исчезнуть в лесу, по крайней мере, теперь он рискует загреметь за решетку на семь лет. И потому он желает раствориться в мире. За ним приходит охранник – время свидания вышло, и я благодарю Криса за то, что он говорил со мной все это время и делился своими мыслями. За красоту его языка. Говорю, что мне нравится образ его мыслей. «До свидания, Крис. Удачи вам».

Найт ничего не отвечает. Ни прощального жеста, ни кивка напоследок. Он встает, поворачивается ко мне спиной и уходит, растворяясь во тьме длинного тюремного коридора.

Глава 26

Возвращение домой

Работу Найту нашел его старший брат Дэниэл. Он владеет бизнесом по переработке металла, и Крис разбирает на запчасти старые автомобильные и тракторные двигатели в сарае на территории их семейной фермы. Денег он не получает – трудится за жилье и еду. Зато работа в одиночестве полностью удовлетворяет его желание минимальной социализации.

Каждый понедельник кто-то из членов семьи отвозит его в Огасту, на встречу с судьей. Он никогда их не пропускает и никогда не опаздывает. Он буквально следует предписаниям, выданным ему при освобождении. «Он делает огромную работу, – говорит прокурор Меган Малони. – Упорно трудится, чтобы понять, как снова стать членом общества. К нему нет ни единого нарекания. Когда я вижу его по понедельникам, всегда здороваюсь. Мы часто болтаем понемногу. Кажется, он вполне доволен. Он даже зарегистрировался, чтобы иметь право голосовать на выборах».

Фил Доу, президент Исторического общества Альбиона, знает семью Найт пятьдесят лет. Однажды ему позвонила Джойс Найт и спросила, вдруг для Криса есть какая-нибудь волонтерская работа – ему же был предписан труд на благо общества. «Я сказал ей, что буду рад нанять его», – сказал Доу.

Раз в неделю он заезжает за Крисом и едет с ним на старый железнодорожный вокзал. В деревне Альбион, рассказывает Доу, осталась одна из немногих узкоколеек в мире. Рельсы у нее расположены вдвое уже, чем у стандартной железной дороги – такие было проще и дешевле прокладывать по сложному рельефу. Пассажиры и грузы перевозились по этой дороге с 1800-х годов по 15 июня 1933-го. В этот день поезд, делая поворот, сломал внешнюю рельсу и упал в реку. Историческое общество Альбиона реставрирует обшитый кедром двухэтажный вокзал.

Найт служит маляром. «Он почти не разговаривает, – делится Доу. – Хотя совсем молчать я ему не даю – люблю поболтать. Он выглядит счастливым».

Пока Найт был в тюрьме, женщина по имени Элис Макдоналд, его бывшая одноклассница, написала ему письмо. Она на пару лет старше, писала Элис, но помнила Найта и приглашала изучать вместе Библию. Крис не хотел никаких библейских чтений, однако что-то в Макдоналд

заинтересовало его. Она не приставала к нему с просьбой рассказать его историю, казалось, у нее не было корыстных мотивов. Они были знакомы до того, как он ушел в лес. Она женщина. Пару раз они виделись в тюрьме, и Найт продолжает с ней встречаться.

«Так у вас теперь есть девушка», – слегка поддразнил я его во время нашей последней встречи в тюрьме. «Нет, я не кручу интрижку, если такая грязная мысль закралась вам в голову», – ответил Найт.

Моя легкая насмешка оскорбила его. Их общение с Элис проходило так, словно между ними было пластиковое окно. Он настаивал на том, что с женщинами ему хочется только разговаривать. «Она хорошая женщина. Мне с ней комфортно. Однажды она расстроилась и сказала: «Я так хотела бы сейчас обнять тебя». Я очень странно себя почувствовал при мысли, что она может ко мне прикоснуться».

«Двойная зима» Найта оказалась не так ужасна. Я выполнил нашу договоренность – отснял на видео все книги в моей библиотеке и послал диск ему по почте, но ответа не получил. Я даже не знал, получил ли Крис его. Каждый раз, гуляя по лесу, да и в другое время я задумывался, как он там. «Государство может ему помочь, – сказал Терри Хьюз. – И он может прекрасно справляться. Но однажды придет какой-нибудь понедельник или вторник, и Крис просто выйдет из дома и снова исчезнет в лесу». Я продолжал ждать этих новостей, но пока ничего не происходило.

Я звонил Дэниэлу Найту, чтобы справиться о Крисе. Дэниэл взял трубку, я назвал себя, а он сказал: «Нет, спасибо», и отключился. Его брат Джонатан, который живет на Аляске, просто молча повесил трубку. Тимоти не отвечал на звонки.

Джоэл Найт управляет автомобильной мастерской в туристическом городке Белфаст, на побережье Мэна. Я поехал туда без намерения встретиться с Крисом. Доехал до мастерской Джоэла и вошел внутрь. В гараже из четырех боксов кипела работа. Но Джоэла оказалось довольно легко вычислить: в черной футболке он выныривал из-под капота внедорожника, сначала с дрелью в руке, затем с отверткой, плавно двигаясь в маленьком пространстве, будто обтекая машину. Естественная грация, видимо, передается в семье Найт по наследству.

«Он гениально починил мой Prius», – поделилась Линдси Макгуайр, совладелица книжного магазина. Она сказала, что все в городке, конечно же, знают о брате Джоэла. «Но я никогда не спрашивала его о Крисе, – сказала она. – Мы не настолько близко знакомы». Она поделилась со мной городской легендой, что мать Криса все эти годы праздновала его день рождения и даже пекла торт.

Я прошел в гараж и представился Джоэлу. По выражению его лица – не злomu, но жесткому – я понял, что разговор будет коротким. Его руки были в масле, и мы обошлись без рукопожатия. Джоэл подтвердил, что никто в семье не знал, где был Крис все эти годы, и, насколько ему известно, никто не помогал его брату, никто из семьи с ним не виделся, и все, кто думают, что он лжет – ошибаются. По его тону было ясно, что он тоже не понимает действий брата.

– Когда вы стали верить, что Крис, скорее всего, умер?

– Я не хочу об этом говорить. Это личное.

– Как его встретили, когда он вернулся домой?

– Это личное.

И Джоэл снова скользнул под капот, давая понять, что разговор окончен.

Я заехал к его подружке, Элис Макдоналд. Открыв дверь, она произнесла лишь: «Я не могу с вами разговаривать» – и закрыла ее.

Я позвонил его матери и сказал, что хотел бы поговорить о Крисе. Она ответила: «Понимаю» – и положила трубку. Фил Доу из исторического общества рассказал, что Джойс рада возвращению Криса. Она говорила, к нему вернулся аппетит, и он накинулся на еду. «Она любит смотреть, как он ест», – сказал Доу.

Лишь однажды Крис вновь вышел на связь. Я отправил ему открытку – поздравление с праздником, вложив в конверт фото моих детей, и спустя пару недель получил записку, написанную знакомым корявым почерком, черной ручкой, на простом почтовом бланке. «Такая красота и радость невозможны без чувства внутреннего удовлетворения», – сказал он об открытке. По поводу детской фотографии написал: «Хороший снимок». Как обычно, без подписи. Но мое сердце было согрето его ответом. Кажется, он начал немного отходить после тюрьмы.

Этой запиской наше общение и ограничилось. Спустя семь месяцев после того, как мы попрощались в тюрьме, я снова возвращаюсь в Мэн. По дороге из аэропорта я останавливаюсь у цветочного магазина и покупаю большой букет пурпурных фиалок. Это будет моя Оливковая ветвь. Затем торможу возле булочной, где беру яблочный пирог для его мамы. В любом случае она не обидится.

Миновав лесопилки, антикварные магазины, череду дешевых мотелей и бассейнов, я приближаюсь к цели. Пара диких индюшек сидит на отбойнике. На раскладном столике у обочины продаются фермерские яйца. Продавца нет, только коробка для денег рядом. Центральный Мэн по-прежнему верит людям.

Поездка по главной улице Альбиона занимает секунд сорок – почта, библиотека, заправка, церковь, магазин. На информационной доске возле него – написанные от руки объявления о починке дизеля, классах йоги, уборке снега и найме проводников для охоты. Светофора – и того нет. На въезде и выезде из городка россыпи деревянных домиков, белых и крашенных, посаженных близко к дороге. Затем – снова деревня. Молочная ферма, место, где разделают убитого вами оленя, кладбище с парой надгробий двухсотлетней давности.

Дом Найтов – самый замаскированный, прячется за стеной из кустов и деревьев. С дороги видны лишь окна второго этажа с ярко-голубыми ставнями. На черном почтовом ящике значится: Джойс Найт. Рядом два ящика для газет, один для «Портленд Пресс Геральд», а второй – для «Утреннего стража». Гигантский красный клен возвышается над двором.

Я заталкиваю арендованную машину на маленькую немощеную подъездную дорожку перед бледно-желтым гаражом, стоящим отдельно от дома, с металлической табличкой с надписью «Шелдон Найт». Во дворе тихо. Других машин не видно. Кажется, никого нет дома. Некоторое время я сижу в машине, думая, что теперь делать. Что-то в этом доме заставляет меня нервничать. Наконец я выхожу со своим фиалковым букетом и яблочным пирогом, делаю несколько шагов по направлению к двери. И тут из-за кустов бесшумно появляется Крис Найт.

Глава 27

«Лесная Дама»

Он побрит, на нем коричневая фланелевая рубашка, заправленная в вытертые синие джинсы, и коричневая бейсбольная кепка без логотипа. Все те же очки в серебристой оправе, которые ему выдали в тюрьме. На ногах – кожаные рабочие ботинки.

Я протянул ему фиалки, он лишь бегло взглянул на них. Это как предложить рыбе стакан воды. Фиалки, я только сейчас заметил, были тут повсюду – лиловые, розовые и белые. Я опустил букет и поднял другую руку, с пирогом, словно официант: «Я привез кое-что для вашей мамы».

Глаза Найта скользнули по коробке. «Нет», – сказал он строго. Я вернулся к машине, открыл водительскую дверцу, положил обратно фиалки и пирог и закрыл ее.

Мы стояли на неестественно большом расстоянии друг от друга. «Можно пожать вам руку?» – спросил я. Раньше у нас не было такой возможности, ведь нас разделяла стена.

«Я бы предпочел этого не делать», – ответил Найт.

И мы не стали.

Кивком головы он пригласил меня пройти за ним. Мы зашли за гараж и потеряли из виду дорогу, над нами – нежно пахнущие ветви сирени, касающиеся волос. Трава после недели дождей ярко-зеленая, яблони все в цвету. Вот показался деревянный сарай, где Найт разбирает свои моторы в полном уединении.

Вокруг вьются мошки, похожие на летающий молотый перец, и я периодически убираю их от лица, но не ловлю и не прихлопываю. Даже во время наших свиданий в тюрьме я старался контролировать свои жесты, чтобы не тревожить Найта. Его же движения всегда были такими четкими и спокойными. Казалось, его совсем не беспокоят насекомые.

Все без исключения, с кем мне удалось поговорить из его окружения, говорили о том, как Найт переменялся в лучшую сторону. Он выглядит здоровым – цвет его кожи стал более естественным. Он все еще худой, но не истощенный, каким был когда-то. Отсутствие бороды делает его моложе. Он был у зубного. Один зуб пришлось вырвать, зато остальные теперь выглядят сверкающими и чистыми. Но первое же, о чем он мне рассказал, было то, что весь его оптимизм – подделка, маска для публики. На самом

деле он глубоко страдает.

«Мне не очень хорошо», – признал он. Никто его не понимает. Люди постоянно обижаются на то, что он говорит. «Они считают меня грубым и высокомерным. А еще я все время чувствую себя школьником». Он принес мир в жертву полной независимости, а теперь ему, пятидесяти лет от роду, не разрешают принять простейшего самостоятельного решения.

Судья и его терапевт говорят с ним так, словно он ребенок. Каждый раз, когда он признавался, что ему тяжело, его кормили банальностями. Найт передразнил их: «О, вам будет лучше, ищите светлую сторону. Солнце обязательно взойдет завтра». Он устал слушать их, поэтому сейчас все чаще помалкивает. Он никого ни в чем не винит. «Все они по-своему стараются», – говорит он тем самым тоном, который все принимают за надменный, но следование их правилам заставляет его чувствовать себя все хуже и хуже. В тюрьме, в определенном смысле, было лучше. Теперь, когда он формально свободен, стало ясно, что это вовсе не свобода.

Он полез в карман джинсов и выудил часы с порванным ремешком. Его семья, говорит он, не хочет, чтобы мы общались. Если бы они об этом узнали, то очень огорчились бы. Я приехал в хорошее время, но у нас его мало. Вскоре вернется его мать. А затем брат повезет его сдавать тест на наркотики. Крис вздрагивает. Никогда в жизни он не принимал наркотиков и тем не менее вот на что должен тратить полдня.

«Я – неформат», – произносит Крис. Все, кого он встречает, пытаются сделать из него что-то, свернуть в дугу, «сделать из меня человека». Общество так же неприветливо к нему, как и тогда, когда он ушел от него. Он боится, что его заставят принимать лекарства, влияющие на психику. Но он точно знает, как все исправить.

Все, что ему нужно – вернуться в свой лагерь. Хотя, конечно, он не может этого сделать. Он должен теперь разыгрывать этот дурацкий спектакль, отбывая наказание. «Я сошел с ума?» – спрашивает он меня. Говорит, что получил видео с моими книгами, но ему уже и книги не в радость. Он снова спрашивает: «Я сошел с ума?»

Несколько секунд Найт смотрит мне в глаза, и в его взгляде я читаю боль. В тюрьме он был эмоционально закрыт. Возможно, виноваты были условия, в которых проходили встречи: стена между нами, необходимость разговаривать через телефонные трубки, отсутствие приватности. Теперь его лицо было совсем другим, не холодным, не отталкивающим. Он искал контакта. Казалось, Крис просил о помощи.

Быть может, лучший способ наладить контакт с отшельником – оставить его в покое. В тюрьме Найт ораторствовал, вещал. А теперь мы

разговаривали. Сформировалась некая связь. Мы еще не друзья, но, возможно, уже знакомые. Когда он стал говорить, что его никто не понимает, это был знак, что он чувствует то же, что и я.

Я честно признался ему, что не верю в его сумасшествие.

– Как вы думаете, что я имею в виду, – продолжил Крис, – когда говорю: «Лесная Дама»? Это аллегорическое выражение.

– Мать-природу? – предположил я.

– Нет, – сказал Крис. – Смерть.

Он встречал Лесную Даму прежде, одной очень тяжелой зимой. У него кончилась еда, вышел весь газ и холод был непередаваемый. Он лежал в палатке, на кровати, голодный, холодный, умирающий. Дама пришла. На ней был свитер с капюшоном, на несколько размеров больше, чем нужно, в стиле рэперов. Она подняла бровь и надвинула капюшон. Дама спросила, идет ли он с ней или остается. Крис вспоминал – в тот момент он понимал головой, что это бредовая галлюцинация, но порой был в этом не уверен.

Он рассказал мне, что у него есть план. Крис дождется первого морозного дня, возможно в конце ноября, месяцев через шесть, и пойдет в лес, почти голый. Зайдет в чащу так глубоко, как только сможет. Затем сядет и позволит природе о нем позаботиться. Он замерзнет до смерти. «Я пойду гулять с Лесной Дамой», – сказал Крис. Он теперь думал об этом все время. Осознавал, что пойман в невероятную ловушку – если он будет искать освобождения, вернувшись в свой лагерь, то снова окажется заперт. Он отчаянно желал облегчения своих страданий. Найт уже выяснял, гипотермия – самый безболезненный способ умереть. «Это единственное, что может сделать меня свободным».

Он стоит неподвижно, руки в карманах. «Что-то должно поддаться, – говорит он, – или сломаться». И на этом месте сломался он сам. Его голос дрогнул, стоицизм испарился, и вместо холодного стоика передо мной вдруг появился живой человек, по щекам которого текли слезы.

Не буду врать – я тоже расплакался. Двое взрослых мужчин стояли под сиренью прекрасным весенним днем и рыдали. В конце концов Найт смог заговорить с другим человеком и быть в этот момент открытым и уязвимым. Возможно, в тот миг я приблизился к пониманию причин его поступка. Он ушел в лес, потому что понял, что мир не создан для таких, как он. В молодости он никогда не был счастлив – ни в школе, ни на работе, ни в окружении людей. И это заставляло его постоянно нервничать. Здесь не было места для него, и, чтобы не страдать, он просто сбежал. Это был не столько протест, сколько поиск лучшего места. Он был подобен беженцу, скрывшемуся от человеческой расы. Лес предложил ему укрытие.

«Я сделал это, потому что чувствовал, что несчастлив, – сказал Найт. – И я нашел место, где мне было хорошо».

У меня самого всегда было чувство, словно в моей жизни чего-то не хватает. И я подумал, что Найт нашел это «что-то». Но жизнь ведь не предполагает этого вечного поиска, она больше как раз про то, как научиться жить без этих недостающих частей. Найт ушел слишком далеко, и я чувствовал, что пути назад для него нет. Он обладал блестящим умом, но этот ум в конечном счете лишь запер его в лесу в одиночестве.

«Да, блестящий человек, – сказал на это Найт, – этот блестящий человек отправился искать счастья, и он его нашел. Блестящий человек хотел бы быть не таким глупым и не делать ничего противозаконного для того, чтобы найти счастье».

Всякий раз, во время свиданий в тюрьме, Найт пенял на то, что я бросаю ради него свою жену и мальчиков, пренебрегаю родительским долгом ради нашей болтовни. Меня это смешило – он-то вообще сбросил с себя любую ответственность, – но в итоге он оказался прав. Наблюдая теперь за тем, что с ним происходит, я чувствовал лишь одно большое желание: скорее отправиться домой.

Лагерь Найта был единственным местом на Земле, где он чувствовал себя по-настоящему дома. Его жизнь временами была невероятно сложна, но он справлялся. И жил он там столько, сколько мог.

Он не хочет сидеть в сарае, разбирая моторы. Он знал в своей жизни нечто более глубокое, и теперь его одолевает невыносимое чувство потери. Я понимал его чувства, но был бессилен что-либо изменить или облегчить его боль. Мы просто стояли, и из наших глаз ручьями лились слезы. Он вернется к деревьям, в свой настоящий дом, даже если только для того, чтобы умереть. «Я скучаю по лесу», – повторил Крис.

Он снова выуживает из кармана часы. Говорит, что, вполне возможно, мы больше не увидимся. Было рискованно продолжать этот разговор сейчас, вопреки желаниям его семьи. Другого точно не состоится. После того как он уйдет, говорит Крис, я могу рассказать его историю так, как я пожелаю. «Вы – мой биограф», – заявляет он. Ему будет уже все равно, что о нем напишут. «Я буду с Лесной Дамой, я буду счастлив, – говорит он. – Можете тогда даже выпустить футболки с моей фотографией, чтобы ваши дети продавали их на углу».

Несмотря на слезы, я улыбнулся этим словам. Мир – странное место, наполненное смыслом и совершенно бессмысленное в одно и то же время. «Я был рад вас видеть», – говорит Крис. Он провожает меня за гараж, к машине, и оставляет меня там. Его мать может вернуться в любой момент.

«Езжайте, – шепчет он. – Езжайте».
И я уезжаю.

Глава 28

«А что, если...»

Проехав с милю, я глушу двигатель. Крис только что рассказал мне, что собирается убить себя. У меня был детальный план этого самоубийства. И что мне теперь со всем этим делать? Держать в тайне? Звонить в полицию, его семье, офицеру, который ведет его дело? Есть ли у меня ответственность перед законом? Моральная ответственность? В панике я поехал в отель и позвонил за консультацией нескольким знакомым врачам.

С точки зрения закона все было ясно. Если человек говорит, что собирается убить себя через шесть месяцев, это не считается немедленной угрозой жизни. И неважно, что Найт считает месяцы, как дерево, и его полгода – это не наши полгода. Я могу отвезти его в полицейский участок или в больницу, но никто не будет его держать там против воли.

С моральной точки зрения все гораздо сложнее. Я считал, что Крис говорил серьезно. Катрин Бенош, клинический психолог с частной практикой из Чикаго, со мной согласилась: «Вполне вероятно, эта история действительно закончится самоубийством». Томас Фрейзер из Кливлендского центра аутизма подтвердил это: «Он очень подвержен риску суицида». Питер Дери, клинический психолог из Нью-Йорка, сказал: «Я бы беспокоился на его счет».

Я думаю о нем всю ночь и почти не сплю. С утра решаю вернуться к нему домой и еще раз поговорить с ним лично. Мы обсудим это, думаю я, словно настоящие друзья. Я несусь по сельским дорогам к Альбиону и перед его домом, поравнявшись с участком его брата, вижу, что дверь гаража открыта, и внутри сидит человек, склонившись над двигателем. Худой, в очках, в джинсах, в бейсболке. Крис. Я торможу. Человек в гараже поворачивается ко мне.

Это не он. Это Дэниэл. Мы видим и узнаем друг друга. Я останавливаюсь на обочине, достаточно близко, чтобы заговорить, и понимаю, что выбора, кроме как открыть дверь и поздороваться, у меня нет. Я берусь за ручку двери и вдруг замечаю, что выше по улице кто-то активно машет мне рукой. На этот раз это Крис. Я отъезжаю от Дэниэла, так и не сказав ни слова, и паркуюсь у желтого гаража, как и накануне.

Крис подбегает к моей машине и знаками просит открыть окно. Я не

стал этого делать, а открыл дверь и вышел. Он очень возбужден – видел, как я остановился возле Дэниэла, и все повторяет: «Что же вы наделали!» Лицо Найта снова превратилось в ничего не выражающую маску. Поверить невозможно, что только вчера он так охотно поверял мне свои мысли и чувства, а сегодня вновь непрошибаем, как камень. Я объяснил, что испугался его вчерашних слов о Лесной Даме. «Я просто обдумывал идею», – сказал он сердито. Стало ясно, что он снова хочет от меня избавиться.

«Поезжайте назад в Монтану. Детям нужен отец. Оставьте меня уже в покое. Немедленно!» И Крис ушел в дом, не проронив больше ни слова. Во второй раз за два дня, ужасно расстроенный, я вернулся в отель.

На этот раз я уже звонил агентам по недвижимости. Неправильно это – мужчине в его возрасте жить в детской. Маленький домик с одной спальней стоил шестнадцать с половиной тысяч долларов. Я не знал, примет ли Крис такой подарок, или согласится ли его терапевт, что это хорошая идея. Найту все еще нужны были деньги, чтобы расплатиться за повреждения во взломанных домиках и за похищенные продукты, а у него нет ни единого доллара. Все пожертвования в его адрес разошлись на возмещение причиненного им ущерба, и он еще остался должен.

Найт настойчиво просил меня не вмешиваться в его жизнь, поэтому я передумал покупать ему дом и полетел домой. Я написал ему письмо: «Мне невыносима мысль, что вы можете уйти на прогулку с Лесной Дамой». Каждый месяц я писал ему снова, всю весну, лето и осень. Ответа не было.

Затем наступил ноябрь – время, когда Крис обещал привести свою угрозу в исполнение. Я не мог больше сидеть сложа руки. Сел в самолет и отправился в Мэн, написав ему за десять дней до этого короткое письмо о том, что приеду. Жена позвонила мне во время пересадки в Нью-Йорке. От Найта пришла открытка. «Срочно – пожалуйста, оставьте меня в покое. Именно сейчас это очень важно, – зачитала она мне по телефону. – Проявите уважение, оставьте меня одного. Пожалуйста. Если вы появитесь здесь, я позвоню в полицию. Оставьте меня одного. Пожалуйста». Я вернулся назад, так и не увидевшись с ним.

Зима прошла, и я вновь попытался выяснить, что с Крисом. Все жители Северного пруда, с которыми я говорил, сказали, что последние два лета без отшельника были самыми прекрасными на их памяти. Люди стали оставлять домики незапертыми, как в прежние времена. «С отшельником покончено, – сказала Джоди Мошер-Таул, редактор новостного бюллетеня Северного пруда, выходявшего дважды в год. – Все в прошлом. Никто

больше не хочет даже слышать об отшельнике, потому что... Ну, потому что уже все, сколько же можно...»

Прокурор Малони ответила на мое письмо, что Найт продолжает являться в суд каждый понедельник и его дела идут просто фантастически хорошо. Ну что ж, по крайней мере, я хоть знал, что он жив.

В конце зимы Малони объявила, что Найт прошел реабилитационную программу и 23 марта 2015 года будет официально освобожден. Через два года после его ареста в лагере «Сосна». «Его заключительное выступление в суде прошло очень гладко, – рассказала судья Миллс. – Он ни разу не оступился и сделал все, о чем его просили». Найту назначили испытательный срок длиною в три года, во время которого ему запретили употреблять алкоголь или наркотики, а также обязали посещать регулярные консультации у психолога. Другие ограничения были сняты. «Мистер Найт, – сказала прокурор Малони, – теперь полноценный член нашего общества».

Найт на суде выглядел странно. Он был все так же худ и гладко выбрит, однако что-то в нем изменилось. Хотя он и не произнес благодарственную речь, его поведение казалось более покладистым. Линия челюсти вдруг показалась какой-то непривычно вялой. Надетый на нем синий свитер с V-образным вырезом поверх белой сорочки, застегнутой на все пуговицы, делал Найта похожим на воспитателя детского сада.

В одном из первых писем ко мне Найт написал о себе так: «готовый бороться, ругаться и драться», и затем прибавил, чтобы сохранить рифму: «готовый не ныть, стоять на своем и никогда не сдаваться». Даже когда он хотел убить себя, Крис был полон протеста.

Сейчас же, на суде, он выглядел сговорчивым. Возможно, он понял, что борьба против всех и вся делает жизнь невыносимо трудной. Увидел бесконечную глупость и пустоту нашего мира и решил, как и большинство из нас, попробовать стать к этому терпимым. Казалось, он все-таки сдался. Это было разумно, но все же разбивало мне сердце.

После итогового слушания я снова поехал на Северный пруд. Припарковал машину у дороги и направился сквозь едва тронутый снегом лес к лагерю Криса. Это была моя уже восьмая поездка туда. Я пять раз ночевал там во все времена года. Теперь я чувствовал, что лагерь, как и сам Найт, был выскоблен до мертвенной стерильности.

Мэнский департамент защиты окружающей среды недавно прислал команду служащих на вездеходе, и они убрали оставшийся мусор и пропановые баллоны, наследив за пару часов гораздо больше, чем Найт – за несколько десятилетий.

Теперь это просто место в лесу, не более того. Еще пара лет, и, наверное, будет даже сложно поверить, что здесь кто-то когда-то жил. Я сидел на валуне, торчащем из снега, пытаюсь поймать лучик солнца сквозь ветки деревьев. Меня пробивала дрожь. Как же здесь одиноко.

Современная жизнь, кажется, создает все условия, чтобы избегать одиночества. Но, может, с ним стоит периодически иметь дело? Чем больше мы избегаем одиночества, тем слабее наша способность его переживать, и тем больше оно нас пугает. Некоторые философы верят, что одиночество – это наше единственное настоящее переживание. Мы, по сути, живем, заброшенные, на маленьком куске камня, в огромном космосе, а вокруг, на миллиарды и миллиарды миль, нет ни единой, даже простейшей, формы жизни. Мы ведь на самом деле настолько одиноки, что и представить себе невозможно. Мы живем, запертые в своей голове, и никогда не можем знать, что переживает другой человек. Даже если мы окружены семьей и друзьями, навстречу смерти мы идем в полном одиночестве.

«Уединение – один из важнейших аспектов того, что называется быть человеком», – писал мексиканский поэт и нобелевский лауреат Октавио Пас. «По большому счету, особенно в самые глубокие и важные моменты нашей жизни, мы невыразимо одиноки», – говорил Рильке. «Мы все бредем в пустыне. Никто никого не понимает» – слова Флобера.

Удивительно, но Найт прислал мне еще одно, последнее, письмо. Оно звучало элегией нашей дружбе. В нем он поручал мне купить жене цветов, а мальчишкам – конфет, «чтобы компенсировать ваше отсутствие во время поездок в Мэн». А потом просил не приезжать. «С сегодняшнего дня – и никогда больше».

Он не подписался, конечно, но впервые нарисовал что-то цветными карандашами. Цветок, один-единственный, – маргаритка с красными лепестками, желтым пестиком и парой зеленых листьев цвела в углу его записки. Мне это показалось очень хорошим знаком. Я воспринял его как сигнал, что он хоть как-то смог приспособиться к окружающей действительности. Я считаю, этот цветок – символ того, что, даже если Найт никогда не сможет больше жить той жизнью, о которой мечтает, он не уйдет гулять с Лесной Дамой. Я верю, что этот цветок дает надежду.

Хотя временами я все же спрашиваю себя: а что, если?.. Что, если бы сержант Хьюз не оказался столь проворен, и Найта никогда бы не поймали? Крис говорил мне, что остался бы в лесу навсегда. Он мечтал умереть в своей палатке, там, где был по-настоящему счастлив. Даже без всякой команды чистильщиков у природы не ушло бы много времени, чтобы

проглотить этот пятачок. Его бы обхватили ветки, сквозь него проросли бы корни – палатку, тело и газовые баллоны поглотила бы земля.

И я верю, что именно таким видел Найт конец своего пути. Он не собирался оставлять после себя ни единой записи, ни фото, ни мысли. Никто бы не узнал о его опыте. Ни строчки не было бы о нем написано. Крис просто исчез бы, и никто на этой бешеной планете не заметил бы этого. Даже легкая рябь не пробежала бы в его честь по поверхности Северного пруда. Это была бы абсолютно безупречно прожитая жизнь.

<i>Конец</i>
